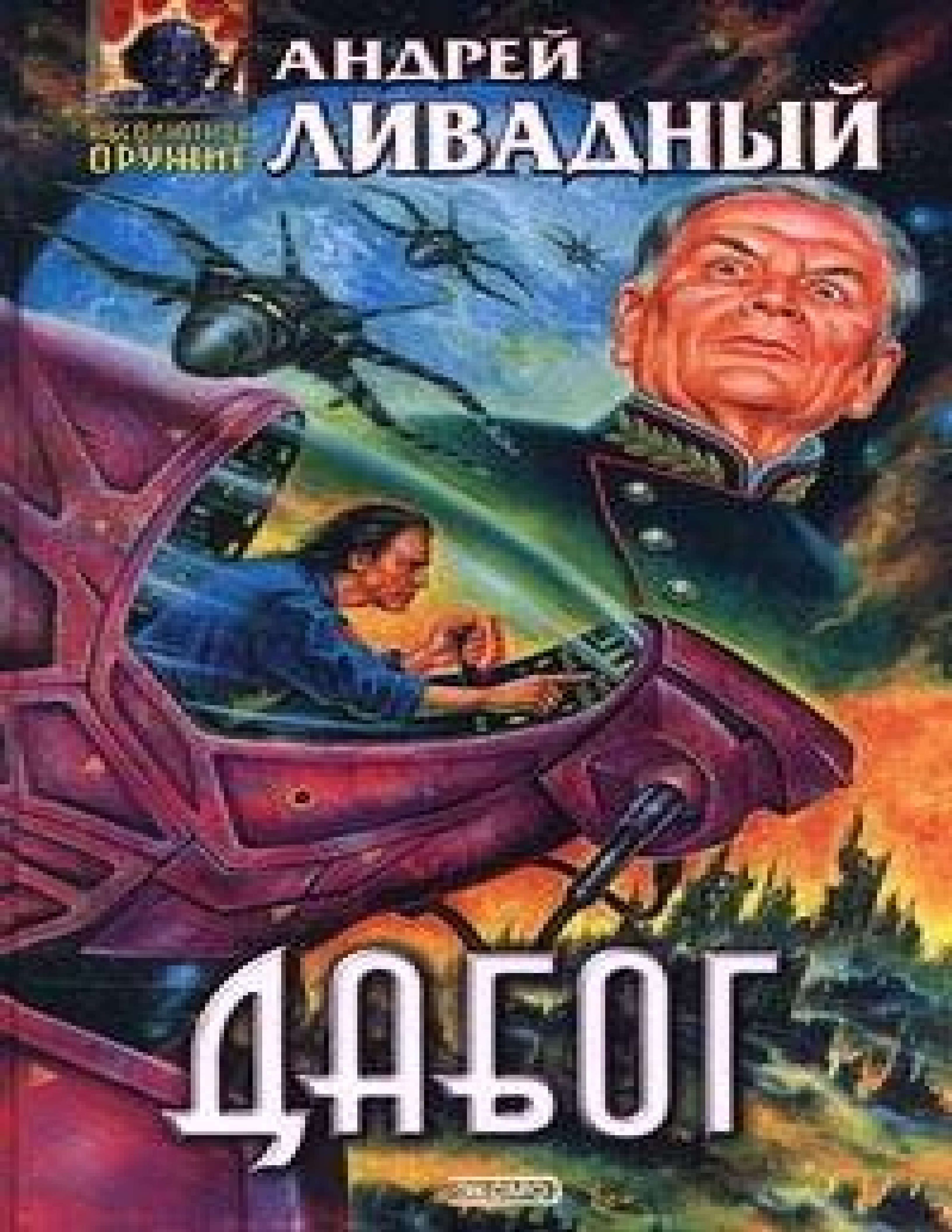

Андрей
Ливадный
Дабог

Annotation

Это назвали «акцией устрашения», чтобы следующие миры, которым было определено но плану поенного командования Земного Альянса быть захваченными, не оказывали сопротивления. Планета Дабог в результате орбитальных ядерных бомбардировок превратилась в кусок обожженного камня Но захватчики просчитались ее жители, уйдя в подземные бункеры, не прекратили сопротивления. Их техника — бывшие аграрные роботы, вооруженные лазерами, стала для землян сущим кошмаром. Однако война только начиналась…

Андрей Ливадный Дабог

Пролог

Группа пилотов, оживленно переговариваясь между собой, шла по длинному, изгибающемуся плавной дугой коридору космического корабля.

Фосфоресцирующие надписи на стенах, — большие красные стрелы, указывающие в одном направлении, — повторяли одно и то же:

«ВНИМАНИЕ! ВХОД В СТАРТОВЫЕ ОТСЕКИ! ПРОВЕРЬ УРОВЕНЬ ГЕРМЕТИЗАЦИИ!»

— …Такая свинья, говорит мне: Майкл, твоя жизнь висит на волоске, и волосок тот протянут над вакуумным утилизатором крейсера, представляешь, какая сволочь?!

— …А что тебе говорили, отправляя сюда?

— …Эти уроды с десятой палубы вчера в баре…

— …Эй, а кто-нибудь знает, что за операция предстоит?

Последняя фраза обратила на себя внимание большинства членов растянувшейся по коридору группы.

— Ты что, не понял, Рощин?! — Средь наступившей вдруг тишины хохотнул здоровенный темнокожий пилот, с нашивками лейтенанта на рукаве мягкого термопоглощающего костюма. — Дядя Хаммер решил усыновить еще одно блудное дитя, сечешь? Или ты смотришь на обзорные экраны только когда там показывают мультики?

Молодой светловолосый парень, голубоглазый, без намеков на смуглость, прямо сама противоположность лейтенанту Сейчу, — молча проглотил замечание насчет своих пристрастий.

— Его в тюрьму забрали прямо из роддома, — с наигранной укоризной в голосе весело заметил другой пилот, подмигнув лейтенанту. — Он не досмотрел в детстве, а ты смеешься!..

— Ладно… — Пилот, к которому относились все эти колкости, казалось, не обратил на них должного внимания. — Я серьезно спрашиваю — куда летим?

— Ну, знаешь, Рощин… — развел руками Сейч, подойдя к огромным створам ангара. — Тебе же ясно сказано — очередное поселение. Запихивать его будем, под задницу… то бишь под эгиду Всемирного правительства… — поправился лейтенант.

— А они хотят? — Рощин посмотрел на командира механизированного взвода, который как раз вставлял карточку допуска в щель считывающего устройства.

— Еще как… — оскалился тот. — Думать-то надо головой, а не задницей, пилот! Упертые они все, эти колонисты… — с досадой констатировал он, получив назад свой пропуск. — Наши предки на них горбатились, строили колониальные транспорты, технику там разную, оборудование… А они что? Знать нас теперь не хотят?

— Ага… — поддержал лейтенанта другой пилот, с нашивками сержанта. Свалили с Земли на девственные планеты, а теперь смотри — нос воротят. Чистенькие они.

— Конечно, чистенькие, — вступил в разговор еще один офицер, и его гогот затравленным эхом метнулся по коридору, — они же улетели, а в дерьме остались мы…

— Ну ты-то, допустим, не тогда родился! — поддела его единственная женщина из числа шагавших по коридору пилотов.

— Знаешь, Делакруа, а мне плевать! — вдруг серьезно огрызнулся офицер. — Почему они не хотят подвинуться? Мало места на их планетах, что ли?

— Ну, у Всемирного правительства тоже места хватает, только они-то тоже не больно с нами делятся! — раздался чей-то голос из-за спины.

— Эй, я не понял, что за дебаты? — вдруг насупился Джон Сейч. — Дядю Хаммера решили помянуть? Смотрите, — предупредил он, окинув остановившуюся группу пилотов помрачневшим взглядом. — Кто нарвется за такие разговоры вытаскивать не буду! Наше дело — зачистка территорий и овладение местностью. А думать будут другие. Вопросы есть?

Дураков не нашлось. Как только речь зашла о лояльности к Всемирному правительству Земного альянса, возглавлял который президент Джон Хаммер, разговор как-то зачах, словно ручеек, добежавший до песчаной осыпи и впитавшийся в нее.

— Все. — Сейч отошел от открывшегося прохода. — Два часа на тестовые проверки машин, зарядку боекомплектов и прочую нудистику, — посмотрев на хронометр, подытожил он. — И не забудьте, — кто проявит себя в предстоящей операции лучшим образом, получит гарантированный вид на жительство на этом, как его там…

— Дабог, — подсказал ему сержант Петч, — тот, который прошелся по поводу тюрьмы и роддома, откуда якобы забрали Рощина.

— Вот именно, Дабог, — согласился с ним лейтенант. — Лично я собираюсь написать семье, чтобы собирали шмотки, — мрачновато усмехнулся он. — И запомните, — Сейч повысил голос. — Мне плевать на этих колонистов и не плевать на свою семью. Они хотят жить. Мне надоела убогая квартирка на макушке мегаполиса, и луны Юпитера тоже

осточертели. А кто думает по-другому, можете писать рапорта. Ты, — он вдруг резко обернулся и посмотрел на Рощина, — отправишься в свою вонючую тюрьму, назад, к параше, а ты… — взгляд Майкла уперся в грудь Петча, — в криогенную капсулу, где принято держать таких недоносков… Продолжать?! — Он обвел взглядом помрачневшие лица и не встретил ни одного направленного ему в глаза взгляда.

— Так-то. Каждый из вас получил шанс выбраться из бочки с дерьмом, и путь к светлому будущему для вас лежит через рубку управления серв-машиной. Так что меньше думайте — легче жить будет. Особенно это касается тебя, Рощин, — прищурился он. — Не люблю я таких, понял?

Андрей поднял взгляд и посмотрел на лейтенанта.

— А я не прошу меня любить… — сквозь зубы процедил он.

— Сэр, — напомнил ему Сейч. — Ты забыл добавить слово «сэр», пилот.

Глаза Рощина сузились.

— Сэр… — с неохотой выдавил он.

— Вот так. — Лейтенант с очевидным усилием разжал кулаки. — Выкинешь что-нибудь в бою — кончу тебя, мразь, — вдруг пообещал он и, не дожидаясь ответа, развернулся и зашагал по узкому проходу к тому месту, где коридор разветвлялся на три рукава.

«СКАФАНДРОВЫЙ ОТСЕК»

«АНГАР БОЕВЫХ МАШИН»

«ПРЕДСТАРТОВЫЙ НАКОПИТЕЛЬ»

Так гласили надписи на указателях направлений.

Часть первая Акция устрашения

Глава 1

Из секретного доклада комиссии по переселениям:

«Адресовано: Джону Уинстону Хаммеру, президенту Земного альянса.

Дата: 16 мая 2606 года.

Сэр!

В ответ на ваш запрос о положении дел с миграцией населения докладываем, что нами, совместно с седьмым отделом Военно-космического флота, проведена детальная разведка звездных систем, находящихся в радиусе одного стандартного прыжка от границ Альянса.

В результате обнаружено девятнадцать пригодных для освоения планет. Посадка на поверхность не осуществлялась. Результаты аэрофотосъемок с позиции дальних орбит, а также данные сканирования электромагнитных диапазонов показали, что все обнаруженные планеты заселены, предположительно потомками членов экипажей колониальных транспортов Первого рывка. Наличие спутников связи и метеорологического контроля на низких планетных орбитах указанных миров и некоторые характерные признаки, обнаруженные при аэрофотосъемке, как то: ночное освещение населенных пунктов, развитая инфраструктура дорог и т. д., позволяют прогнозировать высокий технический уровень развития обнаруженных колоний.

Особенно приходится выделить три мира. Из данных радиоперехватов и телепередач установлены их названия. Это планеты Дабог, Элио и Рори. По последней планете имеется дополнительная информация относительно безвоздушного спутника Стеллар, на котором обнаружены признаки герметичных подземных поселений…»

Девятое июня 2607 года по летосчислению Земли. Планета Дабог. Раннее утро.

Вывеска на фасаде здания гласила:

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ ДАБОГА»

Чтобы попасть ко входу в одноэтажную, приземистую постройку, которая издали казалась всего лишь вросшей в землю макушкой чего-то большего, скрытого от посторонних глаз в толще переплетенной корнями почвы, нужно было миновать высокий бетонный забор с неуклюжими охранными вышками по углам периметра, пройти по аллее небрежниц (такое название получили мутировавшие на Дабоге земные ивы), и только

тогда окажешься перед тяжелыми, клепаными створами ворот, расположенных в конце аллеи.

Это, собственно, и был вход в Национальный музей истории Дабога.

Этим утром первая группа посетителей появилась сразу после девяти часов. Небо было безоблачным, воздух — звонким и ясным. Голоса ребят раздавались в тиши аллеи неестественно громко. Возглавлявшая группу учительница остановила детей перед угрюмыми бронированными створами древних ворот.

— Ребята… — Она подняла руку, требуя внимания. — Сейчас мы войдем в музей. Это будет вашим первым уроком истории. Здесь, в этом здании, все сохранено в том виде, каким оно было на заре освоения планеты. Тут вам покажут Дабог, каким его увидели наши далекие предки четыреста лет назад. А теперь пойдемте…

Преподаватель — молодая, можно даже сказать юная, стройная девушка лет восемнадцати-девятнадцати, — не колеблясь, нажала кнопку, прятавшуюся в углублении стены, сбоку от ворот. Очевидно, что она уже не в первый раз приводила сюда группы учеников начальных классов, только приступавших к изучению курса истории и экзобиологии родной планеты. Для нее это была серьезная, увлекательная практика после окончания высшего учебного заведения.

Дарья Дмитриевна Кречетова, вчерашняя выпускница государственного университета Дабога, поправила выбившуюся из-за уха прядку волос и улыбнулась кому-то из ребят.

Огромные, массивные створы ворот дрогнули и начали открываться, медленно расползаясь в стороны.

Дети, которые несмотря на присутствие учителя возбужденно перешептывались между собой, невольно притихли, глядя на движение двух многотонных плит.

Помещение, которое открылось за ними, выглядело достаточно тесным.

— А мы поместимся там? — забеспокоился кто-то из ребят.

— Не волнуйся, поместимся… — мягко успокоила его Даша, делая шаг вперед и подавая тем самым пример остальным.

Класс вслед за ней послушно потянулся внутрь квадратного тамбура. Когда все вошли, тесно обступив единственного взрослого, ворота дрогнули и начали также медленно смыкаться, отсекая солнечный свет.

Это оказалось и любопытно и жутковато одновременно. Кто-то из девочек взвизгнул…

Учительница улыбнулась, успокаивая детей.

— Сейчас мы с вами находимся в так называемом «шлюзе» — переходной камере, расположенной между внешним миром и внутренними помещениями бункера, — объяснила она притихшей детворе. — Несколько веков назад атмосфера нашей планеты хоть и содержала в себе достаточно кислорода для дыхания, но была опасна для человека из-за множества чуждых нам микроорганизмов. Поэтому наружу приходилось выходить в защитных костюмах и герметичных шлемах. Здесь, в этой камере, вернувшихся с поверхности людей ждала процедура дезинфекции…

Словно в подтверждение ее слов под потолком вспыхнул резкий неприятно голубой свет ультрафиолетовых ламп, а из крошечных отверстий в стенах потянуло горячим, сухим, пахнущим медикаментами воздухом.

Ребята стояли, тесно прижавшись друг к другу, заинтригованные, озадаченные и немного испуганные. Все это было так непохоже на их родной Дабог… Неужели когда-то давно теплая, приветливая планета действительно была настолько враждебна к их предкам, что тем приходилось прятаться под землей, за оболочками из бетона и стали?! Трудно представить — чтобы выйти на улицу, нужно было надевать громоздкий скафандр со шлемом!.. Совсем как в космосе…

Потоки неприятно пахнущего воздуха наконец иссякли, и внутренние створы шлюза принялись открываться так же медленно и неторопливо, как это делали наружные.

За расползающимися в стороны массивными плитами открылся длинный, тускло освещенный коридор с голыми бетонными стенами, от которых, казалось, исходил холод.

Кто-то из ребят не выдержал и поежился.

— Да, ребята, история Дабога начиналась именно так, — произнесла Дарья Дмитриевна, делая шаг в коридор. — Когда колониальный транспорт «Беглец» совершил посадку на поверхность планеты, его приборы показали, что люди не могут дышать местным воздухом, хотя он и содержал тридцать пять процентов свободного кислорода. Планету нужно было преображать, приспосабливать к привычному для людей метаболизму, но как это было сделано?

Никто из ребят не решился ответить на заданный вопрос.

Впрочем, их молчание было вполне закономерно и ничуть не расстроило молодую учительницу.

— Чтобы выжить в первые годы после посадки, нашим с вами далеким предкам пришлось построить под поверхностью планеты систему бункеров, объяснила она, жестом обратив внимание детей на холодные,

серые стены вокруг. — Сначала на поверхность планеты высадились машины. Они принялись рыть первые убежища, а триста тысяч человек в это время продолжали спать на борту колониального транспорта. Все они были погружены в так называемый криогенный сон. О нем вы узнаете позже на уроках биологии человека.

Она обвела взглядом столпившихся в тесном и мрачном коридоре бункера учеников и продолжила:

— Первые годы освоения полны трагизма, непреодолимых, казалось бы, трудностей и самоотверженности тех людей, которых по мере постройки все новых и новых убежищ будили автоматы. Тяжелая планетарная техника, помимо организации новых подземных поселений, постепенно соединяла уже оборудованные бункеры сетью тоннелей. Люди, прожившие несколько лет в изоляции друг от друга, наконец получили возможность общаться не только через экраны компьютеров и средства телефонной связи, но и лично. Собравшись вместе, они сравнили результаты биологических исследований, полученных из разных точек на поверхности Дабога, и решили, что должны полностью видоизменить лик негостеприимной планеты, для того чтобы их потомки смогли вернуться к привычному, естественному для человека существованию.

В этом месте своего отрепетированного на предварительных занятиях доклада молодая учительница почувствовала, что сама волнуется не меньше, чем окружившие ее ребята.

— А сейчас мы пройдем по коридору и попадем в зал, где вы увидите Дабог таким, как он представился нашим далеким предкам. Прошу вас, дети, не пугайтесь, стойте рядом со мной и смотрите. Никакой опасности нет, потому как все, что вы увидите, — это лишь имитация, искусно сделанные муляжи, управляемые компьютером.

С этими словами она пошла вперед, увлекая за собой притихшую стайку учеников.

В конце коридора начали медленно открываться еще одни ворота и…

Великий боже, что за ними творилось!

Земля. За полтора года до событий на Дабоге.

Невысокого роста человек стоял у занимающего всю стену панорамного окна, слушал, размышлял и одновременно смотрел вниз, в узкую, бездонную расселину улицы, которую, повторяясь на бесчисленных уровнях этажей, украшали сполохи разноцветных голографических реклам.

Стеклянные стены высотных зданий, чьи фасады образовывали безобразную, с его точки зрения, всемирно известную площадь Пяти Углов, поднимались вверх, к грязно-серым кислотным облакам. За стенами, как в

аквариуме, можно было без труда разглядеть десятки тысяч человек, спешащих по сугубо личным и в большинстве своем — праздным делам, в бесконечном броуновском движении частичек сверхбольшого и крайне перенаселенного города.

В последнее время прозрачные стены прочно вошли в моду, и даже власти Всемирного правительства не хватило, чтобы запретить такие фасады здесь, на бесконечно повторяющихся уровнях площади Пяти Углов…

Как будто вид этой требушины большого города может доставлять удовольствие или вызывать любопытство… — с нотками раздражения в мыслях, решил про себя он. — Огромный, тупой, своенравный муравейник, где каждый мнит себя крылатой маткой… — опять с досадой подумал он, но от окна не отошел — видимо, картина одновременно движущихся в замкнутых пространствах фигурок все же чем-то притягивала, завораживала его.

Джон Уинстон Хаммер считал себя человеком глубоко и прогрессивно мыслящим. В принципе он не ошибался в такой самооценке. С высоты собственного положения, будто с крыши небоскреба, многие проблемы видятся несколько иначе. Как человеческие фигурки сливаются на дне улицы в безликую, лишенную индивидуальностей серую шевелящуюся массу, так и отдельные драматические эпизоды политики теряют свою остроту, если наблюдать за ними с высоты неограниченной власти.

Если бы их только не накапливалось так катастрофически много…

Хаммер любил перечитывать классиков древности, и сейчас ему хотелось крикнуть собственным, отмеченным в мысленном ежедневнике проблемам так же просто, коротко и емко, как то делал незабвенный булгаковский Шариков:

В очередь, суки, в очередь!..

Вместо этого он усмехнулся, вполуха слушая монотонный доклад главы Национального разведывательного управления Земли:

— …по законам движения материальных тел через аномалию космоса мы, покидая орбиты Солнечной системы в гиперпрыжке, двигаемся строго по определенным силовым линиям, и, учитывая предельную дальность прыжка, можно обозначить три сотни вероятных для выхода в трехмерный космос точек. Все они в данный момент подвергаются тщательной разведке, но и на основании уже имеющихся в нашем распоряжении данных можно с уверенностью предсказать — все планеты, в радиусе одного светового года от такой точки выхода, окажутся либо безнадежно мертвы, либо уже колонизированы гиперсферными

транспортами-невозвращенцами, покинувшими нашу систему четыре сотни лет назад. Таким образом, Вторая волна расселения в космосе уже не может быть инициирована с Земли иначе как в два этапа, по схеме: прыжок к существующей колонии, плюс «слепой рывок» в область неизведанного космоса…

Хаммер поморщился.

Глядя вниз, на забранный в сталь и стекло человеческий муравейник, он не мнил себя богом, отнюдь. Глава Всемирного правительства и одновременно президент так называемого Земного альянса считал себя законченным реалистом, а значит, помнил и понимал: он сам когда-то вышел из чрева этого мегаполиса, который вмещал в себя десять миллиардов человек, — малую толику реального населения Земли. Муравейник жил по своим законам, и не стоило презирать его общественную силу, а уж тем более ворошить палкой и дразнить его обитателей.

Наоборот, глядя вниз, сквозь толщу бронированного стекла, он слишком явственно ощущал неровный пульс этой жизни, по-своему любил ее, желал ей добра в той же степени, как и себе, потому что они оказались слишком тесно взаимосвязаны — миллиарды людей и стоящая над ними власть.

Любить, презирать, понимать и бояться одновременно — что может быть мучительнее и слаще подобного балансирования на краю бездны? Хаммер тонко ощущал собственную власть. Он отвечал за копошащихся вокруг маленьких членов непомерно огромного общества, которое вплотную подошло к черте самоуничтожения и теперь стояло, с нездоровым любопытством заглядывая в собственную могилу.

Ситуация складывалась простой и драматичной одновременно.

Миллиарды людей, запертые в границах Солнечной системы, не могли быть обеспечены работой, сносными условиями жизни, ресурсами в принципе. Сколько бы ни корячилось Всемирное правительство, дойдя до такого откровенного маразма, как перевод некоторых автоматизированных производств на частичный ручной труд, ситуация могла измениться только в худшую сторону. Бесчисленная армия потенциальных безработных уже составила практически восемьдесят процентов населения Земли и внутрисистемных колоний. Это были лишние люди, от рождения прозябающие на дотациях государства.

— Значит, мы не можем отправить их в космос?

Неожиданный вопрос не застал врасплох главу разведуправления.

— Сомневаюсь, что кто-то полетит, сэр, — без долгих колебаний

ответил он. — Люди отвыкли от этого. Им не понравится, когда мы начнем запихивать их в морозильники и сплавлять, как четыреста лет назад, в сущую неизвестность, без обратного адреса.

— Да, я знаю… — ответил Хаммер, отходя от окна. — Идея добровольной колонизации изволила сдохнуть… — Он в задумчивости потер подбородок. Дорогие предки подбросили нам хорошую свинью, верно? — мрачно пошутил он. Они избавились тогда от бунтующей части населения очень ловко, но руководствовались при этом исключительно эгоистическим принципом «после нас — хоть потоп»…

Он неторопливо прошелся по обширному кабинету, остановился у рабочего стола, который окружали искусно декорированные под старинную мебель терминалы правительственной связи и консоли мощных сетевых компьютеров.

— Мы на краю бездны… — скорее для самого себя, негромко произнес он, выразительно постучав отполированным ногтем по столешнице рабочего стола, которая представляла в данный момент карту Земли с пульсирующими, неровными ареалами супермегаполисов. Инстинктивно поморщившись от вида пульсирующих аур перенаселенных городов, Джон Хаммер коснулся сенсора, расположенного в торце стола, и изображение на огромном плоском мониторе столешницы волшебно изменилось.

Оно наполнилось глубокой чернотой пространства, в котором ровным, немигающим светом чистого серебристого огня расплескалась объемная панорама далекого шарового скопления звезд.

— Подойдите, генерал, — негромко приказал Хаммер.

На фоне плотной россыпи серебряных пылинок зажглось с три десятка изумрудных огоньков. Они начинались у размытого края шарового скопления и тянулись в глубь уплотняющегося ядра звездного сообщества.

Это были колонии.

— Они не хотят принять эмигрантов с Земли, ведь так? — спросил Джон Хаммер, двумя руками опершись о край горизонтального экрана.

— Не совсем так, сэр, — поправил его Дягилев. — Работа с колониями очень сложна и специфична. Мы не раскрылись ни на одной из планет. Им незачем знать о нашем присутствии в скоплении. К сожалению, выжившие анклавы цивилизаций достаточно малы, компактны по своей численности, и в них трудно внедрить наших агентов. Это удалось осуществить только на ряде планет с более крупным населением и развитой экономикой. Трижды за последний год моим людям удавалось исподволь инициировать обсуждение вопроса о том, как действовать, если

корабли прародины вновь появятся на орбитах уже состоявшихся колоний.

— Да? И каков результат? — Джон Хаммер сделал вид, будто не знает его.

— В трех разных мирах люди, совершенно не контактирующие друг с другом, пришли к одному мнению: если такое случится, то поселенцев с Земли нужно будет принять, но на строго определенных условиях.

— Каких условиях, генерал?

— Они пустят к себе только тех, кого сами отберут из массы желающих… на конкурсной основе, сэр…

Хаммер на минуту погрузился в задумчивость.

— Здравое решение, — наконец прокомментировал он. — Они хотят получить нормальных, дееспособных членов общества, а на Земле оставить весь этот сброд?

— Сэр, их логику можно понять. Наши исследования в области их истории показали, что ни одна планета изначально не напоминала Землю по своим экзобиологическим данным. На любой из освоенных планет вы найдете повторение одного и того же пути — долгая, мучительная борьба за выживание на протяжении как минимум нескольких сот лет. Потерянные поколения, климатические катастрофы… и так далее. Никто из них не захочет пускать в свой, обустроенный потом и кровью дом тех, кого вы назвали сбродом. Им не нужен сброд. Им нужны люди. Ни одна здравомыслящая колония не захочет превратить тщательно и с любовью отстроенный дом в грязную, вшивую коммуналку для бездельников…

— Вот, значит, как вы думаете о Земле, генерал? — Хаммер сначала помрачнел, а затем вдруг усмехнулся. — Грязная коммуналка? — вскинув голову, переспросил он таким тоном, словно пробовал эти слова на вкус. — Вы очень долго думали о колониях, господин Дягилев, — внезапно заключил он. Коснувшись сенсора, Хаммер, вернул на экран изображение Земли, покрытой пульсирующей коростой неровных пятен. — Это тоже, между прочим, люди, напомнил он, щелкнув по поверхности экрана пальцем. Миллиарды людей, которые виноваты лишь в том, что родились на свет. У Земли больше нет ресурсов, чтобы кормить такое количество населения! — резко заключил он. — Наши предки, мягко говоря, загадили планету, выкачали из ее недр все, что смогли, превратив Землю в гнилую скорлупу пустого ореха! Нас в два раза больше, чем всех гипотетических колонистов вместе взятых, на открытых и даже неизвестных к сегодняшнему дню колониях. Так давайте, наконец, станем думать не о людях, а о человечестве и решим для себя, где оно — там или тут?.. — Джон Хаммер тяжело посмотрел на генерала.

Тот молчал, предоставляя главе Всемирного правительства рассуждать самому.

Джон Уинстон Хаммер уже принял решение. Он знал, что последует дальше. В его призыве — перестать мыслить в масштабе личностей — уже скрывался призрак того движения народов, которое собирался инициировать этот человек.

Он считал, что жизнь миллиардов людей, заточенных в клоаках земных супермегаполисов, несравненно более значима, чем судьба горсти колонистов, рассеянных по Галактике злой прихотью гиперсферы…

Он знал, что будет проклят одними и вряд ли добьется любви тех, кому собирался открыть дорогу в большой космос.

Кто-то должен сделать это, рано или поздно… — приблизительно так думал он, глядя на копошащийся за окном человеческий муравейник. — У нас нет даже десятка лет на долгий и нудный процесс переговоров с колониями. Они либо покорятся новой волне Экспансии, либо сойдут с исторической сцены. Третьего не дано…

На траверсе планеты Дабог. 10 июня 2607 года. Один час десять минут до начала атаки.

Шесть космических крейсеров шли клином.

Издалека, с расстояния в несколько сот тысяч километров, даже в оптике следящих устройств данное движение выглядело вполне безобидно: упорядоченные искорки света, построившиеся маленькой пирамидкой, не могли испугать стороннего наблюдателя. Тем более не воспринималось серьезно небольшое облачко вспомогательных судов, похожих на горсть серебристой пыли, брошенную на потеху солнечному ветру…

А зря… каждая пылинка данного облака являлась по меньшей мере конвойным носителем…

Планета приближалась.

Искорки света росли, принимая осязаемые контуры клиновидных конструкций длиной в несколько километров каждая. Их темная броня вспухала надстройками бесчисленных орудийных башен, меж которых угадывались плотно сомкнутые сейчас створы стартовых электромагнитных катапульт, предназначенных для выброса в космос истребителей поддержки, или старта десантных модулей при планетарных атаках.

Головной крейсер, двигавшийся в вершине пирамиды, был темен как ночь. Никаких опознавательных огней или иных навигационных сигналов. Черная тень на фоне черного неба, и лишь пламя, полыхающее в корме корабля, скупо подсвечивало его контур, позволяя прочитать название,

нанесенное метровыми буквами на броню в районе главного шлюза.

«ЭНДГРОУЗ».

Вслед за ним, освещенные выхлопом ионных двигателей флагмана эскадры, скользили «Апостол Петр» и «Тень Земли».

Замыкали пирамиду еще три крейсера, за которыми двигались три десятка меньших космических судов.

Это была сила, способная перемалывать звездные системы с той же легкостью, как гусеница танка сминает случайно попавшую под трак детскую игрушку.

…Адмирал Нагумо расхаживал по мягкому ковру, которым была выстелена палуба боевого мостика флагманского крейсера «Эндгроуз», бросая косые, хмурые взгляды на обзорные экраны, куда транслировалось укрупненное изображение подвергшейся атаке звездной системы.

Безымянная звезда пронзительно-желтым, ослепительным шариком зависла в черноте космоса. Соседний экран показывал серо-голубую, измазанную разводами облачности планету, вокруг которой вращалась невзрачная горошина лишенной атмосферы луны. Приборы визуального увеличения показывали лишь размытые границы стратосферы Дабога да пару-тройку спутников совершенно мирного предназначения. Никаких следящих устройств, систем орбитальной обороны, космических станций…

Казалось бы — легкая добыча… Перезрелое яблоко, что должно упасть к ногам Всемирного правительства, став отправной точкой для Второго рывка галактической Экспансии, инициированного с Земли…

Однако, несмотря на оптимистичность прогнозов и совершенно недвусмысленный приказ, Нагумо нервничал. Командующий тремя объединенными флотами Земного альянса не был согласен с тем планом, который носил кодовое название «Акция устрашения». Ему казалось неправильным начинать покорение колоний с демонстративной орбитальной бомбардировки. Но, к сожалению, планы операции утверждал не он…

Хватит! — мысленно оборвал сам себя Нагумо. — Это мой долг перед миллиардами людей, заточенных в границах Солнечной системы.

Адмирал не был гуманистом. Его не мучила совесть. Он в полной мере, осознавал, что они собираются сделать. Единственное, во что верил Нагумо, будущие поколения разберутся, кто есть кто, и это уже будет их дело поставить ему памятник или превратить его имя в проклятие…

В очередной раз проходя мимо личного терминала, установленного в самом центре боевого мостика, Нагумо, раздраженный собственными

сомнениями, склонился к встроенному в панель коммуникатору и произнес:

— Вахтенный, связь с ракетной палубой!

— Есть, сэр!

Что-то щелкнуло в недрах пульта.

— Ракетная палуба, старший офицер Корнилов на связи, сэр!

— Все готово?

— Так точно! Точки поражения запрограммированы. Все координаты проверены мной лично. Два города: один — на севере, другой — на юге материка, сэр!

— Хорошо, начинайте…

Эта фраза прозвучала обыденно, ровно.

Никто еще не понимал, что с нее начинается новая эра в истории освоенного космоса. Все происходило в тиши напичканных электроникой постов и палуб, где самыми громкими звуками являлся шелест охлаждающих вентиляторов да монотонное попискивание сигналов на консолях компьютеров наведения…

Через минуту с небольшим в носовой части «Эндгроуза» беззвучно открылись ракетные порты. Две длинные, обтекаемые сигары ракет класса «космос-земля» немного выдвинулись из них, показав заостренные носы со зловещей маркировкой по ободу боеголовок.

ВНИМАНИЕ! ЯДЕРНЫЙ ЗАРЯД. РАДИАЦИОННАЯ УГРОЗА. РАБОТАТЬ ТОЛЬКО В ЗАЩИТНЫХ КОСТЮМАХ ПРИ УСТАНОВЛЕННЫХ ПРЕДОХРАНИТЕЛЯХ!

В данный момент все чеки предохранителей были сняты.

Где-то в глубинах крейсера монотонный голос компьютерной системы заканчивал обратный отсчет, озвучивая последние, отпущенные ничего не подозревающим людям секунды…

Нагумо пристально смотрел на экран и видел, как обе ракеты, вырвавшись из пусковых шахт, ринулись к серо-голубому шарику планеты. Адмирал проводил долгим взглядом ослепительные хвосты их реактивных двигателей и вновь склонился к коммуникатору:

— Вахтенный, лидера Третьего флота, крейсер «Тень Земли», на связь. Адмирала Надырова, лично.

— Есть, сэр!

Нагумо так и остался стоять, склонившись к сеточке коммуникатора. Боковым зрением он видел, как на одном из экранов ослепительные хвосты ракет превратились в две точки и исчезли, потерявшись на светлом фоне планеты…

— Надыров на линии, сэр!

— Тиберий… — Нагумо пожевал губами, что-то обдумывая, и вдруг произнес: — Начинай.

Дабог. Национальный музей.

С низкого, свинцово-серого неба не переставая хлестал дождь.

Тяжелые грозовые облака неслись под напором ураганного ветра почти над самой землей, едва не задевая макушки огромных древовидных папоротников, по крайней мере напуганным не на шутку детям казалось, что они действительно попали в прошлое и эти тяжелые облака несутся над их головами…

Местность вокруг напоминала бескрайнее, заросшее непроходимыми джунглями болото.

Стены огромного зала, создающие стереоскопическую панораму окрестностей, демонстрировали плотные заросли грязно-зеленых растений, украшенных султанами торчащих во все стороны листьев. По центру, рассекая надвое панораму древнего Дабога, текла, перекатываясь на обнажившихся валунах, мелководная река. Ее берега образовывала болотистая почва, над которой постоянно курилось марево желтоватых испарений. Под сенью первобытных джунглей стоял назойливый, нудный звон, который испускали тучи вьющихся под листьями насекомых.

— Обратите внимание, дети… — заговорила Дарья Дмитриевна. — Вон там, на другом берегу реки, ползет планетарный танк-вездеход. Эта машина являлась самой мощной из всего парка планетарной техники, который привез на своем борту колониальный транспорт «Беглец».

Дети повернули головы в указанном направлении.

В данный момент планетарному танку приходилось совсем несладко. Он полз по болоту на широких гусеницах, оставляя за собой широкую просеку. Из бункера, расположенного в задней части машины, на почву разбрасывался какой-то белесый порошок. Масса поваленных за ним деревьев шипела, истекая зловонным паром.

— Сейчас эта машина готовит почву планеты к первому преобразованию. Она делает просеки в джунглях и распыляет специальные микроорганизмы. Это наши, привезенные с Земли формы микроскопических существ, называемые бактериями. Они первыми, наравне с техникой, вступили в борьбу с дикой природой Дабога. Бактерии должны выжить, поселиться в почве и тем самым сделать ее чуть более пригодной для человека, чем раньше. Это маленькая, ничтожная часть борьбы за изменение биосферы планеты, крохотная ступенечка вверх, к сегодняшнему дню, — объяснила учительница, исподволь наблюдая за

реакцией ребят.

Пока она говорила, испуганные дети немного успокоились. Они по-прежнему жались друг к другу, держась тесной кучкой, но озирались по сторонам уже с явным любопытством.

— Смотрите, смотрите, он тонет! — вдруг выкрикнул один из мальчишек, указав рукой в направлении планетарного танка.

Действительно, машина попала в тяжелую ситуацию. Болотистая почва под ней вдруг раздалась в стороны, и танк начал проваливаться в трясину. Грязная, хлюпающая вода жадно вскипала вокруг него пузырями болотных испарений. Танк натужно вращал гусеницами, тщетно пытаясь зацепиться траками за твердую почву.

Наконец, когда грязная жижа поднялась выше гусениц, компьютер машины временно прекратил сопротивление. Двигатели замолчали, а вместо этого в покатой башне открылся люк, откуда выдвинулась параболическая антенна связи.

— Сейчас машина позовет на помощь, — пояснила учительница.

Однако, где бы ни находился источник помощи, она несколько запоздала. Внезапно пространство над джунглями, между залитой топями землей и низким, изливающимся дождем небом, огласил громоподобный рык какого-то животного. Почва под ногами заметно дрожала, передавая тяжкую поступь многотонной рептилии, которая ломилась сквозь джунгли, оставляя за собой просеку гораздо более широкую, чем увязший в болоте танк.

— Мамочка… — Кто-то из детей непроизвольно попятился назад, но учительница постаралась успокоить их.

— Дети, тихо, это всего лишь представление, имитация, не забыли?

Конечно, они помнили ее слова, произнесенные перед входом в этот зал. Но разве можно стоять спокойно, когда прямо на тебя прет чудище высотой с пятиэтажный дом, чья утыканная зубами пасть возвышается даже над зеленым пологом джунглей.

— По аналогии с древними формами земной жизни наши предки назвали таких существ динозаврами, — объяснила Дарья Дмитриевна. — В те времена они безраздельно властвовали на всей территории Дабога.

Пока она говорила, громадный ящер разломал прибрежную стену зарослей, прошел, разбрызгивая воду, буквально в десятке метров от перепуганных экскурсантов и склонил свою голову над планетарным танком.

Очевидно, что ящер принял его за какой-то диковинный вид местной жизни, потому что вдруг развернулся, высоко задрал свой хвост,

украшенный на конце увесистым костяным набалдашником, и с громким ревом хлестнул им по башне вездехода, расколов бронированный купол и расплескав по сторонам тонны зловонной болотной жижи.

Из искалеченной машины повалил густой дым, и это напугало злобную рептилию. Ящер отступил в сторону, раздувая ноздри и принюхиваясь.

Тем временем внутрь планетарного танка хлынули потоки воды. Дым моментально иссяк, но сама машина уже не подавала никаких признаков жизни. Накренившись на один борт, она медленно и беспомощно погружалась в болотную топь.

— Видите, ребята? — задала вопрос учительница своей притихшей, напуганной аудитории. — Как наши предки могли успешно бороться с враждебной к людям средой Дабога, если самые мощные планетарные машины оказались бессильны перед дикой природой планеты? Они вязли и тонули в болотах, их ломали в схватках жившие здесь гигантские животные, и с каждой такой потерей драгоценной, привезенной с Земли техники шансы наших предков на выживание катастрофически сокращались.

Дети внимательно слушали, не прекращая при этом озираться по сторонам. Их явно пугал ТАКОЙ Дабог.

— Тогда наши с вами предки опять собрались вместе. К этому времени под землей уже была построена огромная сеть бункеров, на несколько этажей уходящая в глубь планеты. В некоторых местах, где удалось добраться до источников планетарного тепла, были построены электростанции. Подземные воды, пропущенные через специальные фильтры, годились для питья. Нефть, которую нашли в подземных породах, дала возможность добывать топливо и изготавливать пластмассу. Жизнь в подземельях понемногу налаживалась, но наши предки не оставляли мысли об освоении поверхности Дабога.

Тогда, на историческом собрании всего населения подземелий, было решено еще раз объединить усилия и использовать скудный запас оставшихся машин на постройку подземных автоматических заводов, которые в будущем смогут выпускать новых роботов. Люди поняли, что им не одолеть планету одним рывком, и они решили пожертвовать собой ради своих внуков и правнуков. «Пусть мы проведем всю свою жизнь в подземельях, но наши потомки увидят в конце концов солнце и будут жить наверху», — так решили они, собравшись вместе.

Учительница протянула руку и что-то переключила на стене возле входа в панорамный зал.

Свет на секунду померк, и обстановка вокруг изменилась.

По-прежнему в центре панорамы протекала река, но теперь она стала глубже, шире, куда-то исчезли торчавшие из воды, обкатанные временем валуны. Растительность вокруг оставалась густой, высокой и непроходимой, но в ней произошли некоторые изменения — по соседству с древовидными представителями исконной жизни Дабога теперь росли вполне знакомые небрежницы, их заросли тянулись вдоль берега реки, клоня к ее мутным водам свои лохматые, растрепанные ветви.

— Вот пример первой победы людей над дикой природой планеты. Земные предки небрежниц назывались ивами и имели немного другой вид. Это первое серьезное растение, которое сумело не только прижиться, но, изменившись, размножаться на Дабоге.

Глаза детей восхищенно заблестели.

Познав робость перед дикой, враждебной природой древнего Дабога, они приветствовали неказистые, но знакомые деревья с восторженным одобрением. Наблюдавшая за этим учительница тоже выглядела довольной — первый урок был правильно усвоен детьми. В конце концов они научатся ценить то, что создали их предки, любить природу нынешнего Дабога, беречь ее…

Дав детям вдоволь насмотреться на пейзаж чуть видоизменившихся джунглей, Дарья Дмитриевна привлекла их внимание, жестом указав на туманный горизонт:

— Сейчас вы видите планету такой, какой она стала по прошествии ста лет после посадки колониального транспорта. А теперь посмотрим, как за эти годы изменилась техника людей.

Внутренний космодром крейсера «Тень Земли». Тридцать две минуты до начала вторжения.

Сирена выла не переставая.

Ее звук, сопровождаемый мерными вспышками кроваво-красных огней, обрамляющих квадратные ложементы стартовых катапульт, на которых покоились тупорылые, сигарообразные десантно-штурмовые модули с короткими крыльями для стабилизации атмосферного полета, вызывал невольную дрожь возбуждения у сотен людей в серых, камуфлированных черно-желтыми пятнами бронескафандрах, которые нескончаемыми цепочками бежали к откинутым рампам челноков.

— Быстрее! Шевелись! — Резкие окрики команд бились в коммуникаторах, подстегивая тяжелый бег массивных фигур. Звонко клацали о металлический пол ангара магнитные подошвы ботинок. Лица людей за поднятыми забралами гермошлемов были очень разными. Одни

казались злы и сосредоточенны, другие выглядели подавленными, третьи радостно-возбужденными, иные отражали растерянность, которая выползала на покрытые бисеринками пота лица пятнами предательской бледности, но никто из них не пытался выпасть из общего ритма движения, навязанного воем сирены, мерными вспышками злобных огней да бьющимися в коммуникаторах фразами:

— Быстрее! Быстрее! Шевелитесь, сукины дети, вас ждет новая родина!

Внезапно на огромной стартовой площадке внутреннего космодрома крейсера «Тень Земли» возник иной звук. Он не смог перекрыть надсадного воя предстартовых сирен, но вплелся в него новой, органичной, угрожающей нотой…

То был гул антигравитационных турбин планетарных боевых машин.

По всему периметру внутреннего космодрома с шипением сжатого воздуха поднимались ворота ангаров. Предстартовая суматоха усилилась еще больше, когда из крайнего парковочного бокса появилась громадная БПМ, боевая планетарная машина, с четко прорисованной цифрой «один» на покатой башне плазменного генератора.

Если проводить аналогии, то можно сказать так: эволюционным предком человека несомненно являлись приматы. В таком случае, применяя то же сравнение, — далеким предком данной машины являлся танк. Технология XXVII века от Рождества Христова отказалась от гусениц — машина передвигалась на восьми ребристых литых колесах, но обладала намного большей проходимостью и маневренностью, чем ее далекий гусеничный предок. Такое стало возможно благодаря генераторам антигравитационного поля, которые сводили вес машины до определенного минимума. Пока работали генераторы, планетарная машина, которая в действительности весила около сорока тонн, обладала лишь той массой, которая была необходима для сцепления ее колес с почвой. В таком техническом решении крылась потрясающая универсальность. Меняя вес боевой машины в зависимости от обстановки, бортовой компьютер мог сделать ее легкой, как пушинка, когда нужно было преодолеть крутое препятствие, или? наоборот, вернуть давление сорока тонн брони и заставить машину буквально «врасти» в землю… Контролируемая сила тяжести давала ей почти неограниченные возможности к маневру, а тяжелое вооружение делало боевую планетарную машину страшным, практически непобедимым и неуничтожаемым противником.

Сейчас десять БПМ выползали из парковочных боксов.

До сих пор считалось, что мир не знает более надежной и

смертоносной боевой техники. Выстоять в бою против боевой планетарной машины могла разве что другая БПМ.

Никто не сомневался: захват планеты окажется стремительной и бескровной акцией.

Погрузка личного состава крейсера в чрева десантно-штурмовых модулей уже закончилась, и теперь пилоты челноков ждали, когда планетарные машины поддержки вползут на откинутые рампы…

В небольшом, прилепившемся под сводами внутреннего космопорта блистере несколько офицеров-техников уже приготовились отдать последний приказ автоматике. На пультах управления этого отсека радужными соцветьями вспыхивали и гасли сигналы готовности.

Когда модуль номер один принял на борт боевую планетарную машину, его десантная рампа начала закрываться и одновременно ритмичное завывание сирены перешло в истошный вой.

Первый ложемент электромагнитной стартовой катапульты с закрепленным на нем челноком начал разворачиваться к стволу пусковой шахты.

Дабог. Национальный музей.

Экскурсия продолжалась.

Учительница отвела детей к стене, которая транслировала голографическое изображение кое-как разбавленных знакомыми небрежницами первобытных джунглей Дабога.

— Вы видели, насколько не приспособлена оказалась привезенная с Земли техника для эффективного освоения планеты, — продолжила она свой экскурс в далекую историю. — Нашим предкам судьба не оставила никакого выбора — они должны были что-то придумать. Устройство колониального транспорта предполагало только одну посадку. Люди уже не могли покинуть найденную планету и были вынуждены бороться за выживание.

Далеко за деревьями, от туманного горизонта внезапно прорезался далекий, но поразительно знакомый детям звук.

Они часто слышали подобное в реальности Дабога сегодняшнего и потому не испугались приближающегося звука работающих сервоприводов. Наоборот, часть детей радостно заулыбалась, с интересом глядя по сторонам, пока они не увидели, кто на самом деле издает этот хорошо знакомый, безобидный звук.

О, это было настоящее чудовище!

— Я видел! Видел! — вдруг закричал один из малышей. — Мы с мамой видели такого в Национальном парке дикой природы! Это идет

памятник!

Дарья Дмитриевна улыбнулась.

— Нет, Саша, ты ошибаешься. Это не памятник и даже не голограмма, а настоящая машина, сохранившаяся с той далекой поры.

Робот шел, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Кроме визгливого звука работающих сервоприводов, эта древняя машина имела очень мало общего с изящными современными агророботами, которых выпускала промышленность Дабога. Но несомненно, это был их предок в плане эволюционного развития техники! Слишком высокий, слишком мощный, чересчур защищенный… он выглядел бы на современных плантациях дерева бао как монстр, но на фоне первобытных, едва освоенных джунглей Дабога это было именно то, что нужно!.. Ни у кого из ребят не возникло даже тени сомнения, наоборот, — их души внезапно тронула незнакомая ранее гордость, — они уже успели пережить испуг, робость в тот момент, когда тонул планетарный танк, они чуть-чуть приподняли для себя завесу истории, увидели там, в глубинах веков, отчаяние своих прапрадедов, в какие-то моменты граничившее с безысходностью, и сейчас они искренне приветствовали машину, которая действительно могла покорить болотистые джунгли!..

Учительница, наблюдавшая за реакцией детей, принялась объяснять следующую часть урока.

Дети слушали ее, зачарованно глядя на грозную шагающую машину, чья рубка, прикрытая колпаком из бронестекла, возвышалась над макушками самых высоких деревьев. Робот шел по непроходимым джунглям, словно те являлись кустарниковым подлеском. Два его ступохода, похожие на ноги кузнечика, мерно двигались, оставляя в почве глубокие следы. Макушки деревьев гнулись, подминаемые плоским брюхом исполина. Издали робот походил на странную, но удивительно гармоничную помесь какой-то смутно знакомой по картинкам в детских книжках птицы и самых тупых и грозных ящеров древности.

— Наука, которая позволила создать принципиально новый вид машин, называется бионикой, — пояснила преподаватель. — Ученые нашей планеты долго исследовали строение и природную конструкцию опорно-двигательных механизмов местных ящеров, которые весят десятки тонн, но с удивительной ловкостью ходят по болотам, джунглям и даже карабкаются по таким горам, куда не под силу взобраться ни одному вездеходу…

Словно в подтверждение ее слов шагающая машина остановилась на берегу глубокой реки. За прозрачным бронестеклом кабины был отчетливо

виден человек, сидящий в рубке управления. Сейчас он как раз протянул руку, что-то переключая на расположенных перед ним пультах, и машина попросту перешагнула реку.

В этот момент с противоположной стороны показался огромный ящер сородич того, кто на глазах ребят одним ударом хвоста расколол и утопил планетарный танк.

— Это правда настоящий робот?! — со страхом спросила одна из девочек.

Учительница посмотрела на нее и улыбнулась:

— Да, Долорес, не волнуйся. Робот настоящий. У него даже есть имя.

— Какое? — в один голос поинтересовались дети.

— Его зовут «Беркут». Это фамильный робот семьи Рокотовых. А в нейросенсорном кресле управления сидит Игорь Владимирович Рокотов, младший научный сотрудник этого музея. Робот принадлежит ему. Раньше, несколько веков назад, каждая семья на Дабоге владела такой машиной. Когда люди смогли покинуть подземные бункера и стали создавать первые внешние поселения, на поверхности Дабога еще царили ящеры. Они нападали на людей, разрушали их дома, вытаптывали поля, которые с огромным трудом возделывали первые поселенцы. К тому же дерево бао, которое, как вы знаете, составляет основу нашего сельского хозяйства, не росло на Дабоге раньше. Бао — это мутант, плод генной инженерии, придуманная людьми смесь нескольких местных деревьев и растений с далекой Земли. Плоды дерева бао настолько вкусны и питательны, что ящеры сразу полюбили новое лакомство и старались сожрать все, что с трудом выращивали люди для своих нужд. Это была борьба за выживание, дети, и она порой принимала жестокие обороты. Мы преображали Дабог, а Дабог преображал нас. То, что вы видите сейчас на поверхности родной планеты, это не природа покинутой нашими предками Земли, но и не Дабог в его первозданном виде. Это синтез, продукт смешивания двух биосфер.

— А что, все ящеры умерли, да? — с ноткой сочувствия в голосе спросила та же девочка, которая несколько минут назад интересовалась — настоящий ли приближающийся к реке робот.

— Нет, милая, не умерли, — поспешила уверить ее Дарья Дмитриевна. — Их нельзя было оставить там, где собирались жить люди, — пояснила она, — но и уничтожить исконную жизнь планеты было бы жестоко и неправильно. Поэтому наши предки отдали во владение ящерам огромный, заросший джунглями остров, расположенный далеко на юге, посреди океана. Остров настолько велик, что многие называют его материком. Там продолжают жить все исконные обитатели планеты. Наши

ученые заботятся о них, изучают эволюцию Дабога, проводят разные эксперименты…

Объяснения учительницы были прерваны громким, душераздирающим рыком.

Вышедший на берег реки ящер заметил шагающего робота, который, выпустив из своего приплюснутого корпуса длинный манипулятор, с корнем выщипывал огромные деревья и складывал их в аккуратный штабель, расчищая квадрат под будущее поле.

Не задумываясь, рептилия с громоподобным клекотом ступила в воду.

«Беркут» бросил свое занятие и повернул торс с резким всхлипом ведущих приводов. Заметив атакующего монстра, робот втянул внутрь манипулятор и вдруг начал преображаться.

Из-за загривка «Беркута» на прозрачный колпак рубки надвинулись клиновидные сегменты брони, оставив лишь две узкие, раскосые щели смотровых триплексов. Робот чуть присел, согнув свои ступоходы в шарнирных сочленениях массивных колен. Сейчас, приняв такую стойку, он походил на изготовившегося к прыжку жабоклюва с далекой планеты Элио — одной из десятка известных Дабогу колоний Первого рывка. С этим миром Дабог торговал и сотрудничал уже более полувека.

Что-то клацнуло в загривке робота. За рубкой пилота виднелись два покатых, обтекаемых горба. Сейчас в них внезапно открылось два десятка диафрагменных отверстий, и дети увидели торчащие в глубинах пусковых стволов острые жала оперенных ракет. Однако водитель «Беркута» счел это недостаточным, и по бокам робота, прямо над сочленениями ступоходов, выдвинулись короткие стволы крупнокалиберных пушек.

Однако до кровавой схватки дело не дошло. Ящер бежал вперед, его огромные лапы разбрызгивали мутную воду на отмели, но «Беркут», поведя торсом, произвел один-единственный выстрел. Ракета стремительным росчерком пронзила влажный воздух джунглей и воткнулась в мясистое бедро рептилии. Она не взорвалась, и ящер едва ли прочувствовал ее укус, но внезапно его движения замедлились, стали вялыми, ящер прошел еще несколько шагов и упал, взметнув к небу фонтаны смешанной с песком воды.

В загривке «Беркута» опять что-то защелкало, и оттуда выдвинулась параболическая антенна связи.

Через пару минут у далекого горизонта возник утробный гул реактивных двигателей, и в небесах показалась растущая на глазах точка транспортного модуля. Покружив над «Беркутом», который вновь принял рабочее положение и спокойно продолжал расчищать делянку, он

опустился почти до самой земли, завис над огромной, поверженной на мелководье тушей, затем осторожно подцепил парализованного ящера специальным чалочным приспособлением и взмыл вверх, унося страшную рептилию.

Пролетая над шагающей машиной, он приветственно покачал короткими крыльями. Робот в ответ чуть приподнял уплощенный корпус.

— Он понес его на остров, да? — догадался кто-то из ребят.

— Да, дети, — подтвердила учительница. — Хотя не все встречи с ящерами заканчивались так мирно. Иногда они нападали внезапно, большими группами, особенно в период своего размножения, и несколько раз людям приходилось выдерживать настоящие сражения с рептилиями. Именно поэтому «Беркут» и других, подобных ему шагающих роботов, создавали и вооружали, как наполовину военные машины. Освоение Дабога было очень трудным. Но наши предки не просто выстояли в этой борьбе, — обратила внимание детей преподаватель. — Самым главным в этом противостоянии является то, что исконную природу Дабога не уничтожили, а ассимилировали. Позже, на уроках экзобиологии, я объясню вам этот термин.

Пока она говорила, огромный шагающий робот закончил расчищать квадратный участок древнего леса и пошел в противоположную от детей сторону, к неприметным воротам, скрытым от глаз голограммой джунглей. От его поступи отчетливо вздрагивал пол бункера.

— Именно благодаря им мы сейчас спокойно живем под открытым небом, а на наших полях больше нет машин, напоминающих этого шагающего робота. Произнесла Дарья Дмитриевна, глядя вслед удаляющемуся механическому реликту. — А теперь мы с вами покинем этот зал и спустимся вниз, на первый подземный завод Дабога, который как раз и производил роботов, преображавших поверхность планеты…

Дабог. За тринадцать минут до начала вторжения.

В этом году Игорю Рокотову исполнилось тридцать семь.

…Откинув колпак кабины «Беркута», он спрыгнул на плиту подъемника, которая должна была опустить шагающего робота в подземный ангар.

В этот раз экскурсия затянулась несколько дольше обычного.

Посмотрев на часы, он заторопился, подключая шланги стационарного питания к специальным разъемам, расположенным в днище робота. Выглядел Игорь достаточно заурядно: комбинезон, местами испачканный пятнами от смазки, сидел на нём несколько мешковато. Темные, зачесанные назад волосы уже обозначили две растущие с годами

залысины по обе стороны лба. Черты его лица тоже не будоражили воображение — обыкновенный мужчина средних лет с добрым, немного рассеянным взглядом, — встретишь такого в толпе и через минуту уже не сможешь в точности вспомнить его облик…

Работа на общественных началах в Национальном музее истории Дабога имела для него свои неоспоримые преимущества. Несмотря на возраст, Игорь еще не обзавелся семьей. Возможно, виной тому являлась его природная робость в общении с противоположным полом, а быть может, причиной холостяцкой жизни стало его самозабвенное увлечение техникой. Так часто бывает с людьми какое-нибудь событие, случайная встреча, прочитанная книга или иное обстоятельство вдруг оказывают влияние на всю последующую жизнь.

С Игорем такое поворотное событие произошло двадцать лет назад, когда он впервые поднялся по приставной лестнице в рубку управления фамильного робота.

Конечно, шагающий исполин, бережно хранимый наряду с иными реликвиями, не шел ни в какое сравнение с изящными, функциональными агророботами современности. Прежде чем познакомиться с «Беркутом» вплотную, Игорь уже водил с десяток других машин. У Рокотовых имелись свои плантации дерева бао, на которых трудилось достаточно техники. По меркам стремительно развивающейся экономики Дабога Игорь наследовал приличное состояние и огромные земельные угодья.

Двадцать лет назад, впервые поднимаясь по приставной лестнице в кабину старой, потерявшей свой практический смысл шагающей машины, Игорь не рассчитывал обнаружить там что-либо потрясающее. Однако он ошибся. Это была память. Стоило однажды войти в рубку управления «Беркута», сесть в потертое кресло, коснуться пальцами полустершихся от частых прикосновений сенсоров на рабочих консолях, ощутить вокруг себя шестьдесят тонн электроники, брони и механизмов, как все чувства как бы обновлялись, меняли свой тон и смысл.

Первый раз посетив старое биологическое убежище, которое намного позже станет Национальным музеем, Игорь испытал сильное потрясение. Выйдя наружу, под солнечный свет, после получасового пребывания под землей, он понял, насколько иной была та природа, каким враждебным, негостеприимным был Дабог для первых поселенцев и сколь умны и мужественны оказались они, если сумели не убить, а изменить целую планету, не потеряв при этом своей человеческой сущности…

С «Беркутом» у него тоже вышло нечто подобное…

Это была хорошая традиция, — сажать подросшего юношу в машину

предков, чья рубка пропахла стойким, не выводившимся веками запахом пота, чья мощь была так велика и наглядна, что позволяла почувствовать нежную хрупкость нынешней, едва окрепшей ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ природы, научить бережному, осторожному обращению с ней, чтобы больше никогда не пришлось таким машинам, как рокотовский «Беркут», шагать средь враждебной среды, стирая ландшафт и отчаянно отбиваясь при этом от неистовых атак исконной жизни…

Откровенно говоря, первый опыт вождения старого шагающего робота потряс впечатлительного юношу до глубин души. Игорь заболел этой машиной и уже не выздоравливал. За столетия эксплуатации и хранения многие узлы и агрегаты фамильного «Беркута» пришли, мягко говоря, в плачевное состояние, а приданный каждому такому исполину транспортный внеатмосферный модуль вообще валялся на заднем дворе старой агрофермы Рокотовых мертвой глыбой керамлитовой брони.

Долгий, кропотливый труд при восстановлении агротехнического реликта и его транспортного корабля как раз стал той причиной, которая привела Игоря в мастерские Национального музея истории Дабога. Работа со старой техникой поглотила все его свободное время, мысли, не оставив даже малости на обустройство семейной жизни.

Глава 2

Дабог. 10 июня 2607 года. Момент «Х».

Игорь погасил свет в подземном гараже и, встав на подъемник, нажал кнопку.

Древняя, но хорошо ухоженная клеть пошла вверх с вибрирующим гулом. Мимо, за тонкой сеткой ограждения, мелькали змеящиеся по стенам шахты связки высоковольтных кабелей, крепежные распорки и прочие технические подробности.

Клеть не дошла до нулевой отметки бункера всего лишь десяток метров, и это, собственно, спасло Игорю жизнь.

Внезапно мигнул и погас свет. Клеть остановилась с надсадным скрежетом сработавших аварийных тормозов… и в этот миг обескураженный Игорь почувствовал первый удар…

Ощущение было таким, словно вертикальный ствол шахты лифта вдруг дрогнул и начал извиваться, как ополоумевший от боли, разорванный пополам червь. Рокотова швырнуло на металлическую сетку ограждения, он врезался лицом в ее мелкий переплет, и тут же земля вокруг затряслась, заходила ходуном, с хрустом разламывая металлические балки распорок…

В глазах у Игоря еще плавали искры от внезапного, ошеломляющего удара, по разбитым об сетку губам сочилась кровь; в полном аффекте, не помня себя, он вскочил с перекошенного пола клети, дико озираясь и не видя ни зги в окружившем его мраке…

Первым ощущением Рокотова был страх. Не за себя, а за группу детей, которая десять минут назад под руководством учительницы спустилась на нижние уровни старого биологического убежища. Страх, растерянность и досада… Темнота, в которой отчетливо слышался звук падающих с большой высоты обломков, внезапно облепила его… На всем протяжении злополучной лифтовой шахты разом погасли все лампы…

Что-то все-таки вышло из строя… говорил же, надо давно заменить генераторы… Вот скандал-то будет…

В первый момент он действительно растерялся. Солоноватый вкус крови на разбитых губах, вязкая тьма вокруг, грохот… Он думал о какой-то аварии, переживал, — разве он мог предположить в тот момент, что на самом деле случилось наверху?..

Нет, и тысячу раз нет…

Еще плохо соображая, что и зачем делает, Игорь, действуя, словно в

полусне, на ощупь нашел замок аварийного выхода в сетчатой крыше подъемника, и тут земля вновь заколебалась, задрожала в конвульсиях, отбросив его назад.

Сверху с глухим рокотом обвалилось несколько обломков бетона. Один из них пробил сетку крыши подъемника и тяжко ударился об пол клети в полушаге от Игоря.

Наверху что-то рушилось, оседало, воздух в шахте вдруг пропитался удушливой пылью, которая заскрипела на зубах, оставляя железистую оскомину.

Землетрясение?!

Несколько секунд он стоял, невольно вздрагивая от каждого нового толчка. Удары наверху не прекращались. Создавалось ощущение, что весь Дабог встал на дыбы. Заклинившую кабину шатало вместе с шахтой лифта. Игорю казалось, что он видит кошмарный сон наяву… Выстоявшие столетия стены трещали, вниз продолжали сыпаться, глухо стуча по люку, по разорванной крыше, мелкие обломки бетона.

Потом внезапно наступила тишина…

После оглушительного грохота она показалась Игорю жуткой. Он понял, что сидит скорчившись на перекошенном полу клети, а когда попытался подняться, это удалось не сразу.

Люк… аварийный люк…

Это походило на бред…

Вслушиваясь в гробовую тишину, он все же попробовал выбраться наверх через крышу клети, но безнадежно — промятая внутрь стальная пластина не желала сдвинуться даже на миллиметр… Дыру в сетке, рядом с люком, затыкал внушительный, шершавый на ощупь бетонный обломок верхнего перекрытия, из которого торчали изломанные прутья арматуры.

Игоря прошиб холодный пот… Обломки перекрытия!.. Неужели его засыпало?!.

Пока он тыкался в темноте в тщетных попытках найти несуществующий выход, кабина лифта внезапно с душераздирающим скрежетом осела вниз, примерно на полметра.

Наверное, именно в эту секунду Игорь испугался по-настоящему. До его сознания наконец дошло, что сверху на кабину давит по меньшей мере несколько тонн бетонного щебня. От сокрушительного падения вниз клеть удерживали только деформированные стены шахты, которые зажали ее каркас в своей теснине.

Если я сейчас же не выберусь отсюда, то через минуту может стать поздно…

Здравая мысль. Жаль, что она металась в пустой голове, как пуля в ошалевшем рикошете.

Игорь принялся панически ощупывать пол, пока случайно не нашарил край оторванной от основания подъемника сетки. Обламывая ногти, обдирая руки об острые края проволоки, он потянул на себя остатки бокового ограждения, освобождая узкую щель между ним и монолитным полом лифта.

Наверху опять раздался рокот, но теперь уже приглушенный…

Не раздумывая больше, он лег на пол, протиснул ноги в образовавшуюся щель, потом, извиваясь, оказался в ней по пояс, и только тогда, болтая в воздухе ногами, не видя вокруг себя ничего, кроме мрака, вдруг вспомнил, что под ним как минимум метров тридцать вертикальной шахты, на дне которой расположены два пружинных буфера…

Наверху опять пришли в движение бетонные обломки. Их зловещий скрежет звучал во мраке, наполняя душу ледяным ощущением безысходности. Бездна под ногами пугала не меньше, но разве был у него какой-то выбор?

Извернувшись, Игорь пошарил в воздухе одной рукой и с невероятным облегчением ощутил, как растопыренные пальцы коснулись свисающего со дна лифта кабеля.

Уцепившись за него, он повис, раскачиваясь в воздухе, прижимаясь к зыбкой опоре всем своим существом, потом, немного опомнившись, охватил кабель ногами и принялся медленно спускаться, страшась одного — как бы тот внезапно не кончился…

Сколько времени продолжался этот спуск в темные недра бункера, Игорь не помнил. Руки и ноги дрожали, все тело было липким от пота. И дело оказалось не в страхе или нервном перевозбуждении, — в какой-то момент своего медленного, бесконечного спуска Игорь понял, что температура воздуха внутри шахты лифта стремительно растет, словно сама земля вокруг бункера изменила свою температуру, стала горячей и теперь отдавала избыток тепла потрескавшимся бетонным стенам и перекрытиям.

Это абсурд… такого не может быть!..

Потом он услышал далеко внизу чей-то плач и, к своему удивлению, увидел слабый проблеск света.

— Кто там?! — хрипло заорал Игорь, пугаясь звука собственного голоса. Порожденное им эхо несколько секунд затравленно металось в тишине. Плач внизу мгновенно стих, зато свет стал немного ярче, превратился в луч от фонаря, который, врываясь откуда-то сбоку,

облизывал усыпанное бетонной крошкой дно шахты лифта, метрах в десяти под Игорем.

— Вы живы?!. — вдруг раздался оттуда испуганный женский голос. — Игорь Владимирович, это вы?

— Я, — с облегчением подтвердил Игорь. — Посветите еще немного, я тут спускаюсь по кабелю…

— Хорошо, только давайте быстрее, дети боятся в темноте…

Вместо ответа Игорь быстро заскользил вниз. Меньше чем через минуту он уже коснулся ногами дна.

В тусклом свете карманного фонарика он увидел ее лицо, но никак не мог вспомнить имени и отчества учительницы, которая несколько лет подряд водила на экскурсию в музей ребят из начальных классов.

— Дарья Дмитриевна! — пришел на помощь Рокотову голос из темноты. Посветите сюда, пожалуйста, нам страшно!

— Сейчас, Сереженька, не волнуйся!.. — тут же откликнулась учительница. — Это Игорь Владимирович. Он уже спустился, — ответила она и, обернувшись к Игорю, спросила: — Что произошло? Вы знаете что-нибудь?

Задавая вопрос, она отвернула фонарь в сторону сбившихся в тесную кучку детей, и Игорь не мог разглядеть в этот момент черт ее лица, он видел лишь отблеск света в ее глазах, — ждущий, полной надежды и страха направленный на него взгляд растерянного, ошарашенного человека…

Он понял, что она ждала от него вразумительного ответа… и в то же время почувствовал ее облегчение от того, что рядом оказался он, сотрудник музея, мужчина, человек несомненно более сильный и мужественный, чем она сама…

Он просто не мог обмануть ее тревожного ожидания. Забыв, что у самого все трясется внутри от переизбытка адреналина, Игорь улыбнулся разбитыми об сетку лифта губами.

— Ничего, Даша, сейчас разберемся. Боюсь, что произошло землетрясение или что-то в этом роде. Это надежный бункер… — не найдя другого успокаивающего аргумента, произнес он. — Сейчас я попытаюсь включить аварийное питание и свяжусь с кем-нибудь… Потерпите чуть-чуть, ладно?

Она не ответила, только кивнула, продолжая еще несколько секунд тревожно смотреть на него.

* * *

Десантно-штурмовые модули падали с полуденных небес, словно

огромные тупоносые черные птицы.

Над центральным материком Дабога нещадно палило солнце.

Оно было нездорового красноватого цвета. С юга и с севера небо заволакивали зловещие пепельно-серые туш. Казалось, что источник клубящихся в небе облаков на самом деле находится на земле. Если всматриваться в горизонт, то можно было заметить, как далеко на юге, в знойном мареве миражей, плавятся очертания черного облачного гриба, который все рос, угрожая закрыть собой весь небосвод.

С севера наблюдалось приблизительно то же самое — там клубилось, разрастаясь с каждой секундой второе радиоактивное облако, и только над центром материка, в районе столицы Дабога, оставалось свободное от облачности «окно», в которое, собственно и падали, резко снижаясь, штурмовые модули пришельцев.

Все оказалось простым ровно настолько, как то обещали на Земле.

Первый модуль на секунду завис, дико завывая двигателями, в десятке метров над вливающейся в городскую окраину автострадой. Из его плоского брюха выдвинулось шесть многоколесных опор шасси. Черную броню челнока, разогретую трением об атмосферу, покрывали сполохи статического электричества. Два башенных орудия медленно вращались, пытаясь найти несуществующего противника.

Модуль покачнулся, подался вниз, и его опоры визгливо вскрикнули, когда амортизаторы приняли на себя вес доброй сотни тонн металла…

Практически одновременно с касанием в хвостовой части орбитального челнока откинулась десантная рампа, и оттуда показался скат лобовой брони БПМ. Справа и слева от выдвигающейся из чрева модуля боевой планетарной машины уже бежали десантники в камуфлированных бронескафандрах. Их угловатые фигуры, усиленные псевдомускулами брони, рассыпались вдоль обочин дороги, деловито занимая позиции.

Город возвышался впереди молчаливой цепью невысоких зданий. Даже издали, с расстояния в полкилометра, было отчетливо видно, что прокатившаяся тут полчаса назад ударная волна от двух ядерных взрывов, уничтоживших два других города на севере и юге материка, снесла часть крыш, вышибла все стекла и повалила многие деревья. Кое-где в городских кварталах бушевали пожары.

БПМ, выползшая на мягкое от нестерпимого жара покрытие автострады, внезапно повернула башню плазмотрона, и с ее лотка в воздух сорвался ослепительный, пронзительно-голубой шар размером с футбольный мяч. Несколько секунд он неподвижно висел в воздухе, переливаясь режущими глаз сполохами, а потом, получив наводящий

импульс ускорения, резко сорвался с места и полетел, стремительным, шипящим росчерком удаляясь в сторону самого высокого здания города, на поврежденной крыше которого виднелось нечто, напоминающее гроздья спутниковых антенн.

Через пять-шесть секунд в той стороне возникла ослепительная вспышка, и верхняя половина двенадцатиэтажного здания вдруг дрогнула, потеряв свой четкий контур.

Грохот обвала прокатился по городским улицам. Вверх взметнулись тучи белесой пыли.

Командир десантного модуля оттолкнулся ногой от края тактического пульта и вместе с креслом отъехал к панели орбитальной связи.

Это уже становилось скучным…

— Докладывает командный-один, — спокойно произнес он. — Мы сели. Сопротивления нет. Людей не вижу. Похоже, что аборигены передохли со страха… — позволил он себе скупую, презрительную шутку. — Все идет по плану. Я разворачиваю цепь для прочесывания кварталов поселения.

— Действуй, — пришел немногословный ответ. Справа и слева от первого челнока садились, вздымая пыль с обочин, второй и третий штурмовые модули.

Усилившийся ветер, казалось, дул сразу со всех сторон. Если бы не закрытые забрала гермошлемов да нервное попискивание датчиков фоновой радиации, вшитых в рукава скафандров, то бойцы десанта вполне бы могли вдохнуть горьковатый воздух обещанной им новой родины. Он резко и неприятно пах озоном от выпущенного минуту назад плазменного шара. Скоро этот характерный запах узнают на многих мирах. Так обычно пахла высокотехнологичная энергетическая смерть.

* * *

Показательная бомбардировка Дабога будет преследовать две цели. Во-первых, мы покажем остальным колониям, что не собираемся выслушивать их жалкий вой протеста против присоединения к исторической метрополии. Во-вторых, уничтожив большую часть населения, которая обычно сконцентрирована в городах, мы в результате получим уже зачищенный планетный плацдарм, плюс гиперсферную точку системы, из которой будет развиваться наше наступление дальше, в глубь шарового скопления, по линии Дабог-Элио-Рори-Стеллар. Овладев указанными планетами в кратчайший срок, мы тем самым переломим хребет трем наиболее развитым колониям из числа известных на

сегодняшний день.

Нам не нужен Дабог обитаемый. Мы нуждаемся лишь в его подземных промышленных комплексах. На первой стадии вторжения наш флот все еще остается уязвим, и ему требуется мощная база, основанная на колониальной планете.

Будущие поколения поймут, что эту кровь породило лишь упрямство трех ведущих колоний, которые отвергли наши планы тотальной эмиграции с перенаселенной Земли в их благополучные зеленые оазисы. Если мы хотим спасти миллиарды людей, влачащих жалкое существование в мегаполисах Земли, Марса и лун Юпитера, то должны действовать жестко, быстро и решительно. Иначе ситуация в обществе, и так накаленная до предела, взорвется, и сила этого взрыва сметет не только Всемирное правительство, но и саму Землю…

(Джон Уинстон Хаммер, опубликованные дневники).

Бункер Национального музея истории Дабога. Спустя два часа после катастрофы.

— Дядя Игорь, а что вы делаете?

Рокотов вздрогнул от прозвучавшего за спиной детского голоса, едва не уронив тяжелую деталь пятисотмегаваттной лазерной горнопроходной установки.

Его руки ломило от усталости. Пальцы от многочасовой непрерывной работы распухли и покрылись ссадинами. Все же он нашел в себе силы еще немного приподнять тяжелую деталь, пока не услышал щелчка захлопнувшихся фиксаторов крепления.

Ему хотелось просто лечь на холодный бетонный пол бункера, прижаться к нему пылающей щекой, закрыть глаза и не вставать хотя бы минуту…

Вместо этого он обернулся и присел на корточки перед малышом.

Того звали Сашей. Они познакомились несколько часов назад, когда дети гомонящей толпой обступили спустившегося из шахты лифта Рокотова.

— Понимаешь, Саша, наверху случилась авария, — постарался спокойно объяснить Игорь, хотя ему уже с трудом верилось в собственные слова. За два часа им никто не пришел на помощь, не попытался связаться с заваленным, изолированным от внешнего мира бункером, и это уже на казалось странным, это начинало выглядеть зловеще…

Тряхнув головой, чтобы сбить неприятные мысли, Игорь улыбнулся поджившими и уже не кровоточащими губами.

— Не волнуйся, малыш, «Беркут» нас не подведет. Знаешь, какой он

сильный?

— Знаю, — серьезно кивнул мальчик. — Я видел. Дядя Игорь, ты только попроси его, пусть он побыстрее нас освобождает… А то темно… и кушать хочется… — признался он.

Игорь почувствовал, как где-то в горле застрял комок.

— Ладно, я поговорю с ним. Все будет в порядке… Ты иди к ребятам, а то мы с «Беркутом» так никогда не закончим, ладно?

Минут через пять к нему подошла Даша.

— Ну что? — спросила она, наблюдая, как Игорь подключает последние жгуты кабелей к двум громоздким агрегатам, которые он умудрился навесить вручную, расположив их в центре загривка робота, как раз между покатых горбов пусковых ракетных установок.

— Я установил лазеры… — устало пояснил Игорь, вытирая руки промасленной тряпкой. — Готовил эти установки к показательному выступлению на четырехсотлетие колонии… — почему-то вспомнил он, исподлобья взглянув на Дашу, лицо которой в тусклом свете работающей от аккумуляторов переносной лампы казалось серым, неживым. — Отведи ребят подальше, в боковой зал. Я сейчас активирую «Беркут». Попробую подняться по аварийному тоннелю убежища и расчистить выход на поверхность. Но вам лучше держаться подальше, мало ли что…

— Хорошо, — без колебаний ответила она. — Только осторожнее… Я боюсь, — внезапно призналась Даша.

Игорю страшно хотелось успокоить ее, ободрить, но для этого почему-то не нашлось подобающих слов…

— Я постараюсь, — ответил он, поставив ногу на ступеньку лестницы. Забирай ребят и уходи…

…Через минуту огромный робот ожил, взвизгнув сервоприводными моторами. Игорь опустил бронеколпак кабины, выдвинул защитные сегменты лобовой брони и тронул машину с места.

На покатом, приплюснутом торсе «Беркута» ярко вспыхнули, рассеивая пыльный мрак, две ослепительные фары, и робот, чуть покачиваясь при ходьбе, ступил на пологий язык пандуса, оканчивающийся устьем широкого наклонного тоннеля аварийного выхода, которым оборудовалось каждое убежище.

* * *

Метров через сто наклонный тоннель перегораживала обрушившаяся плита перекрытия.

Игорь остановил «Беркут». Он смотрел на приборные панели машины

и не верил тем показаниям, которые они предлагали его взгляду… Вернее, не хотел верить…

Температура на поверхности: пятьдесят три градуса по шкале Цельсия… Световая шкала термического анализатора упрямо толкала дрожащий столбик индикатора все выше и выше… Если верить его показаниям, то почва, накрывавшая бункер, местами просто раскалена…

Однако повышение температуры являлось не самым страшным и впечатляющим показателем на приборной панели, контролирующей состояние окружающей среды. Рядом с термальным датчиком вдруг вспыхнул и уже не гас, несмотря на несколько попыток ручного сброса, яркий индикатор радиоактивного загрязнения! Если говорить честно, то Игорь впервые видел его работающим. На Дабоге имелось очень мало мест, где присутствовала природная радиоактивность, превышающая норму всего на несколько единиц в час, а тут заработавший прибор буквально зашкаливало, и положение усугублялось по мере того, как «Беркут» поднимался к поверхности планеты…

Сейчас, когда робот застыл перед обвалившейся плитой, окруженной оползнями проникшей в тоннель почвы, световой столбик на индикаторе радиоактивного загрязнения дошел до противоположного края шкалы и застыл, словно расписываясь в собственном бессилии передать истинный радиационный фон…

Игорь не мог предположить, что с ним случится нечто подобное. Он жил достаточно замкнуто, в кругу своих интересов, и никогда не готовил себя к какой-то тотальной беде. Он был обычным человеком, заурядным и внешне и внутренне… Избыток адреналина помог ему выбраться из заваленной шахты лифта, но спустя несколько часов, которые он провел в мучительной, непосильной работе, этот природный стимулятор больше не действовал… Сейчас, глядя на чудовищные показания приборов, он уже не дрожал от перевозбуждения.

К нему внезапно вернулся обыкновенный человеческий страх — сосущее под ложечкой чувство непоправимой беды… Он просто боялся того, что ему предстояло увидеть…

Если бы не Даша и дети, что остались внизу, то Игорь, возможно, не решился бы трогать бетонный обломок, но, вспомнив слова того мальчишки, вдруг устыдился самого себя.

Дрожащими пальцами обняв мягкие, пористые гашетки управления лазерами, он заставил «Беркут» отступить на пару шагов в глубь коридора и нажал на спуск обеих установок.

Два рубиново-красных шнура когерентного света вонзились в бетон,

испаряя его. Горные лазеры являлись очень мощной техникой, предназначенной для пробивки штолен в твердых базальтовых породах. Бетон и арматуру они резали, как раскаленный нож брусок подтаявшего масла. Секунд через тридцать огромная плита была разделена на несколько неравных частей, и ее куски с тяжким грохотом обвалились внутрь просторного тоннеля.

На том месте, где минуту назад возвышалась преграда, теперь серел безобразный провал, через который Игорь увидел странное, совершенно не знакомое ему небо, по которому в ирреальном кольцевом вихре медленно плыли клубящиеся свинцово-серые облака.

Это не могло быть небом родного Дабога!..

Рокотову показалось, что он все же сошел с ума… За неровными, безобразными краями провала лежала черная, обугленная земля.

Он видел лес… аллею небрежниц, которая вела ко входу в музей… но не узнавал ничего!

Лес стоял, наклонив в одну сторону черные, обугленные стволы с редкими уцелевшими ветвями. Небрежницы, пышно топорщившие в разные стороны лохматые ветви, теперь казались раздерганными клубками обгоревшей проволоки… Земля вокруг дымилась, а в воздухе, будто снег, медленно кружили серые хлопья сажи…

* * *

Машина Рокотова шла краем циклопической воронки с остекленевшими от температуры скатами. Сумеречный воздух дрожал и вихрился вокруг приплюснутого корпуса «Беркута». Огромные трехпалые ступоходы, оканчивающиеся массивными, свободно сочлененными «пальцами», с лязгом царапали расплавленный базальт, цепляясь за малейшую неровность. Гироскопы стабилизации выли, поддерживая машину в вертикальном положении, но Игорь едва воспринимал эти технические подробности своего страшного марша.

Ему казалось, что он умер и попал в пресловутый ад, где обитают миллионы неприкаянных душ.

Изуродованная до неузнаваемости местность буквально кричала о пропитавшей ее смерти. Небеса уже не были пепельными — они стали черными.

Стена тяжелых облаков висела в какой-то сотне метров от изувеченной земли, создавая тошнотворное, клаустрофобическое ощущение нависшей над головой массивной плиты…

Игорь несколько раз включал передатчик, но везде, — и на аварийных

частотах тоже, — перекатывался раскатистый треск несущей волны. Ни одного позывного, никаких голосов, лишь режущие уши помехи от радиоактивного ада, что царил вокруг.

Не помня себя от потрясения и ужаса, Игорь развернул «Беркут» и погнал его прочь от края страшной воронки, которая поглотила его родной город и вместе с ним несколько сот тысяч знакомых и незнакомых Рокотову людей.

Игорь не мог даже вообразить себе, что за несчастье постигло Дабог. Остатки здравого смысла, уцелевшие в вихре растерзанных мыслей, подсказывали — это не природная катастрофа и не подземный взрыв термоядерного реактора в одном из старых бункеров… Характер воронки убеждал — что-то обрушилось на планету, ударило сверху…

Игорь надеялся — стоит уйти подальше от остекленевшей ямы, и этот ужас отступит, уменьшится пропорционально расстоянию до эпицентра катастрофы. Еще немного, и он встретит людей, свяжется по рации со спасательными службами, сможет передать информацию об оставшихся в бункере детях…

Тщетно…

Пепел не умеет кричать… Хлопья сажи, кружащие над погибшим городом в погребальном танце жестокого снегопада, были страшны, но куда страшнее оказались свидетельства мгновенной смерти там, где взрывная волна и излучение уже не могли полностью их уничтожить.

Между погибшим городом и столицей Дабога лежало триста километров плантаций, полей, мелких, соединенных сетью дорог ферм и населенных пунктов.

«Беркут» двигался со скоростью около сотни километров в час. Через сорок минут датчик радиации чуть умерил свой тревожный блеск.

Игорь вел машину по дороге. Справа и слева от него возвышались черные, обугленные стволы деревьев. Они тянули свои узловатые руки-сучья к страшному, клубящемуся небу, будто застыли в момент удара в немом, бесконечном крике.

Через полкилометра дорога влилась в поселок.

Дома стояли мертвыми, лишенными крыш коробками. Оконные проемы, будто пустые глазницы, щерились осколками выбитых рам. Под ступоходами «Беркута» что-то неприятно похрустывало.

Приближаясь к крайнему дому, Игорь вдруг содрогнулся.

На черной, покрытой коростой сажи стене четким, светлым контуром выделялся силуэт человека. В первый момент Игорь не понял, что это на самом деле… и его сердце радостно дрогнуло, но, присмотревшись, он

вдруг с ужасом осознал, что видит только контур, отпечаток той фигуры, которая стояла в момент взрыва подле стены…

Чуть более светлый контур в том месте, где адское излучение встретило на своем пути живую плоть… отпечаток уже не существующей жизни, навечно прорисованный в оплавленной стене…

В конце поселка его ждало еще одно потрясение.

По краю дымящегося поля шла слепая корова.

Бедное животное не понимало, что произошло. Один ее бок полностью сгорел — из-под обугленной шкуры торчали окровавленные ребра. Корова ковыляла на нетвердых, подламывающихся ногах, истошно крича. Игорь был настолько потрясен этой сценой, что на минуту забыл об управлении. «Беркут» остановился, издав затухающий вой сервоприводов…

Видимо, животное услышало этот звук. Корова остановилась, беспомощно, слепо повернувшись… и глазам Игоря предстала сводящая с ума картина: другой бок животного каким-то чудом оказался не тронут…

В этот страшный, затянувшийся миг он заплакал.

Он понял — что бы ни случилось на Дабоге, но старая жизнь уже не вернется… никогда.

Кричащая корова, один бок которой представлял собой кровавое месиво сожженной плоти, а другой лоснился тщательно выскобленной, ухоженной шкурой, была как две половинки разломанной жизни. Она не сможет дальше жить… вдруг с отрешенностью подумал Игорь и понял, что данное утверждение относится ко всей планете…

В этот миг ему хотелось одного — кричать в унисон с предсмертным, полным боли и незаслуженной обиды криком животного…

Нет… Нет… Нет…

Мысли бились в голове, как ошалевшие звери в тесной клетке.

Нет… Я не могу…

Игорь знал — он должен двигаться дальше, потому что за его спиной в мрачных глубинах бункера остались дети. Живые, здоровые дети, которые, вероятно, уже потеряли все, кроме надежды…

Он должен привести к ним помощь…

* * *

Из черных, клубящихся туч внезапно пошел проливной дождь. Где-то у горизонта бесновались молнии. Внешние динамики «Беркута» передавали монотонный шелест падающей воды и отдаленный, сглаженный расстоянием рокот громовых раскатов.

До столицы Дабога оставалось не больше тридцати-сорока километров, но Игорь еще не встретил ни одного человека. Никто не выходил на связь, вся планета опустела, вымерла.

Он отчаянно надеялся найти в столице живых людей, узнать у них наконец, что за катастрофа постигла Дабог, потребовать срочной эвакуации для оставшихся в бункере детей…

Людей он нашел на городской окраине.

Дождь падал сплошной стеной, ухудшая и без того скверную видимость. «Беркут» пробирался меж рядами деревьев бао, по направлению к одной из радиальных дорог, которая вливалась в город с севера. Когда ему оставалось пройти не больше полукилометра по раскисшей от дождя почве плантации, навигационная система робота внезапно закатилась злобным, заполошным воем. Игорь, отупевший от горя и многочасовой монотонной ходьбы, вздрогнул всем телом, выпрямившись в кресле и ошалело посмотрев на приборы. Машина остановилась, так и не преодолев последнего, растущего почти вплотную к дороге ряда деревьев.

Впереди, там где радиальная трасса сливалась с кольцевой, у устья просторной дорожной развязки на широких обочинах стояло десять совершенно не знакомых Игорю летательных аппаратов Даже издали, без оптического увеличения, они казались огромными. Внеатмосферный носитель «Беркута», который Игорь справедливо считал сложным и внушительным суборбитальным кораблем, выглядел бы на их фоне как ребенок рядом со взрослым двухметровым мужчиной…

Модули стояли, деловито вытянувшись цепью. Дождь не долетал до них добрый десяток метров. Над странными аппаратами блуждало зеленое свечение электромагнитного статис-поля. Именно из-за него следящие системы «Беркута» не смогли издалека различить такой массы горячего, дышащего энергией металла. Промеж непонятных летательных аппаратов, которые подозрительно походили на космические корабли, сновали люди в неуклюжих, громоздких костюмах, отдаленно похожих на скафандры. Чуть впереди, выдвинувшись на возвышение второго уровня дорожной развязки, стояли десять машин, напоминающих огромные вездеходы. Их литые ребристые колеса диаметром около двух метров казались издалека чудовищными фрезами.

Игорь устал, измучился от стывших в груди подозрений. Протянув руку, он включил передатчик и начал медленно вращать ручку настройки, пытаясь вручную прогнать диапазоны связи.

Почти что сразу в уши ударил чужой, незнакомый голос. Не в том плане, что Игорь не знал личности говорившего, — это, в сущности,

пустяки, — в первый момент он не узнал самого языка!..

Потребовалось несколько затянувшихся секунд, чтобы он понял, — это тот же интеранглийский, на котором говорил весь Дабог, только изуродованный странным акцентом и непонятными оборотами речи.

Он похолодел, вслушиваясь в звуки голоса, постепенно свыкаясь с его акцентом, начиная различать слова, и когда понял, о чем идет речь, то молча, до крови закусил губу, продолжая слушать…

* * *

Разноголосица в эфире звучала сразу на нескольких частотах. Коммуникационное устройство шагающей машины перекрывало любой из диапазонов связи.

— Проклятые крысы!.. Эй, Джонни, тут целая сеть бункеров!

…

— О чем говорить? Да, сэр, непременно. Сейчас выясню…

…

— Докладывай толком, капитан, в чем проблема?! Почему подразделение вернулось на исходную?!

…

— Повторяю, сэр… Не можем их достать… Система бункеров… Глубина…

Игорь дрожащими пальцами удержал ручку настройки на данной частоте.

— Что за бункера? Где?

— Везде, сэр. Глубоко эшелонированная система подземных укрытий! Наши сканеры едва проходят их внешний слой перекрытий… Они запечатались под землей!

— Черт… Я понял. Сейчас свяжусь с орбитой. Пусть попытаются произвести глубинное сканирование оттуда…

Смысл услышанных слов медленно проникал в сознание Игоря. Слова, как камни, падали сквозь муть страшных впечатлений последних часов и застывали на дне его измученной души тяжелыми глыбами свершившихся фактов…

— Может, просто пустить газ? — тем временем осведомился один из общавшихся в эфире. — Нагумо с нас головы снимет, если мы не доложим в срок об окончании захвата планеты! Ясно ведь сказано, — живые тут не нужны! — горячо доказывал хрипловатый, видно, надсаженный от команд голос. Мои ребята в состоянии взорвать одну из этих чертовых бронеплит, спустим туда пару бактериальных капсул, и пусть дохнут под землей… нам

же меньше потом мороки с зачисткой!..

— Думаешь? А сколько потом возиться с дезактивацией оборудования на заводах? Я так понял, что адмиралу важны именно подземные производства… засомневался второй.

Его слова, видно, задели находящегося на связи абонента за больное место:

— Ты что, предпочитаешь доложить, что ядерная бомбардировка прошла впустую? — хрипло осведомился тот. — Да нас с тобой сгноят, где-нибудь в земной канализации, во славу дядюшки Хаммера!.. Думай головой, капитан, а не задницей. Ты отвечаешь за прикрытие, а я за зачистку. Две половинки одной хреновины… Это же первая операция!.. — В голосе говорившего прорывались злые, раздраженные нотки. — Плевать я хотел на этих колонистов, мне своя задница дороже! Пустим газ по их вентиляции, и дело с концом!..

Игорь слушал перепалку двух офицеров, а в его груди разрастался холод.

Четыре слова бились в голове звонким оглушающим набатом: Земля, ядерная бомбардировка и газ…

Газ… Ядерная бомбардировка… Земля…

И еще… люди в убежищах, которые имели общую систему вентиляции…

Он поднял глаза и понял, что практически ничего не видит…

Колонисты… Земля… Своя задница дороже… Газ…

Они не могли быть людьми… Он не верил в это… Не хотел верить!..

Чернота перед глазами плавала мутной пеленой.

— Я сошел с ума… — прошептал Игорь, стиснув ладонями виски… — Я сошел с ума!..

Он забыл, что его передатчик включен и настроен на ту волну, где продолжали общаться два офицера, обсуждая, как лучше затравить тех, кто чудом избежал смерти от ударов ядерных боеголовок.

— Эй, кто там каркает?! Что значит «сошел с ума»?!. Кто влез на командную частоту?!.

Злой, отрывистый голос вышвырнул Игоря назад, в реальность. Черные круги перед глазами, так похожие на панораму выжженного Дабога, продолжали плавать, заслоняя взгляд.

На прокушенных губах опять ощущался солоноватый вкус крови…

Игорь не подозревал, как сильно может измениться человек всего за несколько часов. Еще утром он не предполагал, что умеет ненавидеть. Это чувство обрушилось, словно каскад ледяной воды…

Из его жизни вдруг оказалось вычеркнуто все…

Тишина… Оглушающая тишина в эфире…

Усилием воли вернув себе способность видеть, Игорь понял, что сжимает в руке отломанный верньер настройки передатчика. На коммуникационной панели судорожно моргал индикатор ожидания, — бортовой компьютер тактично выжидал, пока пилот позволит системе перейти в автоматический режим.

Он не позволил. Игорь не мог больше слушать эти голоса, так запросто обсуждающие, к какому способу смерти приговорить жителей Дабога.

Они пришли с Земли, далекой, трижды проклятой прародины, которая четыре столетия назад вышвырнула его предков в неизведанный космос… Пришли и убили всех, кого смогли…

Разум не хотел в это верить, а душа уже, видно, поверила… Он вспомнил бледный человеческий силуэт на стене, ослепшую корову, ковылявшую по обочине, и понял — они смогут… Они уже решили про себя, что имеют право прийти и убить…

Глава 3

Столица Дабога. Район южной автодорожной развязки.

Дождь лил не переставая, зловещей стеной отгораживая мокрый притихший город.

Головная машина планетарной поддержки доползла до окраины, противоположной месту приземления модулей, и остановилась, чуть выдвинувшись из теснины зданий на простор автодорожной развязки.

Лейтенант Патрик Гудман нервно озирался по сторонам, но унылые стены зданий с щербатыми провалами выбитых окон хранили стойкое молчание. От них невозможно было узнать, куда подевались жители этого довольно большого по колониальным меркам города… Данное обстоятельство пугало и злило молодого лейтенанта Военно-космических сил Земли.

Он совсем не так представлял себе первую высадку в колониях. Об этом позаботилась хорошо отлаженная машина пропаганды. По предлагаемым сценариям данная планета являлась зеленым раем, который лишь из-за жадности и эгоистического упрямства кучки колонистов до сих пор не стал Землей Обетованной для миллионов запертых внутри Солнечной системы граждан Альянса.

Сейчас, глядя в серую хмарь рушившихся с небес радиоактивных осадков, Гудман чувствовал: что-то пошло не так… Эта унылая тишина брошенных улиц никак не располагала к победному шествию войск Альянса по покоренной столице Дабога.

Покорять оказалось некого — вот что злило и одновременно тревожило Патрика.

Люди попросту исчезли отсюда, предоставив радиоактивному дождю падать на мокрые крыши покинутых домов.

Сидя в командном блистере боевой планетарной машины, чья мощь исчислялась цифрами с длинным хвостом нулей, он прыгал взглядом с ровных, деловитых показаний приборов на истинное изображение сумеречных окрестностей, отраженных на стереоэкранах кабины, и обратно…

Везде одно и то же… хоть тресни.

Вывод напрашивался сам собой, и Гудман нехотя включил канал коммуникатора.

— Сэр, докладывает БПМ-1. Мы прошли город Нахожусь на южной

окраине, в районе автодорожной развязки семнадцать-ноль.

— Что наблюдаешь, первый? — сухо осведомился коммуникатор голосом капитана Джошуа.

— Ничего, сэр. Дождь и пустые здания. Термальная оптика молчит. Город пуст.

— Черт… — Капитан все же не удержал своих эмоций, как ни старался. Хорошо, первый, держи позицию. Дополнительные приказы получишь позже.

* * *

На борту флагмана «Эндгроуз» настроение было тоже далеко не победное. Нагумо сидел за рабочей консолью мрачный, как те облака, что час назад затянули панораму Дабога пепельно-серой мутью.

План вторжения трещал по швам прямо на глазах. Первой ласточкой грядущих проблем оказалась ошибка в предварительных прогнозах движения воздушных масс. Компьютерное моделирование показывало, что ветер должен был отнести радиоактивные осадки, образовавшиеся от взрывов, превративших в остекленевшие воронки два города планеты, далеко в океан, по направлению к южному и северному полюсам злополучного Дабога. На самом же деле ополоумевшие, перегретые неистовым огнем ядерных вспышек воздушные массы повели себя совершенно иначе — взъярившийся вдруг ветер погнал пепельные, клубящиеся тучи в центр обитаемого материка, стремительно сужая то окно над столицей Дабога, куда опускались десантно-штурмовые модули.

Это было очень скверно.

Адмирал Нагумо не зря командовал Объединенным флотом Альянса. Может быть, Джон Хаммер и недолюбливал его за излишнюю резкость суждений, но иной кандидатуры попросту не нашлось, когда встал вопрос о компетенции командующего. Нагумо был и оставался единственным из адмиралов, кто показал себя блестящим стратегом во время покорения ближайшей к Земле колонии Проксимы Центавра, — он действительно имел тот практический боевой опыт, который в большинстве своем отсутствовал у подчиненных ему солдат и офицеров.

Исходя из данного опыта Нагумо настаивал: нельзя лишать людей всего одним апокалипсическим ударом с орбиты, — осознав, что им нечего больше терять, жители любой планеты дадут яростный и бессмысленный отпор. Нагумо предлагал действовать, сочетая устрашающую силу с фактором внезапности, тонко играть на психике покоряемых людей. Как человек Земли, он мыслил безупречно Два уничтоженных города из трех

существующих, зловещие грибообразные облака на горизонте, плюс — неожиданный десант с орбиты — все это, вместе взятое, по плану Нагумо должно было ввергнуть в шок жителей столицы Дабога.

Это уже срабатывало не раз и без впечатляющих разрушений от ядерной бомбардировки: в перенаселенных городах юпитерианских колоний хватало, собственно, обыкновенной болванки, спущенной с орбиты, чтобы ввергнуть в ступор целый мегаполис с многомиллионным населением, превратив его непокорных жителей в смиренных граждан Альянса…

Здесь же все происходило не так. Глядя на тактические мониторы, полукругом огибающие кресло командующего, Нагумо не понимал, где в его план вкралась ошибка…

По замыслу, сразу после орбитального удара бронетехника Альянса, стремительно передвигаясь по улицам города, занимает ключевые позиции, главные административные здания, средства коммуникации, и в итоге очнувшееся от шока население осознает тот факт, что колония оккупирована всего за какие-то два-три часа, а они сами оказались в роли заложников. Никто из специалистов и администраторов планеты не станет артачиться и саботировать сотрудничество с оккупантами, когда поймет, что в оцепленных городских кварталах осталась и его семья, благополучие которой теперь напрямую зависит от благоразумного поведения нужных захватчикам людей. Таким образом, столь необходимые силам Альянса подземные заводы Дабога сами распахнут ворота для нужд прибывающей на орбиты армады кораблей. А уничтожение двух городов, отснятое на видеопленку, послужит наглядным уроком для тех планет, которые встанут на пути движения армады в ближайшие месяцы…

Сейчас, глядя на то, как атмосфера Дабога под влиянием разбушевавшихся воздушных масс прямо на глазах меняет свой цвет, с голубовато-зеленого на пепельно-серый, Нагумо вдруг испытал чувство глубокой тревоги, неудовлетворенности, словно что-то внутри подсказывало, ехидно нашептывало: «Жди, адмирал, твой план полетел к черту, — на столицу Дабога надвигаются тучи радиоактивного пепла, и люди там не станут ждать, испуганно глядя из окон зданий на то, как твои модули демонстративно садятся им на головы…».

Командующий Объединенным флотом Альянса сердито мотнул головой, заставив себя оторвать взгляд от удручающей картины, которую демонстрировали мониторы.

Никогда не доводите покоряемый народ до той грани отчаянья, когда он поймет, что терять больше нечего, и ненависть возобладает над здравым

смыслом…

Похоже, что данный девиз адмирала Нагумо, снискавший ему сомнительную славу гуманиста, грозил впервые дать существенный сбой.

Судя по движению воздушных масс, внизу очень скоро вообще невозможно станет жить…

* * *

«Беркут», управляемый Игорем Рокотовым, шел неуклюжей, несвойственной ему походкой, наполовину согнув свои ступоходы, с тем чтобы рубка машины не поднималась выше увядающих на глазах крон деревьев бао.

Плантации окружали город сплошной стеной.

Несмотря на то, что Игорь видел блестящую в каплях дождя зелень, он никак не мог отделаться от ощущения, что ведет своего древнего агроробота по бесконечному кладбищу.

Все, чем он жил, что любил, во что верил, — увядало на глазах. Нежные весенние побеги деревьев бессильно роняли метелки соцветий, понуро клонясь к земле. Невидимая смерть витала повсюду: она падала с небес в каплях проливного дождя, металась по воздуху хлопьями принесенной вместе с тучами сажи, хлюпала под ступоходами «Беркута» в мертвой, раскисшей от неурочных осадков почве…

Глядя на деревья, забота о которых занимала огромное место в его жизни, Игорь боялся даже думать о людях. Временами он начинал ощущать стопроцентное одиночество, будто действительно остался последним, кто выжил на Дабоге.

Он глох в окружающей тишине.

Почему он увел «Беркут» от скопления симметрично расположившихся посадочных челноков? Почему не ринулся на них, сбивая бронированным торсом своего робота, давя ступоходами, сжигая лазерами?

Нет, он не испугался. Просто в те страшные, затянувшиеся до бесконечности мгновенья, когда эфир выплеснул в его разум правду о происходящих событиях, Игорь еще не готов был в нее поверить. Эта растерянность, ощущение внезапно выбитой из-под ног почвы, чувство неприятия свершившегося никак не сопрягались с понятием «трусость».

Он действительно не понимал, как можно войти в чужой дом, убить людей, находя какие-то внутренние оправдания содеянному… Это оглушало, переворачивало сознание, вызывало ни с чем не сравнимую моральную боль, внутреннюю пустоту, когда не знаешь, как жить дальше,

куда идти и что делать…

Каждый человек должен пережить внутри себя подобные мгновенья растерянности, страха, отчаяния… пропустить эти ломкие секунды через фильтр собственной души, ощутить ужас из-за непоправимости свершившегося, подавиться растерянностью, заглянуть в глаза безысходности…

Это горнило внутреннего самопознания, откуда выходят новые души. Человек либо ломается, либо восстает против того, что предложила судьба. Трусами, равно, как и храбрецами, не рождаются. Ими становятся…

…Игорь вел «Беркут» окраиной полей, медленно приближаясь к южному пригороду столицы. Ему предстояло научиться убивать, чтобы выжить.

* * *

В тиши командного блистера БПМ сдавленно пискнул тревожный сигнал.

— Здесь БПМ-1! — лейтенант Гудман подался к зеленоватому мерцающему экрану радара, на поверхности которого вспыхнула и погасла алая точка. — У нас гости! Повторяю, у нас гости! Пеленг четыре-шестнадцать-юг!

За десять километров от него капитан Джошуа тщетно пытался справиться с двумя коммуникационными каналами. В одно ухо ему орал полковник из группы десанта, в другое же настойчиво проникал встревоженный голос Гудмана.

— Проклятье, Ротмистров, погодите… — проговорил капитан, обращаясь в коммуникатор. — Какие-то проблемы на подступах… Да взрывайте вы эти перекрытия, делайте, что хотите, только дайте мне решить свои проблемы!

— Ну, что у тебя?! — переспросил он, отшвырнув один коммуникатор, в котором продолжал что-то орать неудовлетворенный его извинениями полковник. — Черт, да отключите его наконец! — раздраженно прикрикнул он на троих операторов, которые работали бок о бок с ним в тактическом отсеке командного модуля. — Куда нацелены наши сканеры? Дайте мне южную окраину, срочно!

— Сэр, тут какой-то непонятный сигнал! — обеспокоенно доложил оператор, следивший за компьютерным комплексом обнаружения. Все пространство вокруг места высадки в радиусе полусотни километров покрывала сеть сканеров, которую поддерживали выведенные на орбиты Дабога спутники.

Капитан, бросив взгляд на показания следящих устройств, коснулся нужного сенсора на панели связи:

— Гудман, мы поймали твой сигнал. Не нервничай и не суетись, парень. Судя по анализу, это что-то большое. Может, заплутавший аграрный робот колонистов или что-то в этом роде. Приятное разнообразие в нашей дождливой прогулке, верно?

— Да, сэр…

Судя по голосу, молодой лейтенант плохо оценил его юмор. Джошуа поморщился. Ему не внушал оптимизма тот факт, что половина его подчиненных являлись необстрелянным в боях сбродом, собранным со дна самых крупных городов-помоек Земли. Это утверждение относительно сброда не касалось в данном случае Патрика Гудмана, недавнего выпускника одной из элитных военных академий Земли, но легче от этого не становилось. Когда в голосе командира планетарной машины звучат такие нотки, дело может принять скверный оборот…

— Слушай сюда, лейтенант, — отрывисто произнес Джошуа. — Десант слишком сильно растянулся по этому чертову городу, — сообщил он, глядя на тактический монитор. — Они увязли в прочесывании кварталов. Пехотной поддержки у тебя не будет. Просто проверь, кто это там вздумал шевелиться. Джошуа скорее не отдавал инструкции, а пытался внушить молодому лейтенанту ту уверенность, которую, судя по голосу, тот уже успел растерять за бесконечные часы унылого ожидания каких-либо действий. — Твоя машина — это верх земных технологий. Не забывай об этом. Здесь нет ничего, что могло бы даже поцарапать БПМ.

— Да, сэр, я понял.

— Вот и отлично, сынок. Выдвигайся и сделай его, кто бы там ни был.

— Есть, сэр!

Джошуа опустил коммуникатор, жестом приказав переключить видеоизображение с камер боевой машины на ближайший к нему монитор.

Он тоже устал от такой войны. «Здесь нет и не может быть никаких проблем», — мысленно повторял себе капитан, но спокойнее на душе от этого не становилось. Эти колонисты в его понимании больше походили на крыс, которые забились в свои подземные норы в наивной уверенности, что их там не достанут…

На мониторах наконец вспыхнули несколько ракурсов видеоизображения, отснятого с разных точек вокруг БПМ. Джошуа ждал, не осознавая того, что нервно сжимает во вспотевшей ладони трубку мобильного коммуникатора, однако тревожившие его предчувствия не оправдались. Очевидно, Гудман не зря протирал штаны на лекциях в

академии. Свой недостаток боевого опыта молодой офицер восполнял рвением, и Джошуа поймал себя на мысли, что ему приятно наблюдать за действиями лейтенанта. В манере Гудмана чувствовалась нервная дрожь молодого пса, впервые почуявшего вкус крови, и для капитана сейчас уже казалось не важным, что явилось причиной такого рвения, — страх, избыток адреналина или действительное желание убить…

Одна из парящих в воздухе автоматических камер слежения отчетливо показала, как боевая планетарная машина двинулась с места, легко соскочив с возвышения дорожной развязки. Ее башенное орудие уже разворачивалось по полученному пеленгу.

Огромные ребристые колеса с дымком пробуксовали по мокрому асфальту, и многотонная машина рванулась вперед со скоростью гоночного флайера. Капитан Джошуа угрюмо кивнул ей вслед. Да, ему определенно начинал нравиться этот молодой лейтенант. Было в нем что-то кровожадное, резкое, а значит, кто бы там ни прятался, на краю прокисших от радиации лесопосадок, он сейчас поимеет огромные проблемы. Смертельные.

В принципе капитан не опасался внезапной атаки. За три часа медленного, вязкого продвижения по городским улицам, по его парням не было произведено ни одного выстрела. Похоже, что эти колонисты вообще не имели никакого вооружения и армии. Гораздо больше какого-то гипотетического сопротивления капитана Джошуа волновал график продвижения вверенных ему отрядов десанта и расчетные сроки, установленные для занятия ими определенных стратегических точек. Этот крикливый урод Ротмистров был тысячу раз прав — первая операция по захвату колонии оказалась спланирована скорее как демонстрация силы, некая акция устрашения, нацеленная на то, чтобы дать понять остальным планетам, какая их ожидает участь в случае сопротивления Всемирному правительству Джона Хаммера. И если он, капитан Джошуа, окажется повинен в срыве графика этой кровавой показухи, Нагумо, без сомнения, лично сдерет с него шкуру, на глазах у всего офицерского корпуса флота…

Странный сигнал, появившийся на краю плантаций, тревожил Джошуа не более чем очередная досадная проволочка, от которой нужно поскорее избавиться…

Давай, Гудман, быстрее, у меня еще черт знает сколько дел!..

* * *

Игорь был так поглощен и подавлен зрелищем крайних городских зданий, зияющих черными провалами выбитых вместе с рамами окон, что

атака БПМ оказалась для него ошеломляющей и внезапной.

Бортовой компьютер «Беркута» не был запрограммирован на обнаружение машин. В лучшем случае его древние базы данных хранили в качестве целей образы огромных зверозубых ящеров, некогда населявших материки Дабога. Поэтому, когда стена умирающих посадок вдруг прорвалась и сразу несколько деревьев бао начали валиться в разные стороны, давая дорогу огромной тупоносой машине с бронированным лобовым скатом, то на панелях управления шагающего агроробота взвизгнул лишь датчик анализатора столкновений. Лазерные дальномеры, связанные с системами сервоприводов «Беркута», ясно определили — огромная машина несется прямо на него…

Игорь не успел отработать сенсорными рычагами — за него это сделал сам «Беркут». Процессор шагающего робота оценил степень опасности гораздо раньше, чем задумавшийся человек отреагировал на визгливый сигнал, предупреждающий о неизбежном столкновении двух машин. Системы экстренного автоматического пилотирования заставили многотонного робота привстать, распрямляя согнутые в коленях ступоходы с отчетливым, надрывным визгом приводов.

У Игоря не было и не могло быть опыта войны…

Он еще не до конца отдавал себе отчет в том, что огромная тупоносая машина вломилась на окраину плантаций по его душу, а когда осознал, заметив поворачивающуюся в его сторону башню со спаренными стволами автоматической пушки, то принимать решения уже оказалось поздно: орудия БПМ словно кто-то потянул назад, они дернулись, вбиваемые отдачей внутрь башни; Игорь заметил злые язычки статики на их срезах, и в тот же миг ошеломляющий удар в сопровождении зубовного лязга раздираемого металла и звонкого, оглушительного треска разламывающегося в паутину трещин бронестекла рубки обрушился на него…

«Беркут» пошатнулся, его моторы взвыли, словно то был крик раненого животного. Кабину, прошитую несколькими снарядами, тут же наполнил едкий дым горящей проводки.

От перелома шейных позвонков Игоря уберег широкий подголовник кресла. Его голова мотнулась назад, подхватив инерцию судороги, которая прокатилась по механическим чреслам «Беркута»; надрывный вой серводвигателей смешался в сознании с собственным болезненным вскриком, когда горячее крошево стекла от взорвавшегося экрана резануло по лицу…

Задыхаясь и кашляя, Игорь инстинктивно ударил ладонью по удобно

расположенным кнопкам автоматики перезапуска поврежденных систем «Беркут» проектировался здесь, на Дабоге. В нем концентрировался опыт того немыслимого противостояния с планетой, которое вели люди, высадившиеся в дикой, враждебной среде древнего Дабога. Шагающий агроробот, в отличие от изящных современных моделей, мог показаться грубым, массивным, но он был функционален до последнего винтика, и каждая его система, многократно дублированная для повышения надежности, была нацелена исключительно на выживание.

Перефразируя слова одного древнего полководца, тут уместно сказать, что машину такого класса надежности оказалось мало убить — ее надо было убивать многократно, и даже тогда осторожно обходить стороной груду покореженного металла, — вдруг оживет?..

Лейтенант Гудман родился на Земле и не имел никакого понятия о тех условиях, в которых формировалась техническая мысль колониальных конструкторов.

В горячке первых секунд скоротечного боя он не успел даже глянуть на экран визуального контроля — все его внимание поглощали мониторы систем наведения, а когда башенное орудие произвело залп и оператор-водитель затормозил БПМ, уберегая ее от столкновения с пошатнувшимся и осевшим на один бок роботом колонистов, Патрик, внутри которого все клокотало от ощущения первой одержанной в настоящем бою победы, наконец перевел взгляд на обзорный экран..

Вид покосившегося шагающего исполина поверг его в секундное замешательство…

Робот стоял, возвышаясь над пожухлыми кронами деревьев, нависая над ними, над БПМ как огромный механический ящер, оживший кошмар виртуального программиста, выпустившего в свет одно из своих параноидальных созданий-образов.

Броня закругленного лобового ската рубки робота оказалась прошита кумулятивными снарядами, выпущенными орудиями БПМ. Оттуда сейчас сочился едкий черный дым… Неподвижный робот создавал жутковатое ощущение смертельно раненного, но еще живого существа, и у Гудмана мороз продрал по коже, когда молодой лейтенант наконец осознал, какое исчадие неведомых технологий ему удалось пригвоздить одним удачным залпом.

— Сэр… вы видите ЭТО?!. — забыв о субординации и уставе, хрипло спросил он, подняв к дрожащим губам микрофон коммуникатора.

На другом конце канала связи потрясенно молчал капитан Джошуа.

В отличие от лейтенанта он видел и воспринимал гораздо больше.

Внимание капитана сразу же привлекли две непонятные, гибридные установки, закрепленные на загривке робота.

Если командиру сводной десантной группы — человеку тертому в боях, очерствелому душой, циничному и потерявшему страх в кровавых заварухах внутренних локальных войн, которые постоянно вспыхивали в границах Солнечной системы, могло пригрезиться нечто способное испугать его по-настоящему, до омерзительной, внезапной дрожи в коленях и позвоночнике, то данный кошмар должен был выглядеть именно так…

Взгляд капитана еще раз обежал страшный механический контур и опять остановился на загривке робота. Как назло, следящие камеры командного модуля автоматически взяли увеличение, и капитан Джошуа увидел несколько леденящих воображение опытного солдата технических подробностей застывшего посреди развороченной «зеленки» механического чудовища.

…Все происходило слишком быстро…

— Я сделал его, сэр!.. — потрясенно выдохнул Гудман, не смея оторвать глаз от фантастической, истекающей черным дымком фигуры робота.

— Добей его! — резко приказал по рации Джошуа.

— Сэр?

— Добей водителя, лейтенант! Мои сканеры дают тепловой контур! Там внутри сидит человек, и он жив, черт тебя разорви!

— Но, может быть…

— Делай, что тебе говорят! — взорвался коммуникатор. — Не глупи, лейтенант, на его загривке стоят два лазера! Мои анализаторы выдают вероятную мощность мегаватт по пятьсот, не меньше… черт, я не видел таких даже на кораблях поддержки!..

Этого оказалось достаточно, чтобы Гудман вспомнил, кто на самом деле отдает приказы. Его пальцы цепко охватили сенсорные рычаги точной наводки.

— Да, сэр, я взял его тепловой сигнал… — сообщил он, доворачивая орудия на рассчитанный компьютером угол.

* * *

Тот, кто смотрит на войну как на титаническое противостояние каких-то сверхлюдей, неких «крутых коммандос», рожденных на свет с оружием в руках, этот человек знает о ней понаслышке, в лучшем случае — из дешевых фильмов-боевиков…

Война — это прежде всего ад, в котором погибают и возрождаются

личности, некий страшный полигон для запредельных испытаний человеческой сущности…

Чтобы убить, особенно в первый раз, нужно пройти через отчаяние, страх, боль… Это чистилище. И вовсе не обязательно, что из него выходят очищенные души. Нет. Скорее — покореженные.

Равнодушие приходит потом. Кровавые будни войны заводят в тупик человеческую душу. Это капкан, ловушка, гарантированный бред по ночам на весь оставшийся отрезок жизни.

Мало кто возвращается оттуда к нормальному существованию. Люди, прошедшие через смерть, резко отличаются от остальных. Но и в своем кругу они не едины. Та боль или же наоборот, — равнодушие, неболь, — резко делят их на категории. В результате одни становятся героями нации, другие же — ее проклятием, память о котором долго плавает темными сгустками в поле зрения историков и политиков…

Жизнь берет горсти людей и швыряет их в бездонный омут войны, как слепых котят. А потом смотрит, как кто-то выплывает сам, кто-то тонет, а кто-то, спасая себя, карабкается на голову захлебывающемуся товарищу… или врагу, — тут уж как повезет…

В любом случае, изначально никто не умеет плавать, этому учатся быстро, болезненно и жестоко…

…Игорь на секунду потерял сознание.

Очнулся он почти сразу: из багряного тумана выплыли неясные контуры приборных панелей, лопнувший экран вариатора целей, струйки дыма, что сочились из-под облицовки приборов…

Со стоном оторвав голову от амортизирующего валика кресла, он посмотрел вокруг, едва осознавая, что произошло.

Прямо напротив него, в разделенном на сектора бронированном колпаке кабины, зияла ровная строчка отверстий, окруженных мелкой паутинкой трещин, которые змеились по бронестеклу, расходясь от дыр аккуратными лучиками.

Сверху их покрывали изуродованные сегменты выдвижной брони. Трещины в бронестекле ломали свет, искрились красным и зеленым, отражая сигналы, горящие на консолях «Беркута».

В голове Рокотова стоял долгий, иссушающий звон контузии. Во рту ощущался кисловатый привкус железа… Мучительно скосив глаза, Игорь увидел разорванный снарядом край подголовника и понял — смерть прошла совсем рядом, по какой-то непонятной прихоти судьбы, всего лишь чиркнув по его виску своей горячей, безжалостной дланью…

Экраны внешнего обзора погасли, и в их матовых глубинах плавали

сумеречные отражения контрольных огней приборной панели. Чуть выше, в простреленном навылет колпаке кабины, располагались два разреза смотровых триплексов. Один из них не позволял увидеть ничего — картину внешнего мира загораживал вывороченный отрикошетившим снарядом кусок брони. Второй триплекс остался цел — в его разрезе виднелся фрагмент раскисшей, развороченной ступоходами «Беркута» почвы…

Игорь, задыхаясь от дыма, поднял взгляд к ровной цепочке отверстий и через них увидел атаковавшую его машину.

Тупоносый приземистый вездеход стоял метрах в пятидесяти от склонившего свой торс «Беркута». Его башенное орудие со спаренными стволами смотрело в сторону аграрного робота черными зрачками электромагнитных компенсаторов.

Внезапно эти стволы шевельнулись, будто были живыми. Дернулись вверх и в сторону. Они прицеливались.

В гробовой тишине Игорь слышал, как бьется его сердце и тонко воют электромоторы точной наводки, нацеливающие башенное орудие БПМ на тепловой контур человека.

На него…

Это был страшный миг. Секунда беспомощности, ноющего в груди страха, страстного желания жить, замешательства, гнева…

Потом, когда стволы вздрогнули и замерли, он понял: его сейчас убьют… если продолжать сидеть и смотреть в их бездонные, мертвые зрачки…

На панели управления «Беркута» ярко горели сигналы включившегося резерва. За исключением потери герметичности кабины компьютерные системы самоконтроля смогли восстановить все поврежденные функции…

Покрытые потом ладони Рокотова цепко и привычно охватили джойстики управления. В его распоряжении был только один шанс…

Игорь не знал, когда грянет выстрел нацеленной в него спаренной пушки… Собственное дыхание казалось ему оглушающим, а движения — слишком медленными…

Большой палец правой руки сбросил скобку предохранителя над спусковым сенсором горнопроходных лазеров… Ладонь левой уже толкала джойстик, выпрямляя торс «Беркута», выводя его из-под убийственного взгляда черных зрачков и…

… «Беркут» шевельнулся, с лязгом, который показался громовым в сторожкой, напряженной тишине увядающих плантаций.

Робот, секунду назад обреченно накренившийся к земле, вдруг начал

приподниматься, приводимый в движение внутренними механизмами сервоподачи… Из дыр в его броне продолжал сочиться дым — это казалось кошмарным, невероятным наваждением, но он двигался, уверенно, целенаправленно…

… В сознании капитана Джошуа, наблюдавшего эту сцену на тактических экранах командного модуля, навечно отпечатались необычайно мощные лазерные установки, закрепленные на загривке страшной машины. Он машинально успел отметить тот момент, когда их непонятные, гибридные стволы вдруг начали вращаться, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, раскручиваясь до немыслимых оборотов, а за ними уже заалели две ослепительные рубиновые точки на срезах генераторов первичного излучения. Вращающиеся по кругу стволы, усеянные линзами когерентных ускорителей, по очереди подхватывали этот свет и сплевывали жаркими, ослепительными стрелами лазерных разрядов, каждый из которых нес в себе по нескольку сот мегаватт чистой энергетической смерти…

* * *

Потные от напряжения ладони Гудмана сжимали рычаги точной наводки. Лейтенант в страшном, запредельном экстазе первого боя хотел сделать все сам. Контур человеческого тела, запутавшийся в тонкой координатной паутине цифрового прицела, манил сильнее, чем женщина в момент первой любви…

Палец Патрика нашел выпуклость кнопки. Ему оставалось лишь слегка сдавить ее, и чья-то жизнь затрепыхается, забьется в предсмертных судорогах агонии…

Он медлил, словно завороженный глядя в зеленоватую паутину прицела.

— Давай, Гудман, не тяни!..

Лейтенант вздрогнул. Голос капитана Джошуа, грубо подстегнувший его решимость, сыграл с Патриком злую шутку.

Нескольких мгновений замешательства, вызванных резким окриком капитана, оказалось достаточно, чтобы огромный робот ожил…

Лейтенант видел, как зашевелился внутри механического исполина тепловой контур человека. На горбе машины вдруг пришли в движение какие-то устройства, и все это оказалось спрессовано даже не в секунды, а в доли секунд…

Правый ступоход исполинской машины выпрямился, отклонив корпус, как раз в тот момент, когда лейтенант Гудман судорожно сжал

сенсор залпового огня.

Очередь из десяти снарядов чиркнула по броне агроробота и ушла в рикошет, превратив в горящие щепки несколько деревьев…

— Черт! Я промахнулся!.. Ааа!!!

Пространство узкой прогалины между рядами симметрично высаженных деревьев внезапно разорвала очередь ослепительных световых стрел, и предсмертный крик лейтенанта сменился в эфире страшным булькающим звуком…

Изображения с нескольких камер моргнули и погасли, осталась только одна, парящая у края лесопосадок…

Капитан Джошуа потрясенно смотрел в стереообъем связанного с ней экрана, беззвучно шевеля побелевшими губами, не веря тому изображению, которое предлагала уцелевшая видеокамера…

Этого не может быть… — говорили его выцветшие глаза с расширенными зрачками.

На том месте, где секунду назад стояла БПМ, сейчас бил в небо фонтан огня и кипящей грязи. Камера показывала крупно, слишком крупно… он видел, как от жара сворачиваются в трубочку мясистые листья незнакомых деревьев, как из столба пламени вылетело горящее, кувыркающееся в воздухе ребристое колесо с огрызком оплавленной оси, потом среди занявшихся огнем деревьев что-то рвануло, выкинув в небеса несколько крупных обломков боевой машины… и страшный, закопченный, отрезанный, как ножом, кусок кормы БПМ, пролетев над деревьями, с лязгом рухнул в сотне метров от места схватки, пройдя мимо парящей в воздухе видеокамеры во всех удручающих подробностях…

* * *

Седьмой отдельный взвод космической колониальной пехоты (так, в связи с начавшейся операцией, теперь именовались приданные флоту планетарные соединения) вышел к южной дорожной развязке с опозданием в семь минут относительно установленного графика.

Они издали увидели БПМ, застывшую на втором ярусе дороги, под пологом электромагнитного статис-поля. Пехотинцы были злые и усталые после трехчасового прочесывания брошенных жителями городских зданий. Их камуфлированная броня, покрытая капельками дождя, сливалась с серым фоном вымокшей улицы, по закрытым забралам шлемов изредка пробегали статические сполохи электромагнитных «дворников».

Всем одинаково хотелось курить, поэтому незримое статис-поле, отсекающее дождь над позицией боевой планетарной машины, имело в эту

минуту особую притягательность — под его покровом можно будет на минуту открыть надоевшие шлемы, не опасаясь при этом схватить дозу излучения от низвергающихся с небес радиоактивных осадков.

— Шевелитесь, парни! — для проформы прикрикнул сержант, но его бойцы и так прибавили шагу. Разбившись на двойки, они по-прежнему держали дистанцию, двигаясь по обеим сторонам улицы, но вид окраины города как-то ненавязчиво подсказывал — все, операция идет к своему завершению. Город захвачен, сопротивления нет, а об остальном пусть болит голова у Нагумо. Они свое дело сделали.

До заветного полога статис-поля оставалось несколько сот метров, когда БПМ внезапно сорвалась с позиции и рванула в сторону лесополосы, выворачивая своими огромными колесами центнеры раскисшей под проливным дождем почвы. Сержант остановился, проводил ее долгим, пристальным взглядом, но комментировать данный рывок не стал. Там, куда ушла планетарная машина, простому смертному делать нечего — эту мрачную поговорку, основанную исключительно на фактах, знал каждый солдат, от ветерана до молокососа.

Шагнув под полог электромагнитной защиты, сержант раздраженным движением отстегнул забрало гермошлема и первым делом сплюнул на сухой асфальт автодорожной развязки.

— Держим позицию! — мрачно прикрикнул он на бойцов.

Те нехотя опять разбились на двойки, расположившись по периметру, образованному статис-генераторами, которые выстреливала вокруг себя БПМ при каждой длительной стоянке.

— Курить-то можно, сержант? — осведомился один из бойцов.

— В кулак… — буркнул в ответ тот, напряженно вглядываясь в дождливый сумрак окрестностей. — Снайпер и гранатомет, на левый фланг!.. — вдруг приказал он.

Четыре человека пришли в движение, выполняя команду. Первым занял позицию снайпер, — присев за бетонный поребрик, огораживающий закругление автострады, он кивнул своему второму номеру. Напарник, на шлеме которого топорщилось несколько антенн, расположился в метре от снайпера, направив в сторону лесополосы раструб небольшого прибора.

— Все тихо, сэр, — спустя несколько секунд доложил он.

Сержант посмотрел на расчет реактивного гранатомета и угрюмо кивнул. Он-то знал, что корректировщик сейчас не видит дальше собственного носа, радиоактивный фон местности ослеплял сенсоры приборов, а стена льющейся с небес воды делала мир за пологом маскировочного статис-поля просто сумеречным пространством, в котором

царили неясные, размытые линии.

Командира группы не покидало какое-то странное, нехорошее предчувствие.

Дождь… Чертов дождь…

…Внезапно там, куда ушла БПМ, раскатисто рявкнуло короткой очередью ее башенное орудие. В сумраке унылого дня было видно, как над стеной деревьев метнулись сполохи разрывов и взлетели какие-то обломки.

Сержант, прищурясь, смотрел в ту сторону.

— Ну-ка, застегнуть всем шлемы, живо! — сквозь зубы приказал он, сам, однако, не торопясь подавать личный пример подчиненным. Те нехотя повиновались, одарив командира неодобрительными взглядами. Ну, прижала БПМ кого-то в «зеленке», нам-то что скалиться? — красноречиво говорили глаза солдат.

Кто-то, глядя на командира, не торопился гасить только что прикуренные сигареты, и сержант начал было разворачиваться, но слова, приготовленные для нерадивых подчиненных, застряли в его горле: в этот самый миг за унылой стеной дождя вдруг полыхнула ослепительная вспышка, и взрывная волна, сорвав на секунду мерцающий полог энергозащиты, в тяжкой судороге выкинула в небо многотонный обломок задней части БПМ…

Нужно отдать должное — только два или три человека запаниковали, заметались, да и то лишь потому, что покореженный обломок летел, казалось, прямо на них. Остальные в непомерном, отдающем каким-то невинным, бесшабашным восторгом изумлении проводили взглядами полет покореженной кормы (Вот это… на хрен… ты видел, да?!.), пока та с лязгом не ударилась о стойку бетонной опоры, что поддерживала второй ярус дорожной развязки, и лишь чье-то бессвязное восклицание типа: «Ваау!..» сопроводило отдавшийся в почву удар…

Люди были удивлены, но не испуганы.

Они еще не воевали по-настоящему, не видели смерть лицо в лицо, — даже у ветеранов локальных войн львиная доля боевого опыта приходилась на нудное патрулирование разрушенных с орбиты городов или дистанционное наблюдение за вспышками далекого, безобидного огня. Войны XXVII века сводились к незамысловатому противостоянию техники. Один боевой крейсер на орбите какого-либо планетоида мог полностью контролировать ситуацию внизу. Поэтому солдаты из состава занявшего автодорожную развязку взвода были ошеломлены, но пока лишь тем, как на их глазах вдруг скончался живучий миф о непобедимости боевых планетарных машин…

Ни у кого не хватило времени, чтобы задуматься о главном — кто прикончил БПМ?

Страх, как и ответ на незаданный вслух вопрос, пришел через пять или шесть секунд после того, как отгремели звуки тяжкого падения обломка.

За близкой стеной увядших под радиоактивным ливнем деревьев внезапно раздался протяжный душераздирающий лязг, — словно там провели ржавым гвоздем по листу тонкого железа, — и над макушками самых высоких крон вдруг поднялся чудовищный, хищный контур чего-то необъяснимого с точки зрения земной технической мысли…

Страшный силуэт высился над увядающими кронами, будто жуткая галлюцинация, мираж…

Чадящий обломок БПМ, плюющийся дымом у бетонной опоры дорожной развязки, делал картину еще более ошеломляющей. До сержанта, онемевшего от неожиданности, начал наконец доходить истинный смысл свершившегося события.

Машинально схватив дрожащими пальцами дугу укрепленного у рта коммуникатора с крошечным микрофоном на конце, он подал его к самым губам, словно этот жест мог чем-то помочь ему лично или как-то улучшить связь.

— Говорит пехотный-семь! — выдавил он в коммуникатор, не смея оторвать глаз от восставшего над лесопосадками, окутанного густым, клубящимся паром силуэта совершенно незнакомой машины.

— Седьмой, это командный-один! — раздался в коммуникаторе голос Джошуа, и сержант при его звуках испытал ни с чем не сравнимое облегчение, почти что экстаз, — настолько сильно он был потрясен и растерян.

— Сэр… — голос сержанта был хриплым и прерывистым. — Мы потеряли БПМ…

— Черт побери, я знаю! Доложи обстановку, седьмой!

Сержант пошевелил пухлыми губами, словно разминая их перед ответом…

— Я не могу описать этого, сэр… — признался он. — Что-то встало из-за деревьев… Оно огромное, окутано паром и не двигается…

— Это шагающий робот, болван! — яростно оборвал его Джошуа. Обыкновенный аграрный робот! — повторил он.

— Сэр, если это аграрная машина, то как она только что разорвала на куски БПМ? — Сержант уже предчувствовал тот приказ, который сейчас отдаст Джошуа, и внутри все протестовало. — Я видел это своими глазами!

— Прекрати скулить, седьмой! Вы все трусите и потому умираете! Очнись, сержант! — Джошуа орал не своим голосом, срываясь на хрип… — Гудман подставил свою машину! Это обыкновенный агротехнический робот, на которого кто-то навесил пару лазеров! Не смотри на него, не покупайся, сержант, плюнь на его размеры!.. Ты должен остановить эту тварь! БПМ уже идут к тебе! Держи позицию и не пропусти его!

— Повторите, сэр…

— Я сказал — держи позицию до подхода БПМ! Ты понял меня?!.

— Да, сэр… — упавшим голосом подтвердил сержант.

Бойцы его взвода видели, как их командир опустил руку, которой прижимал коммуникатор к самым губам. Статис-генераторы, сдвинутые взрывной волной, вновь заработали, и дождь опять отсекало где-то вверху, но ближние к сержанту бойцы заметили поблескивающие на его лбу капельки влаги и поняли, что это не дождь, а пот…

Кинув беглый взгляд в сторону неподвижного силуэта, сержант раздраженным движением опустил забрало своего гермошлема, и в наушниках раздался его голос:

— Гранатометчики — на исходную!..

* * *

Этот день запомнился Игорю своей чернотой…

Сжимая гашетки горнопроходных лазеров, он видел лишь нацеленные в него орудия да сам контур боевой планетарной машины. Он видел массу целенаправленно действующего против него металла, электроники, брони, но в эти мгновенья он не думал о живых существах — тех, кто, вероятно, сидит внутри машины.

Мысль о людях (пусть врагах, но людях!) окатила спину ледяными градинами пота в тот момент, когда на радиочастоте метнулся и затих чей-то болезненный вопль.

Сила, которая выпихнула Рокотова из кресла управления «Беркутом», не поддавалась осмыслению. Это был порыв, шок от осознания того, что он сделал…

На Дабоге слишком бережно относились к человеческой жизни, чтобы Игорь мог спокойно вынести мысль о том, что стал сознательным убийцей. Его истерзанный разум еще не мог воспринять мысль о том, что сюда пришли иные, воспитанные вовсе не на Дабоге человеческие существа, для которых само понятие «жизнь» не имеет того веса, ценности, святости, как то принято тут.

Пушечное мясо… Расхожий, легко восполнимый материал, гораздо более дешевый, чем сложная планетарная техника…

Эту правду ему еще предстояло узнать, а сейчас, выбираясь из днища «Беркута» через откинутый люк, он ощущал себя погруженным в кошмар, который не может, не имеет права обернуться явью…

Вокруг несмотря на дождь горели деревья. Жадное пламя охотно облизывало их кроны, шипело на листьях, чернило и скручивало побеги, роняя в грязь снопы искр…

Спотыкаясь и падая, Игорь, как ослепший безумец, вытянув вперед руки, добежал до уродливых, разбросанных по сторонам обломков горящей машины…

— Я сейчас… сейчас… — почти беззвучно выдыхали его губы, но Игорю казалось, что он кричит в голос и те, кто задавлен этими обломками, его слышат…

Лазерный залп рассек планетарную машину на несколько уродливых, неравных частей, которые развалило по сторонам полыхнувшим изнутри взрывом.

Добежав по жидкой, плюющейся паром грязи до первого обломка, Игорь увидел совершенно неестественный ракурс какого-то внутреннего отсека машины. Поставленный на попа кусок внутренней облицовки, незнакомые приборы, фрагмент кресла и… рука, которая еще судорожно сжимала в кисти обломок сенсорного рычага. Остальная часть человеческого тела была скрыта какими-то дымящимися ошметьями.

Игорь, которого колотило от шока, схватил эту руку, дернул и вдруг, потеряв опору, повалился на спину.

Что-то придавило его, обдав теплой, липкой жижей.

Глаза Рокотова расширились от ужаса. Рядом с ним в грязи лежала лишь верхняя часть туловища. Безвольно запрокинутая голова молодого, по сути, парня смотрела в черные небеса Дабога остекленевшим немигающим взглядом, а из перерубленных лазерным лучом кровеносных сосудов еще вытекала густая, почти что черная по цвету кровь…

В этот момент, инстинктивно подавшись в сторону от жуткого обрубка, Игорь закричал… Так, наверное, кричат смертельно раненные звери.

Он понял в эти чудовищные мгновенья какого-то рокового прозрения, что уже стоит вне жизни, и, что бы ни случилось с ним дальше, прошлое не вернется. Никогда…

Словно пьяный, он кое-как, шатаясь, добрел до могучей ноги «Беркута».

Крик рвался из горла и застывал на губах ледяным шепотом смерти:

Я не звал вас сюда… не звал… не звал…

Это звучало как проклятие. Пальцы Игоря оставались липкими от чужой крови. Радиоактивный дождь хлестал по лицу упругими струями мертвой воды. Он не мог ощутить, что плачет, даже если бы захотел.

Вокруг него плакал сам Дабог…

Смерть царила на огромном пространстве материка.

Четыреста лет… — билась в голове Игоря злая, ошалелая мысль. -Четыреста лет поколение за поколением мы создавали ЭТО…

Игорю больше ничего не требовалось понимать. С его пальцев, смытая дождем, на ступоход «Беркута» капала нежно-розовая, разбавленная водой кровь…

С этой секунды началось его восхождение по страшной кривой равнодушия и ненависти. В этот страшный, полный молчаливого безумия миг началась та самая оборона Дабога, о которой напишут книги.

Но это будет позже.

Сейчас лишь один человек стоял под смертоносным дождем, тяжело привалившись к ступоходу древнего робота, и его судорожно рвало от пережитого ужаса, отвращения, от кровавого зрелища внутренностей БПМ, от осознания того, что он сделал…

Игоря трясло крупной, лихорадочной дрожью.

Перегретые лазерные установки «Беркута» испаряли падающую с разверзшихся небес воду, и робот казался окутанным таинственной дымчатой аурой.

Глава 4

Борт флагманского крейсера «Эндгроуз».

Сэр, мы потеряли одну БПМ! Доклад вахтенного офицера хлестнул по Нагумо, словно пощечина. Адмирал побледнел, но все же удержал свои эмоции.

— Как? — спросил он, поворачиваясь вместе с креслом. — Как это могло произойти?

— У нас есть видеоизображение, сэр, — стараясь смотреть мимо адмирала, доложил офицер.

— Давайте. — Нагумо сцепил пальцы обеих рук, поворачиваясь назад к экранам. В тиши командного поста «Эндгроуза» было отчетливо слышно, как хрустнули суставы командующего.

Вид исполинского аграрного робота с двумя пятисотмегаваттными лазерами на загривке впечатлил, но не испугал адмирала. Он понял — ему нарочно подсунули такой ракурс съемки, что робот и боевая машина выглядели как игрушки, отснятые с порядочной высоты.

Они не понимают, что мне все равно… — с оттенком тоски в мыслях подумал адмирал, недоброжелательно взглянув на столпившихся поодаль штабных офицеров. — Это вы боитесь крови и грязи, а я повидал и то и другое. Болваны… Болваны в чистых отутюженных мундирах… В реальности выживает только сильнейший, а этот робот оказался сильнее нас…

— Дайте нормальное изображение! — внезапно потребовал он.

Панорама на экране послушно укрупнилась. Теперь картинка не выглядела как скриншот[1] веселенькой игры в солдатики — робот шел, тяжело раздавливая своими ступоходами тонны грязи, его покатый корпус, задевая деревья, ломал ветви, а планетарная машина, прокладывая себе путь через лесопосадку, подминала стволы, которые плюхались в грязь с агонизирующей дрожью сминаемых крон…

Нагумо просмотрел запись до того момента, пока судорога взрывной волны не сбила парящие в воздухе видеокамеры.

Несколько секунд адмирал сидел, глядя в почерневший экран.

— Сколько их? — наконец обронил он.

— Один, сэр! — с готовностью доложил кто-то из штабных.

— Артиллерийскую палубу «Эндгроуза» на связь, — буркнул адмирал. Его раздражала подобострастная нерешительность офицеров

штаба.

Ничего… Пару раз сходят вниз — поймут что к чему. Я сделаю из вас настоящих офицеров, дайте срок.

— Сэр, палуба одиннадцать на связи. Докладывает старший правого борта капитан Доронин!

— Слушай внимательно, капитан. Сейчас тебе передадут координаты точки поверхности. Накрой ее так, чтобы ни одна полевая мышь не осталась в живых, ты понял?

— Так точно, сэр!

Нагумо махнул рукой, — отключайся.

— Господин адмирал! Нам докладывают, что в заданном квадрате седьмой пехотный взвод! Они блокировали автодорожную развязку. Капитан Джошуа отдал приказ удерживать позицию до подхода остальных БПМ!

Нагумо обернулся, смерил говорившего тяжелым взглядом покрасневших глаз.

— БПМ пусть возвращаются на исходную, — ответил он. — Пока этот робот способен двигаться, он может причинить очень много проблем.

— Сэр, как быть со взводом?

— Скиньтесь и поставьте ему памятник, — раздраженно ответил Нагумо Этот робот должен быть уничтожен немедленно. А кто из вас еще не понял, что началась война, — я могу объяснить, в чем разница между видом с орбиты и ползаньем на брюхе под ступоходами этой машины!

Больше вопросов не возникло. Вниз не хотел никто.

* * *

Первая стена разрывов легла на полкилометра южнее дорожной развязки, взметнув в небо черно-оранжевый вал земли, перемешанный с обломками деревьев.

«Беркут» качнуло.

Этот глухой удар, в сопровождении барабанящих по броне комьев раскисшей земли, вывел Игоря, который только что взобрался в кабину, но еще не успел пристегнуть страховочные ремни, из страшного, потустороннего оцепенения, в котором он находился с той секунды, как выдернул обрубок человеческого тела из-под обломков БПМ.

Глядя, как бежит прямо на него, дыбится стена грязно-оранжевых разрывов, он вдруг понял, что переступил еще одну черту, за которой, как казалось ему, кончается человеческая сущность.

Он больше не боялся смерти и не отвергал ее. Что-то надломилось,

надорвалось в душе Игоря. Он смотрел на приближающуюся стену разрывов, и шальная дрожь от инстинктивного желания жить не трогала позвоночник, не драла ознобом по коже… и это наступившее вдруг равнодушие показалось ему еще страшнее, чем сама смерть… Будто кто-то взял и выжег изнутри то, что еще несколько часов назад называлось Игорем Рокотовым…

Он машинально взялся за рычаги управления «Беркутом», чтобы ощутить это касание, доказать самому себе, что все еще жив…

Правый ступоход древнего агроробота вышел из грязи с надсадным, чавкающим звуком. Сердце Игоря билось ровно, медленно, глухо, когда он уклонил машину от роковой цепочки кустистых разрывов, которая начиналась от горизонта и уходила за горизонт, будто кто-то вознамерился вспахать Дабог этим страшным, чудовищным плугом…

Новая стена перемешанной с огнем земли прочертила городскую окраину. Одно из зданий, у устья проспекта Беглецов, тяжко задрожало и вдруг начало оседать вниз, выбрасывая из-под себя клубы белесой бетонной пыли.

Кто-то орал в эфире, нечленораздельно, зло.

Смерть опять рушилась с клубящихся небес.

— Первый, твою мать! Куда вы бьете! Здесь же мы! МЫ!!!

Новая стена огня взметнулась метрах в двухстах от «Беркута», который проламывался сквозь заросли деревьев бао.

Осколки барабанили по броне машины, словно та попала под град.

— Отходим!.. — рвался в эфире чей-то надорванный голос. — Паша!.. Паша!!!

Треск помех накатил рвущей перепонки волной… и сквозь него:

— Молись, сука… я выберусь отсюда!.. Тебе не жить, подонок!..

Вопли в эфире опять погасил треск несущей частоты, адский грохот близких разрывов, утробный вой и визгливый рикошет осколков.

«Беркут» шел, лавируя меж разрывов, содрогаясь всем своим корпусом, и Игорю казалось, что дождливый сумрак дня вокруг него превратился в кипящий, сюрреалистический ад, из которого нет спасения, и борьба — это лишь секундная отсрочка, ничтожная задержка неизбежного конца…

Орбитальный удар набирал силу с каждой секундой, и поднятая разрывами земля уже не опускалась, — казалось, что она встала на дыбы, повисла в воздухе, вопреки всем законам тяготения.

В этом рвущемся, грохочущем аду Игорь, по какому-то внутреннему наитию, избрал единственно верное направление, — перешагнув через

разбитую прямым попаданием дорожную развязку, от которой остались лишь огрызки железобетонных опор, он повел «Беркут» в теснину городских улиц.

Впереди, около перекрестка, в дыму мелькнул уже знакомый ему контур БПМ.

Не задумываясь, Игорь сжал гашетки обеих лазеров, и ослепительные росчерки когерентного света, сорвавшись с загривка «Беркута», полетели вдоль проспекта, уродуя мостовую, сбивая балконы, расцвечивая плотный, наполненный пылью и дождем воздух злой, неуместной радугой…

…

— Он идет! Он продолжает идти! Мы потеряли вторую машину поддержки!

…

Направленный кем-то удар хлестнул вдоль проспекта валом перемешанного с дымом огня.

Асфальт дыбился, норовя ударить шагающего агроробота промеж ступоходов, в слабо защищенное днище. Вокруг тяжко оседали подрубленные взрывами стены зданий. Мимо рубки, едва не задев ее, пролетел, медленно вращаясь, кусок вывороченного взрывом бетонного поребрика.

В осиротевшей, опустевшей душе Рокотова царила сейчас одна мысль. Она билась неровным пульсом крови. Она двигала рычагами «Беркута», отводя его из-под сокрушительных ударов.

Дойти… Дойти и вымести их прочь отсюда… Навсегда…

…Через квартал или два сенсоры «Беркута» уловили в кипящем вокруг аду слабый тепловой контур четырех планетарных машин, затаившихся в глубине здания, за выбитыми витринами универсального магазина.

Лазерный залп, расходясь веером ослепительного огня, подрубил несущие опоры, и многоэтажный дом осел, хороня под собой массивные тупоносые машины. Они даже не успели двинуться с места.

Если бы Игорь в своем жутком демарше по улицам погибающего города придерживался каких-то правил, тактики, уловок, он бы погиб. Но им руководил не разум. Игорем двигало горе, похожее на безумие. Мысленно приговорив себя, он шел, продираясь тесниной улиц к тому месту, где под мерцающим пологом статис-поля затаились орбитальные челноки пришельцев.

Им не было места на Дабоге. Они не имели права здесь быть…

Игорь не знал, что враг уже начал ощущать мистический ужас от

тяжкой, отдающей роковой неизбежностью поступи его шестидесятитонного «Беркута».

…

— Входит в четвертый сектор! Это два километра до места посадки модулей.

— Нам не остановить его! Попал в правый ступоход… Кабина… Да, дважды навылет… Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ИМ ДВИГАЕТ!

— Убираться отсюда! К черту! С орбиты!..

…

Нагумо, слушавший эфирную перебранку, хмуро посмотрел на тактический монитор.

— Поднимайте модули, — негромко распорядился он. — Планетарным машинам отступать.

Адмирал глядел через экраны тактического пульта на фигурки солдатиков, умирающих среди росчерков бледного огня и облачков дыма и недоумевал. Он смотрел на них, раздраженно размышляя о том, почему эти фигурки, так отчаянно снующие в дыму, не оправдали его надежд?.. Как мог один агротехнический робот сделать такое, пусть даже он оказался оснащен не виданным на Земле оружием?

Теперь ему предстояло долго размышлять над этим.

По рации доложили, что потеряна седьмая планетарная машина. Лазеры шагающего робота попросту разрезали ее на куски.

Это был разгром…

* * *

Приближаясь к месту посадки десантно-штурмовых модулей, Игорь сквозь дым и пламя заметил маленькие сгорбленные фигурки, которые показались ему смутно знакомы.

Дважды контуженный, он уже почти не соображал, что и как делает Были мгновенья, когда Рокотову всерьез начинало казаться, что этот бой среди рушившихся домов, оседающих стен, яростных вспышек будет длиться вечно.

«Беркут» кренило на один бок. Поврежденные сервоприводы правого ступохода визжали и выли. Рубку шатало так, что целиться становилось попросту невозможно, но Игорь с лихорадочным безумством нажимал на спуск, как только индикатор зарядки начинал трепетно светиться тусклым вишневым цветом.

Левый лазер уже не сплевывал стрелы когерентного света — в нем что-то угрожающе трещало, изредка с загривка «Беркута» начинали

снопами сыпаться искры, но правая установка оставалась в строю, и веера холодных световых росчерков летели вдоль проспекта, начисто выметая мостовую, тротуары, сшибая вывески магазинов, вспучивая чудом уцелевшие витрины фонтанами стеклянной крошки…

Пульс крови стучался в виски глухими, редкими ударами.

Перед глазами Игоря плавал кровавый сумрак, в котором он едва мог различить показания немногих уцелевших приборов. Изредка его зрение прояснялось, и тогда он, как сейчас, например, мог трезво оценить обстановку вокруг изуродованного агроробота…

Это походило на бред больного человека.

Потрескавшиеся губы Рокотова что-то беззвучно шептали, но в его глазах уже не было отражения души, внутреннего мира, проблеска мыслей, что так отличают обычную мимику человека.

В его глазах, в осунувшихся, заострившихся чертах лица, в белой ниточке дрожащих губ — в них поселилась странная пустота, выражение безысходности. Он уже смирился с мыслью о том, что будущего не будет. Ему казалось, что там, на обломках тупоносой машины, среди разорванных в клочья человеческих тел, он потерял право на жизнь.

Он не бравировал. Он отдал себя этому единственному, как казалось, бою. Он чувствовал, как сгорает, сплевывается вместе со сгустками когерентного света его разум, как больно отдается внутри каждый взрыв, каждое безвольно кувыркнувшееся из-под оседающих обломков стен тело в бронескафандре.

Издали, глядя на неровную, прихрамывающую походку «Беркута», на взрывы, разлетающиеся обломки, куски разорванных лазерным огнем боевых планетарных машин, которые тщетно пытались преградить ему путь к десантно-штурмовым модулям, наконец, на сами орбитальные челноки, которые уже виднелись в конце главного проспекта столицы Дабога, у северной дорожной развязки, — глядя на это, могло показаться, что на городских улицах идет противостояние техники… но на самом деле здесь мерялись силами души тех, кто управлял ею.

Игорь больше не видел крови. Он наблюдал лишь ошметья машин, в лучшем случае — промелькнувшее в сполохе взрыва, высвеченное им тело в серой камуфлированной броне, но он помнил о ней.

Вокруг десантных модулей он заметил суету, и опять, где-то сбоку, на краю зрения, промелькнули и исчезли средь руин рухнувшего дома странно знакомые фигурки.

Он попытался увеличить скорость «Беркута», но тщетно. Поврежденные ступоходы едва двигались, сопровождая каждый такт

движения зубовным скрежетом посеченных осколками приводов.

Модули приближались слишком медленно, будто были зафиксированы замедленной съемкой. Игорь посмотрел на экраны, заметил в оптическом умножителе, как медленно закрывается рампа одного из челноков, и со страшным, нечеловеческим спокойствием нажал на спуск обоих лазеров.

На загривке «Беркута» опять что-то заискрило. Правый лазер сплюнул штук пять бледно-рубиновых молний, которые с шипением рассекли влажный воздух и осыпали броню крайнего модуля ослепительными вспышками брызнувшего по сторонам расплавленного металла.

В ответ тяжело загрохотало несколько орудий. Из-за крайних аппаратов, вырвавшись по крутой дуге, чиркнули в небеса и упали тяжким, сотрясающим землю дождем два ракетных залпа.

Один из разрывов лег перед самой рубкой. Игорь даже не зажмурился. Он видел, как вздыбился мокрый асфальт, приподнятый оранжево-черным султаном титанического разрыва, что-то гулко и сильно ударило в броню «Беркута», и его правый ступоход внезапно начал подламываться…

Ну вот и все…

Он чувствовал себя безумно уставшим…

Рубка покачнулась, кренясь набок. Пальцы Игоря, онемевшие на гашетках, в последний раз судорожно сжались, посылая неприцельный залп в сторону суборбитальных кораблей, но, вопреки всему, покалеченный «Беркут» не упал. Кренясь, он оперся своей задней частью на руины здания и застыл в этой нелепой для машины позе. Из перебитых сервоприводов развороченной конечности толчками била зеленая гидравлическая жидкость.

Игорь посмотрел через уцелевший триплекс рубки в сторону модулей.

Один из них горел, прошитый в нескольких местах лазерным залпом. Остальные тоже казались объятыми огнем, и, присмотревшись, Игорь понял почему.

Они улетали. Бежали назад, в космос, бросая тех, кто не успел к моменту старта, не заботясь даже о людях, что выпрыгивали из пораженного челнока.

Маленькие фигурки выпрыгивали из зева распахнувшейся вновь рампы, откатывались в сторону, отбегали, и Игорь вдруг с удивлением понял, что их тут же окружают другие, те самые, которые показались ему смутно знакомыми.

Часть из них, спотыкаясь и падая, бежала к его «Беркуту», размахивая руками и что-то крича.

Звук их голосов естественно заглушал рев набирающих мощь

планетарных двигателей.

Уцелевшие в бою модули один за другим отрывались от обожженной, изуродованной земли Дабога, взмывая на огненных столбах в черные, клубящиеся небеса планеты.

Присмотревшись к фигуркам, бегущим к его машине, Игорь вдруг понял, почему они кажутся знакомыми. Он узнал не людей, а их экипировку.

Это были люди, одетые в старые, давно ставшие музейными экспонатами скафандры высшей биологической защиты. Это они окружали сдающихся захватчиков из пораженного лазерным огнем «Беркута» десантного модуля.

Значит, он был не один… Значит, люди успели спуститься в старые бункера… Значит… Значит…

Второй раз за эти страшные сутки и последний раз в жизни Игорь плакал.

Снизу кто-то уже барабанил в заклинивший люк.

Часть вторая Горечь полыни

Глава 5

Дабог. Восемь месяцев спустя…

— «Валькирия», здесь «Дабог-3», ответь!.. Пилот орбитального штурмовика одной рукой коснулся тонкой дуги коммуникатора с укрепленным на конце микрофоном.

— На приеме… — лаконично ответил он, не отрывая глаз от показаний множества приборов, которые располагались в тесной рубке управления на скошенных, огибающих противоперегрузочное кресло панелях.

— Новые данные. Звено «Фантомов» на орбите три-шестнадцать-семь. Повторяю, ТРИ… ШЕСТНАДЦАТЬ… СЕМЬ…

— Принял.

Связь отключилась.

Долгий диалог между планетой и штурмовиком исключался. Узкий, направленный луч передатчика пропал, как только был передан необходимый минимум информации.

Причина тому была самой прозаической — пошел восьмой месяц с того момента, как планету блокировал вражеский флот в составе шести космических крейсеров.

Игорь Рокотов опустил на забрало гермошлема дымчатый фильтр.

Приближался критический момент. В другое время он бы не стал бегать от звена «Фантомов», но сегодня у него было иное задание. Слишком важное, чтобы ввязываться в драку на орбите.

Взгляд вниз и вбок показал ему почти что всю панораму системы.

Как всегда, сердце сжалось от этой картины, хотя за восемь месяцев войны пора бы сжиться с той болью, которая притаилась в груди и предательски ждет такого вот момента, чтобы укусить за сердце…

Красная луна вращалась вокруг черной планеты…

Раньше планета была зеленой, а ее луна — желтой.

Раньше… «Раньше» уже не было… Оно перестало существовать с того момента, как на города Дабога обрушились первые орбитальные бомбы.

Сейчас внизу, под покрывалом пепельной атмосферы, царил лютый холод ядерной зимы. Казалось бы, с наступлением катастрофического похолодания этот мир должен был утратить всякую стратегическую ценность, ведь жизнь неумолимо покидала его. Мертвые, обугленные

деревья трещали от мороза, протягивая к пыльному небу свои иссохшие, вымороженные сучья. Если на Дабоге еще теплилась какая-то жизнь, то она забилась под землю, в стылый бетон эшелонированных в глубь бункеров, туда, где дышат последние термоядерные источники энергии планеты.

И все же ударный флот Земного альянса не покидал зоны высоких орбит.

Дабог продолжал жить и обороняться.

Дети и подростки пришли на смену своим родителям, чей пепел носил по новорожденным ледникам колючий морозный ветер. Они и выжившие взрослые жили во имя единственной цели — сражаться.

Игорь посмотрел на приборы дальнего обнаружения.

Флот Земли в очередной раз окружал планету плотным кольцом блокады. Пока что прибывшие боевые крейсеры отдавали должное защитникам Дабога, базируясь в зоне высоких орбит, на почтительном удалении от пепельно-черного шара. Однако это положение могло измениться в любую минуту. Никто не сомневался — назревал очередной штурм.

Игорь до предела увеличил скорость. Он должен успеть. У Дабога осталось слишком мало защитников.

Звено «Фантомов» показалось на срезе заднего радара строенной мерцающей точкой. Сдавленно пискнула, включаясь, антирадарная система подавления сенсоров.

Сегодня меня здесь нет, суки… Завтра настанет ваша очередь…

Врач в бункере сказал ему, что если так будет продолжаться и дальше, то эмаль его зубов разрушится не от радиации. Слишком часто скрипишь зубами, пилот…

Показания радара поменялись. Теперь три точки уже не пульсировали алым, они пожелтели, а значит, он вне пределов досягаемости их сенсоров.

Дабог медленно уползал вниз, зато его луна несколько приблизилась, укрупнилась. Стали даже смутно различимы оспины метеоритных кратеров, которые проглядывали сквозь окутывающую маленький планетоид красноватую пыль…

На луне Дабога никогда не было атмосферы. Чтобы не дать ударному флоту Земного альянса превратить ее в удобную орбитальную базу, эту атмосферу пришлось создать.

Шестьдесят три водородные бомбы малой мощности, на производство которых ушел практически весь резерв ядерного топлива для реакторов, которые поддерживали тепло и жизнь в бункерах Дабога, сделали свое дело, взметнув в окололунное пространство миллиарды тонн красноватой

пыли, окутав спутник сплошным покрывалом мельчайшей абразивной взвеси, в которой истончалась любая броня и выходили из строя двигатели космических истребителей.

Температуру в бункерах пришлось снизить на пять градусов ниже нормы комнатной температуры, но зато ударный флот Альянса по-прежнему оставался привязан к черному шарику планеты, как к сотворенному собственными руками проклятию.

Они планировали использовать планетоид, обращающийся по орбите вокруг непокорного мира, для постройки своих космопортов, а затем установить там дальнобойные космические орудия, которые бы держали под прицелом поверхность обожженного ядерным огнем Дабога, создать площадки для технического обслуживания и базирования космических истребителей, а в ответ получили «пыльную луну» — так жители непокорных бункеров назвали свою акцию…

…На приборной панели сдавленно пискнуло сразу два сигнала.

С одной стороны, навигационная система сообщала о достижении точки перигелия и смене курса, а с другой — поисковый радар указал появление плотного роя сигналов.

«Штурмовые модули…» — определил Игорь их классификацию.

Координатор оказался прав, они шли совсем не тем курсом, как было раньше, — их тактика относительно прошлой попытки овладеть Дабогом резко изменилась. Теперь они нацеливались не на источники активности, обнаруженные на поверхности планеты, а на обширную, изрытую кратерами воронок радиоактивную пустошь, расположенную на западе материка.

«Хотят создать плацдарм, зацепиться за поверхность…» — разгадал их маневр Игорь.

— «Дабог», они идут. Направление входа в атмосферу определено. Передаю данные…

Он отжал клавишу связи.

Теперь все решится в ближайший час.

* * *

…Опоры «Валькирии» коснулись стекловидного дна кратера, взметнув вверх облачка радиоактивного пепла.

Вокруг царила красноватая сумеречная мгла.

Радиоактивная пыль лжеатмосферы висела практически неподвижно, создавая плотную завесу, не проницаемую для радиоволн и поисковых лучей радаров.

Несколько минут орбитальный штурмовик стоял на дне кратера неподвижной темной глыбой.

Ни один опознавательный знак не горел на его обшивке, все огни были предусмотрительно погашены.

Игорь отстегнул страховочные ремни пилотского кресла и встал, развернувшись к выходу из тесной кабины.

За его спиной на одной из панелей пульта управления злобно моргала красная лампочка, расположенная под надписью «РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ ГРУЗОВОГО ОТСЕКА».

Протиснувшись сквозь узкий переходной тамбур, Рокотов оказался в залитом красноватым светом грузовом трюме корабля.

Здесь на подающей плите, напротив откидной секции аппарели, стояло его детище.

Хотя вернее было сказать, что затаившийся в глубинах отсека механический монстр являлся детищем того страшного, несправедливого противостояния, которое было навязано аграрной планете своей бывшей прародиной.

Игорь лишь мельком взглянул на механического исполина, в то время как его руки уже отсоединяли тянущиеся вдоль массивных механических ног робота шланги стационарного энергопитания.

За дымчатой лицевой пластиной гермошлема было трудно различить черты его лица. Что испытывал он, машинально производя знакомые с детства операции? И почему они были знакомы ему так давно, если война пришла на Дабог меньше чем год назад?..

Причину этого могла объяснить крохотная, полуистершаяся пластинка, укрепленная сбоку, на шарнирном сочленении огромной механической ноги робота.

«Семья Рокотовых. Агропул номер семнадцать. Собственность» — так гласили затертые буквы, выдавленные в мягком металле приклепанной к броне бирки.

Примерно такую же истершуюся маркировку, может быть, чуть иного содержания, легко можно было обнаружить и на броне старого, видавшего виды летательного аппарата.

Это теперь он стал «Валькирией» — орбитальным штурмовиком дальнего радиуса действия с усовершенствованным гипердрайвом и новыми не так давно установленными на него секциями вооружений. А до этого корабль был самым заурядным транспортником, атмосферным носителем для тяжелых аграрных роботов.

Игорь закончил отсоединять питание и похлопал ладонью по согнутой

в колене ноге машины.

Изначально его «Беркут» не конструировался как боевой робот. Он был призван на войну силой страшных, противоестественных обстоятельств, как и сам Рокотов.

Возможно, что именно сейчас, в эти секунды, пока еще не откинут колпак кабины, пока молчат сервоприводы, перед мысленным взором Игоря маячила совсем другая картинка, не имеющая никакого отношения к сумеречному чреву орбитального штурмовика.

Он и отец стоят подле короткой лесенки, которая ведет в кабину управления пятнадцатиметровой шагающей машины.

— Ну, давай, Игорек, сегодня твоя очередь… — в голосе отца слышны плохо скрытые волнение и гордость.

Вокруг, насколько хватает глаз, ровными рядами стоят деревья, чьи раскидистые кроны как раз помещаются между ног шагающей машины. Вот сейчас он заберется внутрь, активирует системы, и механическое чудо поползет вдоль лесополосы, тщательно обирая созревшие плоды с цепляющих плоское брюхо машины ветвей…

…Колпак кабины медленно опустился. Бесшумно скользнули поверх него смыкающиеся пластины лобовой брони, оставив незакрытыми лишь два узких смотровых триплекса. На приборных панелях внутри рубки тускло осветились мониторы. Красными крысиными глазками затлели индикаторы энергопитания оружейных комплексов.

«Беркут» шевельнулся, выпрямляя поджатые ноги.

Под креслом пилота возник и тут же пропал короткий вой — это раскрутились, набрав обороты, гироскопы стабилизации опорно-приводного механизма машины.

Впереди уже разверзлась открытая пасть грузовой аппарели.

Робот качнулся, сделал первый шаг. На экранах рубки промелькнул срез шлюза, и внезапно вокруг разлилась красноватая пелена пылевой атмосферы кратера.

Расположенный у правого подлокотника кресла поисковый радар сдавленно пискнул, что означало активацию внешних систем слежения. Пока что его изумрудная плоскость, покрытая сетчатой моделью компьютерного рельефа, оставалась пустой.

Игорь тронул «Беркут» с места, и тот пошел, набирая скорость и чуть покачиваясь из стороны в сторону.

Через несколько минут поднятая аппарель «Валькирии» скрылась из вида за туманной завесой вездесущей пыли.

Только трехпалые следы робота, четко пропечатанные в прахе

радиоактивной пустыни, тянулись ровной цепочкой выемок, указывая направление на затаившийся в кратере корабль…

* * *

В отличие от некоторых своих сверстников, Игорь Рокотов не только не пренебрегал, но, наоборот, живо интересовался древней историей человечества. Во многом здесь сыграл свою роль его отец, который любил повторять, что нормальный человек просто обязан знать свои корни…

О том, что история не началась в тот день, когда сфера колониального транспорта «Беглец» коснулась поверхности Дабога, Игорь был осведомлен в полной мере.

В этой временной точке, четыреста лет назад, началась всего лишь частная история их колонии.

Колониальный транспорт «Беглец» являлся одним из тех космических кораблей-невозвращенцев, которые в середине XXIII века от Рождества Христова сотнями покидали перенаселенную и изгаженную Солнечную систему в поисках лучшей доли для спящих в криогенных капсулах людей.

Думая о том времени, когда начался массовый исход из Солнечной системы отчаявшихся и запутавшихся в политике Всемирного правительства людей, Игорь, уже с высоты сегодняшнего положения, прекрасно понимал — их всех без исключения обманывали.

Из-за перенаселения и небывалого падения уровня жизни цивилизация в ту пору стояла на пороге новой мировой войны, и когда уравнения Йогана Иванова-Шмидта теоретически обосновали возможность сверхсветового полета, то Всемирное правительство моментально ухватилось за эту требующую тщательной проверки и кропотливых экспериментов идею, лживо объявив гиперсферу — ту область аномалии космоса, куда попадал любой корабль при попытке пересечь барьер скорости света, — изученной и разведанной.

По сути, этим утверждением начался гигантский обман, призванный стать предохранительным клапаном в паровом котле цивилизации.

Ситуация, возникшая в обществе, казалась знакомой, как мир, но в то же время сумела блеснуть той гранью новизны, которая, собственно, и затмила в глазах рядовых обывателей все аналогии с хорошо известными технологиями обмана, успешно культивированными в прошлом.

Было время, когда миллионы людей страдали от так называемых «финансовых пирамид», — и теперь их снова призывали к подобной, порочной системе вложения капитала, которая пропагандировала легкую и беззаботную жизнь, но ставкой в этой игре становились уже не купюры

денежных знаков, не акции, а сами люди…

После обнародования доклада экспертной правительственной комиссии по освоению дальнего космоса, который носил витиеватое название «О результатах экспериментального полета внепространственного разведывательного корабля „Ванкор“», по всей Солнечной системе, словно грибы-мутанты после радиоактивного дождя, начали возникать так называемые «фирмы-отправители». По всем информационным каналам была развернута беспрецедентная рекламная кампания неких мифических «девственных планет», орбиты которых якобы посетил первый автоматический разведывательный корабль, который действительно побывал в аномалии космоса и вернулся назад, но тот факт, что он побывал лишь в системе одного из солнц созвездия Центавра и с огромным трудом, после седьмой попытки, случайно вернулся назад, на окраину Солнечной системы, о чем ясно говорят записи его бортовых компьютеров, — этот факт был раскрыт спустя столетия, когда великая трагедия миллионов людей, названная Великим Исходом, уже состоялась…

Но это не смущало корпорации, взявшиеся за изготовление нового типа космических кораблей. Рекламная кампания по привлечению кандидатов набирала обороты, словно снежная лавина, сорвавшаяся с вершины гор.

Условия были просты, заманчивы и в то же время не оставляли никаких лазеек к отступлению от принятого решения.

Кандидат в колонисты отдавал все свое движимое и недвижимое имущество кампании — владельцу колониального транспорта в обмен на место в камере низкотемпературного сна и некоторые гарантии по доставке себя самого на новое место жительства.

Для миллионов людей возможность улететь в новый мир казалась предпочтительнее Пятой мировой войны, прозябания в городах-мегаполисах или гарантированной нищеты безработного, существующего исключительно на дотации государства.

Настал тот миг, когда колониальные транспорты один за другим начали стартовать в пучину неведомого якобы по маршрутам, проложенным разведывательным кораблем «Ванкор».

Все это являлось грубой ложью.

Еще никто не вывел законов движения в открытой, но совершенно не изученной аномалии космоса, — с ней едва ли умели обращаться на уровне теории, а сотни колониальных транспортов с замороженными людьми на борту уже ринулись туда, мгновенно пополняя список невозвращенцев, — гиперсфера прихотливо раскидала их по разным уголкам обозримой

Галактики, словно в отместку за такое легкомысленное, пренебрежительное отношение к ней.

Колониальные транспорты выходили в метрику трехмерного космоса в самых неожиданных, не поддающихся никаким вычислениям точках, и только много позже стало ясно, что внутри гиперсферы существуют свои силовые линии, по которым и происходит движение попавших в эту «изнанку космоса» материальных тел.

Именно благодаря этим неизменным силовым линиям гиперсферы спустя четыреста лет после Великого Исхода новая волна кораблей, посланных с далекой и почти забытой уже Земли, вышла из пучин аномалии космоса именно в тех точках, где когда-то выбрасывало колониальные транспорты.

Они появились подле обитаемых планет, где люди, брошенные на произвол судьбы, сумели выжить вопреки чуждой природе, враждебным биосферам и прочим обстоятельствам.

Они прилетели не как гости, а заявили себя хозяевами, представителями Всемирного правительства далекой, давно проклятой и позабытой метрополии.

Они хотели новых жизненных пространств. Земля опять стояла на грани перенаселения, и пресловутый паровой клапан цивилизации на этот раз выбросил в космос не романтиков и авантюристов, а эскадры боевых кораблей.

Что бы ни утверждали теперь земные политики, но они ЗНАЛИ, что именно встретят на том конце бесконечности…

* * *

…Когда впереди показался смутно очерченный сквозь пыль гребень кратера, Игорь остановил тяжелую поступь шестидесятитонной машины. «Беркут» замер, поджав ноги и опустив свой уплощенный корпус, похожий на неправильный эллипсоид, снабженный поделенным на сегменты блистером. Эта операция сопровождалась неприятным металлическим визгом приводов, который был отчетливо слышен в рубке управления. Сколько бы усовершенствований ни внесла война в конструкцию шагающей аграрной машины, но некоторые операции, такие, например, как приседание, давались ей с трудом. Визг изнасилованных столь необычным движением механизмов только подтверждал это.

Понимал ли сам Игорь, манипулировавший в данный момент компьютерной картой местности, пытаясь определить точное направление для атаки, что он вместе с несколькими техниками Дабога по сути создал

новую концепцию боевой машины, которой суждено пережить века?

Скорее всего, нет. Он даже не задумывался над этим.

— «Дабог-3», на связи Рокотов. — Игорь для очистки совести посмотрел на дисплей и доложил: — Я на позиции. По указанным координатам все чисто.

Несколько секунд в наушниках присутствовал лишь треск статики. Потом без предупреждения и позывных прорвался кажущийся далеким из-за помех голос:

— Игорь, они опять поменяли курс! Это был ложный маневр… Они обманули нас!

— Что мне делать? — Рокотов хмуро посмотрел на приборы.

— Попытайся прорваться еще раз… Попытайся… — Треск помех накатил ревущей стеной, заглушая слова далекого координатора. Игорь посмотрел вокруг, но на экранах не было видно ни зги, кроме плавающей в воздухе пыли…

Они выматывают нас…

Легче от понимания сути происходящего ему не стало.

…Через некоторое время «Беркут» развернулся и тяжело зашагал назад, к штурмовику.

Ему предстоял еще один, уже третий на сегодня, рывок через зону низких орбит, под носом вражеского флота. Смертельная игра в кошки-мышки продолжалась, и Игорь слишком хорошо понимал: когда-нибудь они его подловят…

Глава 6

Планета Кассия. Спустя восемь месяцев после вторжения на Дабог.

Этим вечером Ольге взгрустнулось. Тяжело было расставаться с университетом, с друзьями.

Остановив машину на обочине, она вышла, не закрыв дверку старого «Волмара», зачем-то нагнулась, сорвала травинку и, покусывая ее, долго смотрела вдаль, на туманящийся маревом испарений горизонт.

Простор, что лежал по обе стороны дороги, сладко кружил голову и захватывал дух.

Здесь все пропиталось терпким ароматом лугов, который неосознанно вызывал воспоминания детства. Куда ни глянь, луга тянулись бесконечным бархатным ковром травостоя, текли к горизонту, плавно вздымались зелеными склонами пологих холмов, меж которых влажно и призывно поблескивала, замысловато петляя излучинами русла, речка Вереженка; кое-где виднелись рощи лиственных деревьев, каждая из которых была знакома до сладкой, щемящей боли в груди и будила свои, сокровенные воспоминания, — вон там, под сенью прохладной дубравы, в первый раз робко поцеловала мальчишку из города, что приезжал летом к родителям, в соседнюю усадьбу, а тут, — взгляд Ольги скользнул по нежной, невесомой листве берез, которая словно зеленая дымка обволакивала белоснежные стволы, — тут мать впервые показала ей, что такое грибы… — да мало ли воспоминаний оказалось связано с родными местами голова шла кругом…

Присев на скат дорожной насыпи, Ольга смотрела вдаль и никак не могла насмотреться. Странно как-то… будто видела все это в последний раз.

Она даже вздрогнула, отгоняя дурную мысль.

Чего, спрашивается, распустила нюни? Ну и что, что завтра двадцать, так жизнь же, она, ого, еще вся впереди, да и кто гонит ее с родных мест?

Интересно, сдал Сережка экзамены, приехал уже? — подумала она, почувствовав, как от сорванной травинки во рту вдруг разлилась терпкая горечь.

Что это сегодня со мной? — Даже злость немного взяла. — Как будто все одно к одному — и настроение какое-то грустное, щемящее, и травинку вон сорвала не глядя, а оказалась — горечь одна.

Ольга хотела встать, пойти к машине, чтобы разом отсечь хлопком двери все ненужные мысли и туманные образы, что баламутил в душе этот

вечер, но воздух пах так упоительно… хотелось сидеть и пить его, как волшебную амброзию…

Наверно, приехал Сережка, может, заходил уже… — опять подумала Ольга, глядя, как беззвучно падают сумерки. — Надо бы заехать, поздороваться. Да и мать уже, наверное, волнуется, заждалась, — вдруг спохватилась она, вставая с откоса.

В вечерней тиши, разлившейся над полями, громко хлопнула дверка машины, мягко заурчал двигатель. Две фары вспыхнули, разогнав сумрак и осветив ровное полотно дороги.

Часто замигал поворотник, и машина тронулась с места.

Оставшиеся до усадьбы три километра промелькнули — едва заметила. Мягко притормозив подле забора, она заглушила мотор, глядя, как уютно светятся окна большого двухэтажного дома. Вот сбоку открылась дверь аккуратного, крытого пластиковой черепицей сарая, и огромная немецкая овчарка по кличке Альфа бросилась к машине, радостно повизгивая, — учуяла, кто приехал.

Ольга вытащила ключи из замка зажигания, заметив, как в ближнем окне мелькнула тень, — мать спешила к дверям встретить дочь. Девушка поспешно схватила сумочку, но только открыла дверку машины, как холодный нос Альфы доверчиво ткнулся в ее ладонь.

— Сейчас, милая, погоди…

Овчарка послушно отступила на шаг и села, внимательно глядя своими умными карими глазами, как она закрывает машину.

— Ну, как дела, Альфа? — Ольга присела на корточки, потрепала ее по холке, взъерошила черную лоснящуюся шерсть.

В ответ та лишь скосила глаза и зевнула, показав белоснежные клыки и розовое нёбо.

Дверь дома тихо приоткрылась, скрипнула ступенька деревянного крыльца. Мама…

— Оленька! Ну наконец-то! А я уж думала, не заплутала по дороге? лукаво упрекнула мать, обнимая дочь.

Ольга прижалась к ней, обняла с радостным, щемящим чувством. Все, учеба закончилась, больше никуда не нужно уезжать, а впереди… впереди целая жизнь!..

— А где отец? — спросила она, чуть отстранившись от матери.

— Папа уехал в город несколько часов назад.

— Зачем? — обиженно спросила Ольга, доставая из багажника машины свои вещи.

— Вызвали его. Какое-то срочное собрание всех офицеров. Сама вот

гадаю, что могло случиться, так вдруг.

Дочь уловила в ее голосе тревогу и не стала расспрашивать дальше, хотя в душе шевельнулся червячок обиды… Ну вызвали, — значит, надо… подумала она, стараясь не обращать внимания на неприятное известие. Не хотелось портить такой вечер мелкими недоразумениями, — она ведь знала, отец ее любит и тоже наверняка переживает, что пришлось уехать, не повидав дочь в такой значимый для всей семьи вечер.

— Ну ладно, мам, пойдем в дом… — Она взяла ее за руку, и на душе сразу вновь потеплело. — Кстати, а Воронин Сережа не заходил?.. — как бы между прочим спросила она, поднимаясь по ступенькам крыльца.

— Ну как же… Заходил, часа два назад. Тебя спрашивал. Стройный такой, вытянулся, возмужал в своем училище. Прямо не узнать соседского шалопая.

Ольга довольно кивнула. Поднявшись на крыльцо, она остановилась, прежде чем войти в дом, и вдруг внутри что-то шевельнулось — не то предчувствие, не то просто страх.

Ночь наступала какая-то темная, недобрая…

* * *

Выход за пределы Солнечной системы и война с колониями показали нам, насколько сильна и одновременно слаба наша техника. Нельзя умалчивать тот факт, что мы стали заложниками чрезвычайной мощи собственных космических кораблей. Они оказались очень грубым, слишком эффективным орудием уничтожения.

События на Дабоге, который превратился в мертвый кусок радиоактивного льда, послужили впечатляющим уроком.

Стирать миры — разве в этом виделась задача покорения колоний? Что толку от господства в космическом пространстве, если мы не в состоянии захватить самое ценное — жизненное пространство очеловеченных планет? Мы инициировали Вторую волну Экспансии не затем, чтобы уничтожать, а с целью покорять. В этом виделся смысл войны с колониями — эволюционной войны за обладание столь необходимым жизненным пространством.

На Дабоге все получилось с точностью до наоборот… Но отчаянное, варварское сопротивление этой колонии дало нам в руки мощнейшее оружие для продвижения вперед. Болезненное поражение наших десантных подразделений на поверхности Дабога обернулось технической победой — мы получили наглядный пример, урок и теперь знаем наземный аналог нашим космическим крейсерам. Шагающие агротехнические

машины Дабога, должным образом модифицированные, доведенные до ума земными сервоинженерами, — вот тот клинок, который будет отковываться на иных мирах, пока не обретет прочности стали, способной хирургическим путем вырезать злокачественные опухоли сопротивления. И тогда десятки новых планет откроются наконец для граждан Альянса.

Как бы ни были жестоки отдельные эпизоды этого противостояния, оно неизбежно. Мы не можем ждать — ибо погибнем. Маховик войны раскручен, и никто уже не сможет остановить движение человеческих масс, великого переселения народов, какого еще не знала история цивилизации…

(Джон Уинстон Хаммер, опубликованные дневники).

* * *

В президентском дворце, расположившемся посреди центрального городского парка столицы Кассии — Александрийска, этот вечер тоже выдался нервным и хлопотным.

По широким мраморным ступеням парадного входа то и дело сновали посыльные, парковочная площадка оказалась полна машин, — люди, которые прибывали и прибывали по нескольку человек и поодиночке, все носили форму, и в их взглядах не было в этот вечер обычного спокойствия.

Николай Андреевич Полвин приехал около девяти вечера. Войдя в зал, он чуть задержался у порога, разыскивая глазами кого-нибудь из адъютантов и при этом машинально похлопывая стиснутыми в правой руке белоснежными перчатками по ладони левой. Как и все остальные, он находился в полном недоумении. К тому же Николай Андреевич оказался крайне расстроен нежданным вызовом в столицу — завтра у дочери наступал день ее рождения, а он вынужден быть тут, как назло…

Раздражительность — дурное подспорье. Взгляд Полвина обошел зал, заполненный людскими водоворотами, блеском и нудным позвякиванием носимого без привычки именного холодного оружия, задержался у развилки лестниц и, не найдя ничего примечательного в людской толпе, вернулся был, ко входу, как вдруг один из офицеров заметил Полвина и громко, перекрывая гомон десятков голосов, воскликнул:

— Николай Андреевич! Сколько лет!..

Полвин обернулся на этот зычный голос, и его черты вдруг дрогнули, смягчились, когда он узнал спешащего к нему офицера.

— Лозин! Вадим Петрович! — радостно воскликнул он, шагнув навстречу. Да ты какими судьбами? — искренне удивился Николай Андреевич, обнимая капитана. — Я ведь слышал, ты где-то на юге, воюешь с сельвой! — произнес он, слегка отстранившись.

— Да вот, Николай, все одним миром мазаны, — вытащили прямо из сельвы. — Произнес он, лаская слух Николая Андреевича особым выговором родных мест. — Часом, не знаешь, что стряслось, откуда срочность такая? спросил Лозин.

— Нет, — откровенно признался Полвин. — Сам в затруднении. Да бог с ним, сейчас узнаем. Ты лучше скажи, как сам? Семья? Андрюшка? — осыпал он вопросами друга юности, увлекая того к стене, прочь от толпы.

— Да что я… — белозубо улыбнулся капитан. — В корчевщики записался, правильно ты слышал. Катюша корит — говорит, годы, мол, не те, от семьи бежишь, я слушаю, да знай свое. Прикипел, не могу без нее… без этой адовой сельвы. Знаешь, каждый день под завязку живешь, — не то она тебя, не то ты.

— Ну уж… прям не можешь?

— Представь, Николай, не могу. Если честно, — боюсь работу бросать, ведь Катюша, она у меня умница, прозорливая, — годы-то действительно не те. — Лозин говорил, знакомо улыбаясь краешком губ, а Полвин слушал, испытывая при этом странное, прямо живительное дыхание времени, словно ветерком потянуло из прошлого, — кадетской юности, первой любви…

— Боюсь на завалинке осесть, брюшком обрасти… — продолжал тем временем капитан. — Дома-то оно, ясно, лучше. Андрюшка, внучок, растет, уже девятый годок шалопаю. — Лозин улыбнулся, и его взгляд просветлел. Любил он внука, видно было по всему. — А ты как, Коля? — вдруг спохватился он. Олюшка твоя уже, наверно, выросла совсем? Где она?

— Да разминулся я с ней, — со вздохом признался Николай Андреевич. Домой должна была сегодня вернуться, завтра ей двадцать, а меня вот, видишь, вызвали…

— Двадцать? — с уважением переспросил Вадим. — Да, неприятно, конечно. Выходит, не ты посвящать ее будешь? Или перенесешь?

— Да нельзя переносить, ты же знаешь, нехорошо это, — с сожалением ответил Полвин. — Хоть к потеряла смысл традиция, превратилась в ритуал но все равно, — обидно. Пришлось попросить Лисецкого, — помнишь, может, Кирилла? Ну как, он ведь третий человек в Совете, забыл?

Лозин нахмурил лоб.

— Нет, не помню, — признался он. — Да и когда он собирался в последний раз, Совет-то? Лет двадцать назад?

— Ну, неважно, сосед он мой одногодка. У него две

дочки-близняшки… уже посвященные. Он поведет Ольгу сегодня ночью к нашему АХУМу.

— Да, печально… — сочувственно вздохнул Лозин. — Для меня это осталось неизгладимо. Как оттиск в голове на всю жизнь. Традиция или ритуал. называй как хочешь, но вещь правильная, нужная… Кто-то ведь еще из древних сказал: можно не знать многих наук и быть образованным человеком, но нельзя быть образованным, не зная истории, — многозначительно заметил Вадим Петрович.

Полвин хотел что-то ответить, но в этот миг к нему подошел порученец в форме служащего президентского дворца.

— Полвин Николай Андреевич? — осведомился он.

— Да?

— Вас ожидают в северном крыле, — доложил порученец. — Комната 127.

— Вот как? — Полвин заторопился. — Извини, Вадим, мне пора. Надеюсь, что найду тебя, когда разрешится вся эта сумятица. Не уезжай, не повидавшись со мной, ладно?

Лозин кивнул.

Николай Андреевич пожал ему руку.

Комната сто двадцать семь?.. — наморщив лоб, попытался вспомнить он, направляясь к северной лестнице. — Компьютерный зал, что ли?

* * *

Ночь выдалась теплая, мягкая.

Когда по крыльцу прошуршали шаги, Ольга заканчивала ужин, сидя на веранде за столом с матерью. Прислуживал им старый, уже порядком изношенный дройд по имени Степан. В детстве Ольга звала его на свой манер — Степ. Девочка, которая только начала говорить, безбожно коверкала все слова, а андроид — ничего, привык, и если в остальном речь Ольги быстро выправилась вместе с возрастом, то Степ так и остался Степом.

Услышав чьи-то шаги, Ольга обернулась, втайне ожидая увидеть Сергея Воронина, но поздним посетителем оказался не кто иной, как второй сосед Полвиных Кирилл Александрович Лисецкий полный, мрачноватый отставной полковник с лысеющей макушкой и пышными бакенбардами.

— Здравствуй, Мария… — Он склонился к руке хозяйки дома и коснулся губами тыльной стороны ее кисти. — Приветствую вас, Ольга Николаевна, — с поразительной, серьезной торжественностью обратился

он к девушке. Ольга краем глаза заметила, как порозовели щеки матери.

— Уже пора, Кирилл? — не сумев скрыть волнения, спросила она.

Ольга ровным счетом ничего не понимала.

— Что случилось? — Она отодвинула прибор, и Степ тут же выступил из-за плеча, убирая посуду.

— Доченька… — Голос матери дрогнул, и она улыбнулась сквозь навернувшиеся слезы, чем совсем расстроила и озадачила Ольгу. — Отец очень сожалел и переживал, что не он поведет тебя к АХУМу, но обстоятельства оказались выше его желаний. — Она справилась со своими чувствами, и дрожь исчезла из ее голоса. — Он попросил Кирилла Александровича проводить тебя туда. Ты должна пойти с ним и узнать, кто ты, откуда идут твои корни, осознать саму себя… потому что сегодняшняя ночь — канун твоего совершеннолетия. Это вековая традиция, которой придерживаются неуклонно вот уже три с лишним века. Сделай это и помни, твой отец очень сожалеет, что не он поведает тебе все, что ты должна услышать… — Произнеся это, она отвернулась, очевидно желая скрыть все же выступившие на глазах слезы гордости за повзрослевшую дочь.

«О чем ты, мама?!» — хотелось спросить Ольге, но отчего-то она промолчала, подавленная и обескураженная той торжественностью, которая исходила от старших. Казалось, что ею пропитан даже окружавший их воздух…

— Пойдем… — Лисецкий посмотрел на часы. — Скоро полночь. Нужно торопиться.

Ольга посмотрела на мать и увидела, как та кивнула.

Вздохнув и все равно ничего не понимая, она встала.

— А что это за АХУМ? — спросила она, чтобы не молчать и внезапно осознав, что впервые слышит столь странно звучащее слово.

— Это аббревиатура, — коротко и односложно ответил Лисецкий. — Пойдем со мной, и ты все узнаешь.

Ольге оставалось одно — подчиниться.

— Я скоро вернусь, — зачем-то пообещала она матери.

* * *

Старая дорога круто уводила в лес.

Степ, который молча следовал за молодой Полвиной и Лисецким, освещал порядком заросшую травой колею рассеянным светом своих плечевых фар.

Откровенно говоря, Ольге было даже немного жутко — слишком уж

необычными, таинственными казались события этого вечера.

— Куда мы идем, Кирилл Александрович? — наконец, не выдержав, требовательно спросила она.

Лисецкий чуть замедлил шаг, заложив за спину свои жилистые руки.

— Оля, ты знаешь, что люди живут на этой планете всего три с небольшим века? — спросил он после некоторой молчаливой паузы, как будто пытался за этот короткий промежуток времени собраться с мыслями для важного разговора или решал, с чего начать.

— Ну, разумеется, — не задумываясь, ответила Ольга. — Это преподают в школе… — Ее тон был немного обиженным.

Зачем дядя Кирилл задает такие глупые, риторические вопросы, ответ на которые ему известен заранее? Что она — пятилетняя девочка, что ли?

— Да, конечно… — поспешил ответить Лисец-кий, почувствовав ее недоумение, — но в школе, насколько я знаю, лишь вскользь упоминают о том, откуда мы пришли на Кассию.

— С Земли… — немного умерив тон, ответила девушка, все еще не понимая, в какую сторону клонит сосед и давний друг ее семьи, который знал Ольгу с пеленок. Она уважала Лисецкого и готова была выслушать от него любую поучительную историю, как от собственного отца, но ей оставалось только гадать, зачем для этого углубляться в окружающий усадьбу Полвиных лес по старой, заросшей травой и вереском дороге.

— Правильно… — в тон ей ответил Кирилл Александрович. — Школьные программы составлены так, чтобы не формировать у детей превратного мнения о нашей прародине. Земля находится очень далеко отсюда, мы до сих пор точно не знаем, где именно. И как относиться к ней спустя столько времени после бегства оттуда — мы тоже не знаем. Поэтому в школе лишь упоминают об этой потерянной для нас планете, а истину каждый узнает в день своего совершеннолетия, посетив АХУМ, расположенный на территории собственных владений. Сейчас мы как раз идем к нему…

— Что такое АХУМ? — переспросила Ольга, хотя Лисецкий ожидал от нее несколько иного вопроса.

— Автоматическое хранилище унифицированных механизмов, — пояснил Кирилл Александрович. — Сейчас я расскажу тебе о том, как наши предки прибыли на Кассию… — Он расцепил пальцы рук и развел свои ладони далеко в стороны, на ширину могучих плеч. — Представь себе огромный космический корабль, внешне похожий на куриное яйцо. Его поперечник составлял около трех километров, а высота, от донца до макушки, — все пять. Он назывался колониальным транспортом, а внутри,

за оболочками из стали, пластика и керамлита, в специальных отсеках спали, погруженные в низкотемпературный сон, триста тысяч человек… Я понятно объясняю? — Лисецкий остановился и внимательно посмотрел на Ольгу.

— Да… Я все понимаю… пока…

— Ну и хорошо, тем более что мы почти что пришли. — Лисецкий вновь возобновил свое неторопливое шествие по старой дороге. Вокруг в ночной тишине сонно шумел лес, в кустах, у края невидимой отсюда поляны, щебетала пичуга. — Кроме трехсот тысяч колонистов, каждый транспорт нес на своем борту очень много машин, способных видоизменять планеты. Они могли выровнять или, наоборот, изрыть любой ландшафт, повернуть или вновь создать русла рек, уничтожить одну жизнь и насадить на ее место другую. Также внутри каждого колониального транспорта находился набор первичных материалов и механизмов для постройки огромного города-мегаполиса, с замкнутыми циклами жизнеобеспечения, как на борту космического корабля. Когда наши предки вышли на орбиту Кассии, то они увидели внизу три материка… на двух буйствовала жизнь, а третий, отделенный от остальных огромным простором океана, представлял собой каменистую пустыню…

Пока он говорил, старая дорога внезапно изогнулась, и за ее поворотом, в свете плечевых фонарей робота-андроида, который шел вслед за Лисецким и Полвиной, возник крутой, поросший мшистым дерном холм.

Дорога упиралась в его крутой скат и исчезала.

* * *

— Почему наши предки решили заселять пустынный материк? — не удержалась Ольга от закономерного вопроса, в то время как Лисецкий возился с небольшим прибором, который достал из кармана. Внешне тот походил на пульт дистанционного управления от телевизора и очевидно выполнял схожие функции.

— Черт… надо же!.. Похоже, сели батарейки! — Кирилл Александрович с досадой постучал прибором по своей коленке, потом вздохнул и, повернувшись к Ольге, виновато пояснил: — Давно им не пользовался, понимаешь… Делать мне в АХУМе нечего… как сводил в прошлом году туда своих двойняшек, так и не доставал больше. — Он подковырнул ногтем крышечку на задней панели прибора и вытряхнул на ладонь два цилиндрических элемента питания. Помяв их в пальцах, он повернулся к роботу, который застыл чуть поодаль. — Степан, ты можешь зарядить их? — спросил он.

Степ повернул голову. Ольге было отчетливо видно, как перефокусировались диафрагменные зрачки его видеокамер, расположенных на месте глаз.

— Да, сэр, — утвердительно кивнул дройд, протянув к Лисецкому свою металлопластиковую ладонь, на которой со щелчком открылось квадратное гнездо. Ольга не удивилась, потому что знала этот фокус, — в детстве Степ постоянно нянчился с ней, и заряжать элементы питания от игрушек ему приходилось чуть ли не ежедневно.

— Вот и славно… — облегченно вздохнул Кирилл Александрович, вставив батарейки в зарядные гнезда. — Скажешь, когда будет готово. А мы с твоей хозяйкой пока побеседуем тут, на травке. Ты что-то спрашивала, Олюшка? спохватился он.

— Почему наши предки освоили мертвый материк? — повторила свой вопрос Ольга, вслед за Лисецким опускаясь на прохладный мох, который ковром стелился под обступавшими холм со всех сторон соснами.

— Ну, это объяснить нетрудно. Ты ведь знакома со стандартным курсом экзобиологии, верно?

Ольга кивнула.

— Да, но мне не все понятно в нем, — не удержалась она от замечания. Иногда я задумываюсь — зачем в нас запихивают столько знаний о космосе, о принципах навигации, экзобиологии? Какой в этом смысл, если большинство из них останутся невостребованными и наверняка улетучатся из головы через пару лет?

— Мы пришли из космоса, Оля. Это нужно запомнить, крепко запомнить и никогда не забывать, даже если за всю свою жизнь ты ни разу не оторвешься от этой земли. В космосе наши корни…

— Мои корни здесь, на этой земле! — запальчиво возразила ему Ольга.

— Нет, — покачал седой головой Лисецкий. — Посетив АХУМ, ты поймешь, что нас было очень много. Я имею в виду тех, кто покинул когда-то Землю Кто-то выжил, как мы, кто-то погиб, сотни колониальных транспортов раскидало по всей Галактике, но, рано или поздно, мы встретимся снова, заново узнаем и откроем друг друга, и тогда наши дети или внуки вновь возобновят полеты в космос… Он посмотрел куда-то в сумрак, меж стволов деревьев и продолжил:

— Что касается твоего вопроса насчет выбора материка, то отвечу: наши предки не захотели рисковать и воевать с местной биосферой. Зондаж с орбиты показал, что биология этого мира не очень-то совместима с человеческим метаболизмом, и чем тратить свои силы на вражду с

исконными биологическими формами жизни, проще было сызнова воссоздать собственную экосистему на пустом, безжизненном пока месте. Этот материк, по некоторым геологическим причинам, едва закончил свое формирование и, по меркам возраста самой планеты, что называется, «едва остыл», потому жизнь с других материков еще не успела пересечь океан и заразить мертвую пустыню своими спорами. Во многих отношениях такая неосвоенная природная ниша была попросту подарком судьбы, посланным нашим предкам в награду за риск. Колониальный транспорт совершил посадку в самом центре мертвого материка, подальше от океана, и люди, прилетевшие на нем, разделились по национальному признаку, чтобы организовать одиннадцать общин. В таком «очаговом» освоении территории был свой смысл. Какой-то из одиннадцати анклавов обязательно должен был добиться успеха и положить начало новой цивилизации.

— Насколько я понимаю, выжили только две общины? — спросила Ольга, впервые осознанно задумавшись над известным ей уже много лет фактом. Две общины из одиннадцати!.. Значит, остальные попросту погибли, НЕ ВЫЖИЛИ!..

— Да. Русский и немецкий секторы освоения, ты права, — нарушил ее мысли голос Лисецкого. — Остальные по разным причинам не смогли справиться с текущими трудностями. Некоторые попытались жить так, как привыкли на Земле, и их попытки создать урбанистические центры ты можешь наблюдать и по сей день… Дело в том, что имущество и машины колониального транспорта, равно как и его внешняя оболочка, представлявшая собой готовый строительный материал, были поделены между одиннадцатью вновь образованными анклавами освоения. Каждый использовал свою долю ресурсов по-разному. Одни попытались возвести похожие на земные города, с замкнутыми циклами жизнеобеспечения, другие, наоборот, решили углубиться под землю, к дармовым источникам планетарной энергии, и только мы да еще наши соседи по сектору, которые были выходцами из Германии, не возжелали получить все и сейчас, а занялись планомерным и постепенным освоением территории, воссозданием почв, микрофлоры и прочими долговременными проектами, которые могли дать реальную отдачу только в третьем или четвертом поколении… В результате ты видишь, сейчас мы уже смешались в одну цивилизацию, и наши природные зоны уже распространились до границ городов-кладбищ. Пройдет еще немного времени, и мы начнем возрождать тяжелую индустрию, вновь построим автоматические заводы и станем, наверное, подумывать о космических кораблях. Жизнь уже сейчас

постепенно переходит на соседние материки, и думаю, что вскоре мы опять выйдем в космос и направим свои усилия на поиски других колонизированных планет, чтобы узнать, что стало с иными кораблями-невозвращенцами, а по возможности и помочь им, если те оказались менее удачливы в выборе планеты или освоение у них пошло более трудными путями. Вот для чего в школе преподается полный курс экзобиологии, навигации и астрономии.

— Нас тоже могут найти? — спросила Ольга, внутренне сжавшись от значимости заданного вопроса.

— Да, в любой день.

— А почему знания о Земле хранят АХУМы? Почему нужно повзрослеть до совершеннолетия, чтобы получить их?

— А вот это ты сейчас узнаешь… — ответил Лисецкий, заметив, что Степ направляется к ним с заряженными элементами питания для пульта дистанционного управления.

Когда он вставил батарейки на место и внутри холма что-то дрогнуло, тяжко отодвигаясь в сторону, Ольга почувствовала легкий озноб.

Вертикальная, поросшая мхом стена уползала вбок, обнажая тускло освещенные внутренности огромного бункера, предназначенного для хранения невостребованных пока машин, разгруженных с борта колониального транспорта, а главное — компьютеров, которые хранили все накопленные знания цивилизации.

— Дело в том, что наших предков обманули… — произнес Лисецкий, беря Ольгу за руку. — Земля двадцать третьего столетия была лжива и порочна, если такие понятия можно применить к целой планете… Ее общество стояло на грани мировой войны, и те, кто составил экипажи колониальных транспортов, попросту оказались вышвырнуты за пределы Солнечной системы чудовищным обманом, осуществленным под эгидой Всемирного правительства. Пойдем. Сейчас ты сможешь увидеть и оценить это сама.

* * *

Посещение АХУМа потрясло Ольгу Полвину до глубины души.

Как будто горячий ветер дунул на нее из глубин древности, обжег, смел шуршащую оболочку детской наивности…

Больше никто не будет ничего таить от нее, щадя неоформившиеся детские чувства. Она стала взрослой, выросла, и теперь по закону именно она становилась хозяйкой поместья и всех прилегающих к нему земель. Жестокое правило, оставшееся в наследство от первого века освоения

Кассии. Конечно, если смотреть на вещи трезво, то при ее отношениях с родителями это не налагало на нее никакого дополнительного бремени — они искренне любили друг друга, и на Кассии уже давно не пристало кичиться понятиями частной собственности, величиной личных владений и каких-то доходов с них. Так уж сложилось — места хватало в избытке всем, и теперь Ольга понимала почему.

Потому, что выжил лишь каждый десятый из тех, кто прилетел сюда…

По всем законам формирования колоний их общество являлось отличным образчиком Fail Stets. Этот термин был заимствован из политического лексикона далекой Земли. Несостоятельное общество, не способное к долгому, эффективному выживанию. Сократившись в десять раз, генофонд колонии оказался слишком мал для эффективного продолжения рода в течение сотен поколений.

В первый момент Ольге хотелось кинуться к взрослым, потребовать от них объяснений, спросить — почему остальным девяти анклавам было позволено погибнуть в результате их собственных ошибок, почему им не пришли на помощь?!.

Она не сделала этого, потому что ответ, — сколь ни жесток он казался только вступающей в жизнь девушке, — ответ напрашивался сам собой — она понимала, что тогда не уцелел бы НИКТО…

Эта жестокая арифметика выживания людей, выброшенных волею судьбы на чуждую планету, не сразу нашла свое место на полочках ее разума. Предварительно пришлось свыкнуться с другой, еще более обидной и непонятной поначалу правдой — девяносто процентов тех, кто прилетел на колониальном транспорте, являлись отбросами пресловутого земного общества, горлопанами и безработными зеваками с улиц перенаселенных городов-мегаполисов, теми, кто представлял социальную опасность, кто требовал перемен, неважно, в какую сторону они вели.

Ох как тяжело было ей, юной хозяйке прекрасных земель, понимать, что ей просто повезло и у истоков ее генеалогического древа стояли те, кто по-настоящему хотел покинуть Землю и был в принципе способен выжить за ее пределами в условиях глубокого и неизведанного космоса.

Подбор экипажей колониальных транспортов являлся игрой случая. В соседних криогенных капсулах могли находиться тупица и гений, опустившийся до уровня полного непотребства наркоман и приличный человек, по каким-то причинам не нашедший своего места в обществе земной цивилизации.

Была среди улетавших в неведомое и горстка настоящих энтузиастов-исследователей, тех, кому оказалось душно и тесно на Земле

совершенно по иным причинам.

Естественно, что после разгрузки транспорта люди, являвшиеся выходцами из городских трущоб, привыкшие существовать на пособие по безработице, откровенные отморозки, которым стало скучно, искатели приключений, быстро раскаявшиеся в собственном энтузиазме и превратившиеся в злобных нытиков, все эти люди составили из себя неоднородную толпу, мало способную не только к освоению планеты, но и к элементарному выживанию. Такова была горькая правда последствий той политики, которую вело земное правительство, пытаясь выпустить пар из перегретого общества.

Даже благополучно достигнув планеты с кислородсодержащей атмосферой, совершив удачную посадку, люди в силу своей разобщенности и неподготовленности к грядущим испытаниям почти что не имели шансов выжить…

Земля послала своих детей не просто в никуда — в конечном итоге политика Всемирного правительства обрекала их на смерть.

Конечно, Ольга не могла знать, как обстояли дела с другими колониальными транспортами, которых, по данным, почерпнутым из компьютеров АХУМа, были сотни, если не тысячи, но пример развития собственной колонии говорил ей о многом. Если выжили, то единицы. И среди этих единиц большинство представляет собой такие же замкнутые, практически бесперспективные общества с вырождающимися генами…

«Что мне за дело до других народов? — пыталась внутренне успокоить себя Ольга. — Моя жизнь пройдет тут, на планете, которая плохо или хорошо, но состоялась, у меня будет свое маленькое счастье, вон хотя бы с тем же Сережкой Ворониным, дети, семья…»

Она думала так этой ночью, выйдя из АХУМа и заперев его створчатые, поросшие мхом ворота уже собственным пультом дистанционного управления, но в душе почему-то не осталось былого покоя…

Степ, который преданно ждал хозяйку за пределами хранилища, показался ей на секунду чуть ли не отвратительным, как и все застывшие в подземном бункере невостребованные механизмы с колониального транспорта.

Ей казалось, что они провожают ее неживыми зрачками своих видеокамер и молча усмехаются вслед, мысленно повторяя: «Вы, люди, — лишь горстка пыли, брошенная под порыв галактического ветра, скоро вы исчезнете, вырождаясь, и тогда тут останемся только мы — мертвые, холодные, вечные свидетельства ваших несостоявшихся жизней…».

Fail Stets — эти два слова забытого языка далекой Земли жгли ее, будто они действительно имели какую-то непосредственную власть над ее личной, частной судьбой…

Обуреваемая такими противоречивыми эмоциями и мыслями, Ольга вернулась к дому, где по-прежнему уютным желтым светом горели два окна в гостиной, поднялась на крыльцо, заглянула через приоткрытую дверь в дом.

Лисецкий сидел напротив матери за круглым столом, пил чай и что-то рассказывал ей. Мать кивала, то и дело косясь на окно, за которым плавала ночная мгла.

Она переживала за нее, оставшуюся в АХУМе наедине с компьютерами и правдой.

Ольге вдруг подумалось, а из-за чего именно переживает мама, нервно теребя край свисающей со стола скатерти, — из-за того, что она узнает некую абстрактную правду, практически не имеющую прямого отношения к обыденным, сиюминутным проблемам, или из-за того, КАК дочь воспримет ее, — ужаснется, огорчится, растеряется или же пренебрежительно фыркнет, пожав плечами, мне-то что за дело, — все либо в прошлом, либо в будущем, а живу я здесь и сейчас…

В эту самую секунду Ольга, наверное, и поняла настоящий смысл происходящего в момент совершеннолетия таинства. — Это была не констатация правды, не сброс определенной информации, — то был тест на историческое равнодушие нового члена их общества, проверка на способность сопереживать…

— Степ, выгони из гаража машину… — негромко попросила она застывшего у крыльца дройда, на секунду устыдившись промелькнувшего там, у АХУМа, чувства неприязни к преданному и по-своему мыслящему андроиду.

Перешагнув порог дома, она увидела, как вздрогнула от звука ее шагов мать, как резко обернулся Кирилл Александрович…

Она понимала, что должна что-то сказать им, ответить на немой вопрос, читавшийся в их глазах, но, встретившись взглядом с матерью, вдруг подумала, что это, наверное, лишнее.

Они поняли все по ее виду.

— Я… Я проедусь со Степом… — тихо произнесла она в напряженной тишине. — Извини, мам, мне сейчас нужно побыть одной… Поговорим потом, ладно?

Не дожидаясь ответа, Ольга развернулась, легко сбежала с крыльца, освещенного светом фар выезжающей из гаража машины.

В гостиной за круглым семейным столом сидели два взрослых человека, и каждый думал сейчас приблизительно об одном и том же.

— Жаль, что Николай в городе, — наконец произнес Лисецкий, когда рокот мотора исчез вдали, за глухой стеной окружающих усадьбу деревьев. — Помнишь, Машенька, ту ночь, когда я и Николай сходили в АХУМ?

Она кивнула, улыбнувшись далеким воспоминаниям.

— Помню… Двое сумасшедших. Перебудили весь дом, требуя коды доступа к основному модулю колониального транспорта… Как, не раздумал лететь на поиски других цивилизаций? — не удержавшись, подтрунила она.

— Да куда теперь-то? — Лисецкий похлопал себя по обозначившейся с годами выпуклости живота. — Поздновато… Пусть молодые дерзают.

— А знаешь, Кирилл… я иногда думаю, а может, надо было? Может, мы, поколение за поколением, так и упускаем свой шанс?

— Не знаю, Машенька, честное слово. По мне, так и тут забот хватает, и с агророботами, и с освоением второго материка. А может быть, ты права, надо было тогда, пока голова оставалась горячей, добиться своего и рвануть к звездам… Кто знает, как бы сложилось дальше? Но я сегодня говорил Оле: не мы их, так они нас. Когда-нибудь это обязательно случится. Найдемся мы сами или нас найдут — какая в принципе разница?

Если бы они знали, как близко то, о чем они так непринужденно абстрактно рассуждали, сидя за столом в уютном доме.

ЭТО уже находилось в зоне высоких орбит планеты и падало, падало по пологой дуге, рушась в атмосферу в виде покалеченного подбитого орбитального штурмовика «Валькирия», только что вышедшего из смертельного слепого рывка из системы Дабога.

Он падал, чтобы разбиться и разбить вдребезги сонный покой цивилизации Кассии.

Глава 7

Кассия. Президентский дворец.

Сто двадцать седьмая комната действительно оказалась похожа на компьютерный центр. Полвин, входя, вынужден был предъявить пропуск, и это обстоятельство насторожило Николая Андреевича. За последние двадцать лет маленький пластиковый прямоугольник исправно служил ему лишь в качестве брелока для ключей.

В помещении, куда он попал, царил таинственный полумрак, в котором интригующе светилось несколько древних мониторов, подле которых, за спинами операторов, толпилось с десяток человек. Первым, кто обернулся на звук, был сам президент Кассии Ханс Шнитке.

— Николай Андреевич!.. Наконец-то!.. Полвин пожал его сухую руку.

— Что случилось? — вполголоса осведомился он.

— Два часа назад сработал навигационный маяк, который наши предки оставили на орбите вместе со спутниками связи, — так же вполголоса ответил Шнитке. — Его сканирующие системы уловили возмущение гиперпространства!.. не скрывая предательской дрожи в голосе, добавил он, растерянно посмотрев на Полвина.

Новость буквально ошеломила Николая Андреевича.

Его смятение было вполне закономерным — за столько лет сама идея космических полетов превратилась на Кассии в некую легенду, которой тешат себя молодые выпускники кадетского корпуса. Узкому кругу посвященных, в число которых входил и сам Пол вин, было известно место стоянки основного модуля колониального транспорта «Кассиопея», но никто не задумывался всерьез о том, чтобы вновь поднять его в космос. Предыдущим поколениям кассианцев было не до него, а за последние сто лет, когда жизнь в колонии наконец наладилась и общество перестало работать на физическое выживание, интересы немногочисленных семей так сильно укоренились в повседневном, размеренном быту, что вопрос о космических перелетах если и обсуждался, то лишь в плане теории…

И вот кто-то сам явился к ним, вынырнув из зловещих пучин гиперсферы, которая три с лишним столетия назад вышвырнула их далеких предков на орбиты Кассии…

— Это космический корабль? Большой? — Полвин сам удивился тому трепету, который прозвучал в его голосе.

— Выясняем, Николай Андреевич. Он еще далеко, но приближается

достаточно быстро. Средств визуального обнаружения на орбитах нет, но специалисты говорят, что смогут определить его размеры и контур по отражению радиоволн. Давай располагайся, как только соберутся все вызванные, нужно будет принимать какое-то решение…

* * *

Он падал…

Штурмовик более не слушал рулей. Снаряды, что пробили обшивку в районе двигателей, взорвались внутри ходовых секций, и теперь на дисплеях вспыхивали и гасли угрожающие коды повреждений.

Игорь чувствовал, насколько он устал.

Корабль, который рушился в атмосферу безвестной ему планеты, содрогался от взрывов, а ему казалось, что конвульсии автоматики на самом деле происходят не за переборками, в глуби покореженных двигательных секций, а внутри его нервной системы.

Слишком долго он просидел в этом кресле, пронзенный миллионами едва ощутимых иголочек, которые впивались в кожу, жадно выискивая нервные окончания живого тела, сливались с ними, соединяя его и корабль в единый, противоестественный, но необычайно эффективный кибернетический организм.

Слишком далеко ты зашел по кривой своей ненависти, пилот… подумалось ему, когда первые языки жадного пламени облизнули изгрызенную снарядами обшивку.

Стратосфера встретила корабль, мягко обволокла его разгорающимся в небе погребальным костром падучей звезды, а он сидел, уронив голову, в последний раз сливаясь с машиной в безумном ожидании смерти, и жизнь, на самом деле протекавшая вне жизни, в эти мгновенья пролетала перед мысленным взором, сводящим с ума калейдоскопом стоп-кадров… Память пилота сливалась с памятью бортовых компьютеров, которые тоже, оказывается, хранили воспоминания о том, как выживали и обосновывались они втроем, — человек, орбитальный штурмовик и шагающий робот — три реликта, призванных на войну…

Игорь чувствовал, понимал — ему уже не вытянуть, как бывало сотни, тысячи раз до этого.

И дело заключалось даже не в поврежденных, бездействующих системах корабля, а скорее именно в нем…

Он устал. Сгорел от своей ненависти, создав то, что, по его мнению, не имело права существовать…

Он умирал, а жадный до информации бортовой компьютер пил его

память сотнями дьявольских коктейльных трубочек…

Зачем он вырвался из-под удара «Фантомов»? Почему не принял смерть там, на орбитах погибающего Дабога, а ушел в гиперсферу, чтобы вынырнуть неизвестно где и сгореть в чужой атмосфере совершенно незнакомого, безвестного для него планетоида?..

Этого Игорь не мог объяснить… Наверное, не выдержал дикого напора атаки, машинально отпрянул от смерти, отсрочив ее на несколько часов… Впрочем, ему вдруг стало все равно. Он уже едва воспринимал реальность…

В голове, на фоне жутких обрывочных воспоминаний, билась одна успокаивающая разум мысль:

Все, пилот, на этот раз действительно все… Ты заслужил право на смерть. Она избавит тебя от кошмара…

Если бы Игорь потерял сознание на минуту позже, то, наверное, был бы сильно удивлен и разочарован, — стоило его пальцам соскользнуть с пористой поверхности рулей, как автопилот штурмовика, до этого бессильно сигналивший о повреждении, тут же перехватил управление… Корабль и робот… «Валькирия» и «Беркут»… Две составляющие его трехгранного «я»… Они не хотели его отпускать, но Игорь уже не мог воспринять это должным образом он был без сознания и, теряя его, свято верил — кошмар закончился…

* * *

Ольга вела машину по скоростному шоссе, которое соединяло их усадьбу с основной магистралью планеты, которая перечеркивала покрытый зеленью материк от моря до моря.

Столица Кассии, город Александрийск, стояла точно по середине этого пути. Все дороги, будто нити паутины, тянулись к нему, соединяя этот общественный и административный центр с тремя сотнями наследственных латифундий, которыми управляли семьи. Сегодняшнее население Кассии насчитывало едва ли десять тысяч человек, и его прирост шел очень медленными темпами.

Роботов у нас, пожалуй, больше, чем людей… — подумала Ольга, одной рукой держась за руль, а другую, согнутую в локте, положив на срез опущенного окна, в которое теплыми волнами бил обтекающий машину ветер.

Она уже не пыталась анализировать ход истории. Ольге внезапно стало смешно, когда она решила вообразить себе общество, которое постоянно подпитывалось вот такими умненькими мальчиками и

девочками, пребывающими в состоянии непреходящего шока от посещения АХУМов… Нет. Ее мать и отец никак не походили на людей, воодушевленных некими высокими идеями. Они были самой обыкновенной, счастливой, озабоченной сиюминутными печалями и радостями семьей, хозяевами на своей земле, добрыми родителями. Видимо, все очень скоро забывается, уходит на круги своя… — решила про себя Ольга, чувствуя, что лицо уже больше не горит от возбуждения. Посещение АХУМа встряхнуло ее нервы, заставило взглянуть на жизнь по-другому, но в принципе основные ценности остались на своих местах…

Задумавшись, она уже отъехала километра три-четыре в сторону от усадьбы. Степ, притаившийся на заднем сиденье, молчал, только в зеркале заднего вида можно было заметить, как поблескивают в сумраке салона его глаза-объективы.

Лес кончился. Справа от дороги вытянулась цепочка поросших редколесьем пологих холмов, слева тянулись поля, на которых в лунном свете нет-нет да и отблескивали муравьиные туловища копошащихся там агротехнических механизмов…

Кассия казалась сонным Эдемом.

Из задумчивости Ольгу вывел звук сервомоторов. Это Степ по какой-то причине завозился на заднем сиденье машины.

— Что случилось, Степан? — спросила она, не поворачивая головы, только скосила глаза на расположенное в кабине зеркало.

Дройд вел себя не совсем прилично. Опустив стекло, он вдруг подался навстречу бьющему в салон ветру, будто собрался выпрыгнуть через окно идущей на полной скорости машины…

— Эй, милый, ты куда? — Ольга машинально притормозила, но не так резко, чтобы высунувшегося по пояс андроида ударило о борт.

— Мэм, мои сканеры фиксируют движение! — сообщил он, возвращая свою голову и плечи в салон.

— Где?! — Она окончательно скинула скорость, пытаясь найти свет встречных фар на другой полосе дороги.

Вокруг, насколько хватало глаз, расплескался прохладный сумрак летней ночи, в котором не угадывалось ни единого движения, разве что ветер лениво шевелил макушки сосен, растущих по склонам холмов, да на полях копошились не ведающие устали примитивные механизмы.

— Движение в стратосфере. Высота около десяти километров. Сигнал очень слабый, неровный… — Андроид, затаившийся в сумраке салона на заднем сиденье машины, казался в этот момент сумасшедшим шаманом, камлающим для своей хозяйки.

— Степ, милый, да что с тобой?! — Ольга остановила наконец машину и обернулась. — Ты чего? Какая стратосфера? Ты, наверное, засек метеорологический спутник, да? — В ее голосе промелькнули нотки сострадания, — насколько она знала, Степ был стар, как этот мир, — однажды, еще маленькой девочкой, Ольга сумела найти на коленном сочленении человекоподобного робота полустертое клеймо и дату — 2257 год. За триста с лишним лет Степ умудрился побывать в двух серьезных авариях, и сейчас первая мысль юной хозяйки была о сбое в его электронных внутренностях.

Однако она никогда не видела, чтобы Степан проявлял столько настойчивости и беспокойства. Роботы, они как люди — со временем к ним приходит индивидуальность, неважно, наделены они программами псевдоинтеллекта, как Степ, например, или же совершенно бездушны, как старенький «Волмар», дверца которого только что хлопнула, выпустив андроида. Для Ольги и машина и дройд имели одинаковую моральную ценность — они являлись частицами ее детства, и юная хозяйка относилась к ним, как к двум живым существам. Возможно, здесь сказывался тот недостаток общения со сверстниками, который испытывала девочка в первые годы своей жизни, еще до переезда в столицу и поступления в университет.

— Степ, подожди!.. Ну что ты на самом деле, как маленький!..

Ольга вылезла из машины и начала обходить «Волмар». Дройд стоял на обочине дороги, задрав голову к небу, и бормотал, как выживший из ума старик:

— Девять восемьсот… Девять двести… Восемь тысяч… Ольга Николаевна, он падает, — не меняя позы, сообщил Дройд. — Угол вхождения в атмосферу неправильный…

Она встала рядом с роботом, положив руки на его покатые, холодные плечи.

— Степ, погоди, я сейчас посмотрю, может, у тебя что-то с питанием? Она хотела подковырнуть защитный кожух на его плече, под которым располагался блок самотестирования, но не успела — андроид внезапно вскинул руку в чисто человеческом жесте и воскликнул:

— Вот он, смотрите!

Ольга невольно последовала тому призыву, что прозвучал в его синтезированном голосе.

Все происходящее начинало походить на бред…

В черных, расстрелянных искрами звезд ночных небесах Кассии вспыхнула новая яркая звездочка!..

Затаив дыхание, Ольга следила за ней. Звездочка падала и одновременно укрупнялась, росла на глазах, превращаясь в маленький пылающий болид, за которым тянулся ясно различимый хвост раскаленного вещества…

Несколько секунд это выглядело вполне безобидно, даже забавно, пока робот не дернулся, поворачиваясь к Ольге.

— Вероятная точка падения рассчитана! — внятно произнес он, хватая Ольгу за плечи и помимо воли увлекая ее к машине. — Мы в эпицентре, Ольга Николаевна, нужно бежать!

Верный дройд все рассчитал правильно. Однако времени на бегство у них не оставалось. Чтобы осознать этот факт, Ольге оказалось достаточно вывернуться из его стальных рук и взглянуть на небо…

Огненный ураган, освещая полнебосвода, падал прямо на них. Стена огня разорвала одинокую кучку клубящихся в ясном небе облаков, и огненный шар, перед которым уплотнялся и вспыхивал воздух, с роковой целеустремленностью ринулся к земле.

— Ложись! — дрожа от подсознательного предвидения катастрофы, закричала она, дернувшись не к машине, а к скату обочины, за которым виднелся край заросшей кустарником придорожной канавы.

Дройд беспрекословно ринулся следом, обогнал хозяйку, первым вломился в кусты, проделав в зарослях широкую тропу, и плюхнулся на влажное, переплетенное корнями и остро пахнущее прелой листвой дно канавы.

— Сюда, скорее! — блеснув линзами видеокамер, взмолился он, видя, что Ольга все еще не осознала степень грозящей им опасности и идет через кусты очень аккуратно, стараясь не цеплять новым платьем за корявые, колючие ветки.

— Да иду я, иду!

Свет над головой становился все ярче, — казалось, ночь решила превратиться в день.

Взглянув на небо, Ольга онемела от неожиданности: мгновенно позабыв о платье, она рванулась вперед, приземлившись в грязь рядом с дройдом, но несмотря на испуг она не утратила способности воспринимать реальность, только сильно побледнела, когда от кустов на противоположный скат канавы вдруг легли глубокие, черные тени… затем ударил адский грохот звуковой волны, — это был ошеломляющий удар, от которого звонко лопнули, разлетаясь серебристым крошевом, все стекла стоящей на полотне дороги машины. Кусты заволновались, потому что по полям, по дороге, по скатам пологих холмов вдруг хлестнул горячий,

ураганный ветер…

Вой и грохот нарастали, они рушились с небес, и казалось, что какофония звуков, рев сдвинутых воздушных масс, вой ветра, визг покрышек машины, которую сняло с ручного тормоза и поволокло по дороге его ураганным порывом, грохот чего-то необъяснимого, падающего именно на тебя, — все эти звуки, ощущения слились в одно подавляющее чувство страха, инстинктивного ужаса…

Ольга не знала, что нечто подобное испытывает необстрелянный боец, когда над его окопом, изматывая нервы, начинают свистеть первые мины. Каждый раз кажется, что все, конец, эта предназначена именно для тебя, и нет ни надежного укрытия от выворачивающего нервы звука, ни спасения от неизбежности…

В такие секунды психика неподготовленного человека ломается в один миг…

С небес действительно падал космический корабль, и падал он прямо на нее!..

…Обезумев от ужаса, растерявшись, утратив всяческий контроль над своим рассудком, Ольга в аффекте рванулась вверх, карабкаясь по влажному скату придорожной канавы. Она не соображала, что делает, и если бы не Степ, в последний момент ухвативший ее за лодыжку, то юная хозяйка раскинувшихся вокруг земель, наверное, бы погибла, а так, удерживаемая роботом от рокового шага, она осталась под защитой импровизированного укрытия, которым послужила обыкновенная придорожная канава…

Ее взгляд безумно метнулся по окрестностям. Ольга увидела, как под напором горячего ураганного ветра несколько одиноко стоящих сосен на ближайшем склоне холма вдруг сломались, роняя к земле свои макушки, а потом вспыхнули, словно воткнутые в землю спички…

Крик застрял в ее пересохшем горле, когда тени кустов внезапно рванулись из-за ее спины, страшно удлинились, ложась черно-серой камуфляжной сетью на траву склона, и Ольга увидела, как сбоку приближается нечто, потерявшее стремительность и огненную ауру падучей звезды, — это был вытянутый, обтекаемый космический корабль длиной не меньше ста метров; его раскаленная докрасна обшивка роняла крупные хлопья окалины, которые, падая на землю, поджигали траву… при этом сам корабль уже не падал, — из-под его днища били ослепительные струи раскаленных газов, — он тормозил, пытаясь маневрировать, но по всему было видно, что делал это слишком поздно, пологий склон холма, поросший редкими соснами, угодливо стлался под убийственный курс

небесного пришельца. Столкновение казалось неизбежным, сколько бы тот ни изрыгал огненных струй, — неведомому пилоту уже было не по силам задрать нос машины настолько, чтобы корабль смог перескочить холм, и он врезался в самый гребень возвышенности…

Удар страшной судорогой прокатился по земле.

Ольгу подкинуло вверх, оставив в стиснутых пальцах пучки вырванной с корнем травы, в которую она бессознательно пыталась вцепиться; ее внутренности сжались в тошнотворном спазме, — казалось, сейчас горячий вал ударной волны поднимет ее еще выше и понесет, швыряя об землю, но рука андроида по-прежнему цепко держала ее — Степ ухватил хозяйку за вторую ногу, не дав ветру унести кувыркающееся тело, — Ольгу только встряхнуло, приподняв над землей, а затем бросило назад, в канаву, с такой силой, что лязгнули зубы, а из прокушенной губы горячим соленым ручейком хлынула кровь…

— Мамочка… — едва слышно прошептала она, изо всех сил инстинктивно сопротивляясь Степу и не смея оторвать глаз от упавшего корабля.

В сознании Ольги все происходило медленно, будто во сне.

Она видела, как в момент касания корабля со склоном тонны земли взметнулись вверх и в стороны, словно два изгибающихся грязно-коричневых крыла невиданной птицы; по гребню возвышенности, выворачивая с корнем деревья, пробежала волна, будто земля, разжижившись, перекатилась через вершину холма, разрезанную ударом на две неравные части.

От соприкосновения с землей корабль развернуло боком, его раскаленная обшивка в нескольких местах лопнула, выпуская наружу языки пламени и клубы пара, в какой-то момент этого страшного, замедленного в сознании Ольги движения ей показалось, что вот сейчас его разорвет на куски, но нет… он устоял, а внутри возвышенности оказалась не только земля, — там было что-то более твердое, — скорее всего в глуби отложений оказался спрятан выступ древних скальных пород, и он затормозил движение смещающихся под напором пришельца масс земли, заставил почву еще раз встать на дыбы, взметнувшись в небо нереальными фонтанами…

Корабль тяжело содрогнулся, словно он был зверем, который поудобнее устраивается на лежку в вырытой норе, выбросил еще один столб огня, от которого занялись переломанные и сметенные в безобразную кучу сосны, и наконец затих, окончательно застряв в конце разрубившей гребень холма борозды…

Тишина, в которой слышались шлепки падающих комьев земли да треск пламени от набирающего силу пожара, казалась оглушительной — она навалилась со всех сторон, ударив по нервам не хуже той воздушной волны, которая вышибла стекла в ее «Волмаре», и Ольга вдруг осознала, ЧТО ИМЕННО ей пришлось пережить минуту назад…

Степ наконец отпустил ее ногу.

В шоке, едва соображая, что делает, она на четвереньках преодолела склон канавы, потом встала, глядя вокруг, и вдруг ее подбородок дрогнул…

В голове стоял иссушающий звон. Мысли путались, разбегаясь в разные стороны, а она ошалело озиралась, машинально пытаясь отряхнуть разорванное и перепачканное землей платье…

Сзади послышался шорох, сопровождаемый нервным присвистом сервомоторов дройда. Степ встал рядом, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, а потом вдруг глубокомысленно изрек:

— Он упал, мэм.

И тут Ольгу наконец прорвало.

Идиотская констатация факта, вполне уместная для машины, подействовала на ее нервы, как спусковой крючок для той пружины, которая все сжималась и сжималась внутри…

— Я вижу, что он упал!.. — вдруг крикнула она и бегом бросилась к месту крушения, где уже вовсю полыхали поваленные и переломанные деревья.

В конце концов ее безумство остановил дикий, исходящий от обшивки упавшего корабля жар.

Ольга встала, чувствуя, как горячие волны воздуха окатывают ее, заставляя изорванное платье мгновенно пропитаться потом и прилипнуть к телу.

Туда невозможно было подступиться, там горела, истекая струйками дыма, сама земля…

Медленно, шаг за шагом отступая назад, Ольга сумела немного восстановить власть над собой, успокоиться, опомниться… Ее сердце бешено колотилось в груди.

Внутри космического корабля могли находиться люди, а она топчется здесь и ничем не может им помочь. Откуда явился этот посланец неба, кто был на его борту, почему он упал, а не приземлился, с добром ли или со злом приближался он к орбитам Кассии, — об этом Ольга сейчас не думала. Она отходила за незримую границу, которую очертил нестерпимый жар, холодея от мысли, что вот оно, пришло ее единственное в жизни испытание, а она как дура не знает, что делать, мечется у развороченного

подножия холма…

Потом, словно опомнившись от наваждения, она развернулась и бегом кинулась к своей машине, которая стояла у противоположной обочины.

Пассажирскую дверцу Волмара заклинило, все стекла машины были выбиты. Остерегаясь пораниться, она протянула руку в проем выбитого окна, открыла «бардачок» и вытащила оттуда трубку мобильного телефона.

Дрожащими пальцами Ольга набрала номер.

Дома никто не отвечал. Несколько долгих секунд она слушала длинные гудки, недоумевая, куда могла подеваться мать, и холодея от разных предчувствий и догадок, потом это стало невыносимым, и она, прервав связь, набрала другой номер.

На этот раз ответили сразу, буквально после первого гудка.

— Да! Я слушаю! Кто это?! — Голос отца, который сейчас находился в столице, за несколько сот километров отсюда, был встревожен.

— Папочка! — Ольга едва не задохнулась от облегчения. — Папочка, милый, я…

— Оля, успокойся! — В голосе отца тоже прозвучало облегчение. — Ты видела его?

Очевидно, в столице уже знали про падение космического корабля.

— Папа, он упал мне почти на голову! — От звуков родного голоса Ольгу наконец проняло, в носу защипало. — Мы со Степом спрятались в канаве! всхлипывая, сбивчиво объясняла она. — Он врезался в холм, около соевых полей! Там такой жар, что не подойти близко!.. Пап, что мне делать, ни мама, ни Лисецкий не отвечают!..

— Слушай внимательно. — Голос отца был серьезным. — Пусть Степ заведет машину, он сможет это сделать, и уезжайте оттуда. Немедленно!

— Почему? — не поняла Ольга. — Там же люди… Им нужно…

— Помощь уже отправлена! — перебил ее отец. — Я сейчас передам им точные координаты. Мать у Кирилла Александровича, я велел им уезжать, как только спутник засек приближающийся корабль! Сейчас они с ума сходят, в основном из-за тебя. Перезвони Лисецкому из машины, но прежде — убирайся оттуда, как можно быстрее!

— Пап, но почему? Я была в АХУМе… Мы ведь столько веков ждали появления людей!..

— Да, но мы не знаем, что за люди прилетели на этом судне! — опять оборвал ее отец. — Не хочу тебя пугать, Олюшка, но по всем данным — это военный корабль! Понимаешь?! ВОЕННЫЙ1 Так что беги оттуда. С ним разберутся те, кто подготовлен для таких встреч. Все, милая, не теряй времени!

— Хорошо, папа, я поняла!.. — обернувшись, Ольга увидела, что Степ уже залез на водительское место и возится с покореженной приборной панелью. На макушке андроида моргал зеленый светодиод, что означало — он слушал их разговор и воспринял приказание старшего Полвина вполне однозначно.

Спустя секунду мотор взвизгнул стартером, немного почихал и завелся.

Ольга сложила панель номеронабирателя.

Обернувшись, она посмотрела на место катастрофы, но там бушевал такой пожар, что, казалось, весь холм превратился в единый костер.

Ночь снова превратилась в ночь, только теперь в свете пожара она обрела несвойственную этим местам жуткую, зловещую таинственность.

С юга, со стороны столицы, нарастал, приближаясь, деловитый стрекот моторов нескольких геликоптеров.

— Поехали, Степ… — Ольга залезла на заднее сиденье и снова достала трубку спутниковой связи Набирая номер Лисецких, она представила, что сейчас творится на душе у мамы, и ей стало стыдно за упрямство в разговоре с отцом.

Вертолеты уже пролетели над головой и садились на шоссе, неподалеку от охваченного огнем пожара холма.

«Завтра… — пообещала себе Ольга. — Завтра я обязательно вернусь сюда».

Глава 8

Планета Кассия. Центральный клинический госпиталь города Александрийска. Через сутки после крушения.

Маленькая девочка, лет пяти, в нежно-розовом платье, похожая на ангела, внезапно воплотившегося в реальность, сидела вполоборота к той койке, на которой лежал Игорь.

Сознание еще не вполне вернулось к нему, и, наверное, поэтому образ девочки приобретал в нем расплывчатые черты чего-то нереального, эфемерного… На лице маленького ангела лежала печать беззаботности и счастья. Девочка не смотрела на Игоря — она сидела на высоком для ее роста стуле, вполоборота к панорамному тонированному окну, болтая в воздухе ногами и тихо разговаривая с куклой, которую держала в руках:

— Дина, как тут жарко… Ну, ничего… — вздохнула она. — Мама сейчас придет и заберет нас отсюда. Она ведь сказала, что ушла ненадолго, правда?..

Кукла не отвечала. Сознание Игоря то прояснялось, то теряло ощущение реальности. Он, казалось, плавал где-то между землей и небом, — не то падая в затянувшемся до бесконечности штопоре своего корабля, не то по случайности оказавшись в позабытом, давно похороненном и вычеркнутом из памяти мире своих детских грез.

Девочка улыбнулась, чуть изменив наклон головы, опять тяжело вздохнула, наверное, подражая кому-то из взрослых, и сказала, обращаясь к кукле:

— Послушай, Дина, ты не должна все время молчать. Вот скоро наступит зима, пойдет снег, и мы с тобой опять будем бегать по сугробам. Ты любишь снег, Дина? — строго осведомилась маленькая хозяйка.

Кукла не отвечала.

Сознание Игоря опять потеряло резкость.

Слова девочки и сам ее образ, — такой болезненный, щемящий, недосягаемый для его сегодняшнего состояния, — походили на горячий осколок прошлого, рикошетом угодивший в самое сердце…

Любил ли он снег?..

Воспоминания выползали из-под савана забвения, прорастали сквозь мглу беспамятства, но это было вовсе не то, о чем спрашивал юный ангел во плоти у своей молчаливой куклы…

…Хмурые облака роняли редкий снег.

Если запрокинуть голову и смотреть исключительно на небо, то на минуту можно забыться и вспомнить первый ласковый несмелый снежок наступающей зимы.

Будучи маленьким, Игорек Рокотов всегда с восторгом приветствовал наступление этого времени года. Осень казалась ему скучной, унылой, особенно в ее последний месяц, когда деревья уже уронили листву, а снега все нет, и земля вокруг лежит комьями замерзающей по утрам грязи…

По первому снегу было так здорово бежать, ощущая, впитывая его белизну, радуясь резкому, свежему запаху зимы…

…У горизонта что-то несколько раз вспыхнуло, подсветив яркими зарницами кучевые облака нездорового, пепельно-серого цвета.

Игорь опустил глаза.

Холод не пробирался сквозь скафандр. Неправдоподобно большие серые снежинки, кружа, падали с небес, ложились на забрало его гермошлема, таяли, впитывая тепло человеческого дыхания, стекали мутными капельками, срываясь с нижнего обода шлема в пушистый серый ковер под ногами.

В полукилометре от позиции Игоря из-за корявых, черных стволов напрочь выгоревшего, поваленного в одном направлении леса, в небо взметнулись два клинка ослепительного пламени. Ракеты, выпущенные с подземной позиции, круто пошли вверх, к свинцовым облакам, оставляя после себя четкий инверсионный след.

Начинается… Начинается…

Там, за облаками, на недосягаемой для невооруженного глаза высоте, к планете приближалось сонмище космических кораблей.

Справа и слева вновь заполыхали вспышки, — зло, часто, — ракеты вырывались из теснин пусковых шахт, освещая пламенем реактивных двигателей унылый, мертвый пейзаж Дабога сегодняшнего.

Трудно казалось даже вообразить, что восемь месяцев назад здесь протекала мирная спокойная жизнь, росла трава, зеленели деревья, резвились дети… В свете стартующих ракет ближайший город выглядел уродливым нагромождением закопченных разбитых коробок. Снег наступившей шесть месяцев назад ядерной зимы, щедро смешанный с пеплом, укрыл все дороги, сгладил чудовищные раны изуродованной земли, покрыл Дабог, словно саван забвения…

— Нет… — неслышно шептали его губы за толстым стеклом лицевой пластины. — Нет… Нет!!!

Иногда у Игоря начинала резко кружиться голова.

Перед боем он не чувствовал возбуждения — только пустоту. Он не

пытался что-то понять и осмыслить. С того момента, как восемь месяцев назад его, с ожогами, полуживого, внесли на станцию подземки, временно превращенную в бомбоубежище, он не воспринимал окружающий мир.

Нет, чувства, конечно, остались, но они изменились, стали иными.

Пустота, оставшаяся после гибели тысяч знакомых и незнакомых ему людей, не заполнялась ничем. Это был свой, особый, непреходящий вид боли, над которым, кажется, не властно время…

Игорь, задрав голову, смотрел вверх, на головокружительный полет мертвых снежинок, и ему казалось, что он тонет в этом последнем, мертвом снегопаде…

Рядом с ним, превратившись в громадный сугроб, поджав согнутые в коленях ступоходы, застыл массивный аграрный робот.

По сути, это было все, что осталось от его семьи и прежней жизни.

Мертвые снежинки, медленно кружа, падали на гигантское шарнирное сочленение механических ног и не таяли, отлагаясь на холодной броне серыми кучками праха…

…Мысли Игоря нарушил треск коммуникатора.

— Рокотов, они идут! — прорвался сквозь помехи несущей частоты голос далекого координатора. — Точка высадки изменилась, мы сбили четыре из шестнадцати модулей, тяжелые корабли пока опасаются подходить…

Это было плохое известие, скверное…

— Что я должен делать? — переспросил Игорь, заставив свой разум очнуться от горького наваждения медленно падающего снега.

— Грузи свой «Беркут» в корабль. У тебя есть еще минут двадцать, чтобы проскользнуть через зону высоких орбит. Сейчас передам координаты новой точки. Игорь, только не рискуй, прошу… Ты нужен нам, слышишь?.. Если ты не прибудешь, то остановить их будет просто некому!..

Видение ускользало, истончалось, таяло…

…Когда он открыл глаза, девочки уже не было.

Игорь пришел в себя не так, как обычно. В этот раз он не ощущал свой разум подвешенным посреди бездны. Перед его глазами не плавал туман, и тело не казалось столь безвольным, как раньше.

Помещение, в котором он находился, похоже, осталось тем же самым, лишь за светло-коричневатой плоскостью тонированного окна висели сумеречные краски ночи.

Значит, это не посмертный бред… Он выжил?

Мысль принесла с собой двоякое чувство. С одной стороны, на

мгновенье сердце кольнула радость, ведь, падая в пучину атмосферы безымянной для него планеты, Игорь уже окончательно распрощался с жизнью. Он не мог управлять кораблем — его сознание, истерзанное болью от контузий и ран, померкло задолго до удара об землю, а автоматика штурмовика после схватки с четырьмя «Фантомами» противника не годилась даже для элементарных операций: автопилот «завис» после прямого попадания в рубку, приборные панели искрили, плюясь дымом, потом отказала система аварийной герметизации, и на мостике штурмовика воцарился вакуум…

Игорь давно уже не верил в чудеса. Сейчас, задумываясь о том, кто на самом деле посадил корабль, он начал догадываться, и тем страшнее, болезненнее становилась неопределенность…

Где я? Что это за мир? Что с кораблем, с «Беркутом»?..

Игорь не был склонен строить иллюзий, но мысль о том, что он мог попасть в плен, вызвала в груди тоскливый, ноющий холод.

Скосив глаза, он посмотрел на белоснежную простыню, которой был укрыт. От изголовья к нему тянулось с десяток трубочек и электрических проводов. Все они исчезали под простынею, и скорее всего оканчивались воткнутыми в его тело иглами или электродами.

Вокруг царила мертвенная тишина, нарушаемая -лишь монотонным попискиванием каких-то приборов.

Он осторожно шевельнулся, потом медленно, сантиметр за сантиметром, вытащил из-под простыни правую руку.

Наручников на запястье не оказалось, рука двигалась свободно, хоть и была слаба.

Трудно поверить, чтобы слепой рывок через гиперсферу привел его к обитаемому миру… Хотя почему трудно? — спросил сам себя Игорь. — Разве не так они попали к нам? Каждая линия аномалии космоса куда-то ведет…

И все же отсутствие наручников его не убедило. Если он все же попал в плен, то израненного, бессознательного пилота вполне могли и не приковывать к реанимационному одру…

Мучительная волна неизвестности все сильнее, отчаяннее захлестывала его очнувшийся разум, как вал цунами, вторгающийся в бухту…

Игорь боялся не за себя. Страх физической боли давно потух в нем, умер, затопленный ненавистью, непреходящей душевной болью и иными, еще более сильными, резкими чувствами. Он прошел по кривой безысходности, от самого ее начала до непостижимых иному человеку

глубин…

Да и остался ли он человеком после всего пережитого?

Тот, кто смог бы каким-то образом заглянуть в душу застывшего, как мумия, не старого еще мужчины, отшатнулся бы в ужасе. Этот человек выгорел изнутри. Он представлял собой оболочку из плоти, которую приводило в движение одно чувство — ненависть.

Иной тревожится за себя, бывает, что люди изводят душу, переживая за родных или друзей.

С Игорем все обстояло иначе.

Все его мысли, все отчаяние были порождены и сконцентрированы только на одном — «Беркут»… В голове мятущимся отблеском мыслей вспыхивал и гас контур чего-то страшного, непонятного, неподражаемого… Если с ним что-то случится и он попадет…

Игорь попытался привстать, но вместо резкого движения получился лишь слабый, конвульсивный спазм мышц. Он просто вздрогнул всем телом под укрывавшей его простынею, почувствовав, что провода и трубочки действительно тянутся к нему…

— Значит, очнулся и сразу бежать? — раздался за изголовьем чей-то спокойный, немного насмешливый голос.

Перед глазами Игоря помутилось.

Этот «кто-то» все время неслышно стоял за изголовьем кровати, следя за потугами его обессилевшего тела.

Все-таки влип… — обреченно подумал он, приготовившись стиснуть зубы и молчать, что бы с ним ни сделали…

— Итак, молодой человек, почему вы смотрите на меня волком? — Мужчина, появившийся в поле зрения Игоря, действительно вышел из-за изголовья кровати. Он был одет во все белое. Половину его лица закрывали аккуратно подстриженные, уже порядком побитые проседью борода и усы, над которыми выступал тонкий, аристократический профиль чуть испорченного горбинкой носа и светились умные, слегка насмешливые глаза.

Игорь следил за ним внимательным, цепким, настороженным взглядом:

— Да, вы правы, я не врач, — внезапно сознался незнакомец, садясь на тот самый стул, где в минуту просветления Игорь видел маленькую розовощекую девочку с ангельскими чертами лица. — Я знал, что вы очнетесь с минуты на минуту, и потому пришел, чтобы познакомиться и поговорить кое о чем. На это, — он демонстративно двумя пальцами отвернул полу белоснежного халата, под которым обнаружился строгий

деловой костюм черного цвета, — можете не обращать внимания — дань местным порядкам. Я уговорил врачей оставить меня наедине с вами, но вынужден был последовать общему порядку.

Какая милая, доверительная болтовня…

Игорь продолжал молчать. Ему казалось, что он ничем не выдает своего волнения, замешательства и звериной настороженности, но на самом деле в эти секунды на бледном, пергаментном лице Рокотова проступили пятна нездорового румянца.

Его собеседник оказался терпелив.

— Не все сразу, понимаю. Давайте начнем с малого, — предложил он. Меня, например, зовут Хансом, фамилия — Шнитке. Ханс Шнитке, действительный президент планеты Кассия. Вы, молодой человек, находитесь среди друзей. Больше того, — мы давно ждали появления представителей иных планет, но, честно говоря, не думали, что оно произойдет таким катастрофическим образом. — Он посмотрел на Игоря, обжегся о колючий, недоверчивый взгляд его глаз, развел руками и добавил:

— Боюсь, что у меня нет сейчас под рукой более весомых аргументов нашей дружелюбности. Единственное, что могу сообщить, — ваш корабль уже вытащили из той ямы, которую он пропахал при падении, и сейчас производится осмотр тех узлов и бортовых агрегатов, с которыми знакомы наши технологи.

При упоминании о корабле внутри у Игоря что-то оборвалось. Очевидно, смятение и мука как-то отразились на его лице, потому что незнакомец, назвавшийся Хансом, продолжил свой монолог именно в этом русле.

— Довольно старая машина… — произнес он, не отрывая взгляда от лица Игоря. — Скажу больше — он очень сильно напоминает наши орбитальные челноки, оставшиеся со времен посадки колониального транспорта. Мы еще пользуемся двумя из них, когда наступает время технического обслуживания орбитальных спутников. Так что, несмотря на некоторые любопытные усовершенствования и странную начинку вашего грузового отсека, я смело предположил, что вы, так же как и я, — потомок колонистов, выброшенных лет эдак четыреста назад с нашей благословенной прародины, верно?

Глаза Игоря посветлели.

Два слова — колониальный транспорт — сказали ему во сто крат больше, чем вся остальная речь… На секунду он испугался, что от наступившего облегчения он просто опять сорвется в пучину беспамятства.

В конце концов, разве не на это он отчаянно надеялся, уже падая в пучину стратосферы?..

Его губы слабо шевельнулись, пытаясь произнести какое-то слово.

Ханс подался вперед, стараясь уловить едва слышный шепот:

— Вы… не… оккупированы?..

Казалось, что на бородатого лжеврача эти едва слышные слова произвели сильное впечатление. Он побледнел, подался назад и несколько секунд продолжал смотреть в пергаментное лицо пилота, словно тот только что вслух подтвердил самые страшные подозрения, которые гнездились в его душе, а затем спросил:

— Ради бога, о чем вы?!. Разве идет война? Кто нас должен оккупировать?

* * *

Прошли сутки, прежде чем Игорь почувствовал себя лучше.

Тогда и состоялась их следующая встреча.

На этот раз посетителей было четверо.

Первым, с букетом алых роз в руках, вошел президент Кассии. За ним в реанимационной палате появилось еще трое мужчин пожилого возраста, все в строгих деловых костюмах.

Медсестра, дежурившая подле Игоря, что-то сказала на ухо президенту, тот кинул взгляд на настенные часы и кивнул.

— Итак, мы с вами уже знакомы, Игорь Владимирович… — произнес он, придвигая стул к кровати Рокотова, который молчал, провожая его действия напряженным взглядом. — Разрешите, я назову своих спутников. — Он кивнул, и вперед выступил один из сопровождавших президента мужчин. — Это Николай Андреевич Полвин, мой советник по чрезвычайным ситуациям.

Полвин кивнул. Рокотов долго смотрел на него, потом тоже едва уловимо шевельнул головой.

Следующим был представлен Кирилл Александрович Лисецкий, который, как понял Игорь, выполнял функции советника по вопросам, касающимся космической техники. При этом кратком представлении у Рокотова сложилось впечатление, что должности в правительстве Кассии ни к чему не обязывали — они звучали номинально, и на лицах этих людей не читалось ничего, кроме крайней обеспокоенности по поводу нарушения их привычного уклада жизни.

Третьим из сопровождавших президента был Вадим Петрович Лозин, такой же пожилой, солидный мужчина, отвечающий на Кассии за сношения

с иными территориями. Рокотов был бы удивлен и обескуражен, если б узнал, что опыт данного «дипломата» распространялся исключительно на неосвоенные районы дикой сельвы, которые располагались на соседнем материке и цепи прилегающих к нему островов…

Все это он узнает и поймет несколько позже, а сейчас…

— Ну, Игорь Владимирович, расскажите нам, кто вы, откуда, почему и как рухнули в атмосферу Кассии?

Рокотов мучительно приподнял глаза.

— Мне тяжело говорить… — едва слышно произнес он. — Может быть, это? — взгляд Игоря красноречиво указывал на небольшой прибор, соединенный с настольным компьютером. Он знал его. Это был нейросенсорный шлем виртуальной реальности. Систему установили накануне, — очевидно, врачи знали о предстоящем разговоре и справедливо рассудили, что думать Рокотову будет легче, чем говорить. Сама система не представляла никакой опасности, она могла показывать лишь то, что хотел донести до собеседника сам пациент. Обычно такие приборы использовались в клиниках для общения с тяжелобольными или впавшими в кому…

— Что ж… Если не возражаете, Игорь Владимирович… — Президент, Кассии взял шлем и подошел к изголовью реанимационного ложа.

— Не возражаю… — прошептал Игорь, чуть приподняв голову.

Свет…

Рубка орбитального штурмовика осветилась яркой вспышкой. Это мимо, обгоняя карабкающийся ввысь корабль, пролетела, сияя ослепительным хвостом реактивного выхлопа, выпущенная с поверхности Дабога ракета.

Несколько секунд она двигалась вровень с кораблем, а потом ускорилась, резко ушла вперед.

Игорь не боялся их. Он знал — ракетами напрямую управляют люди, заточенные в стылых компьютерных залах промерзших бункеров. Они заменили собой компьютерные системы управления, которых катастрофически не хватало на Дабоге. На этот раз сканерам штурмовика даже удалось зацепить виртуальный канал связи, который тянулся за боеголовкой незримым шлейфом… Он на секунду увидел сумеречный подземный зал с серыми бетонными стенами, каскады многоступенчатых пультов управления и хрупкую, исхудавшую фигурку девушки, которая утонула в обширном кресле. Она, как сотни других, среди которых были и совсем еще юные, сидела, плотно закрыв глаза; от нейросенсорного шлема, надетого на ее коротко стриженные волосы, к пультам тянулись сотни

плоских компьютерных шлейфов, но тем не менее, несмотря на землистый цвет лица, худобу и шлем, Игорь узнал ее. Это была она — та самая молодая учительница, что приводила детей на экскурсию в музей истории Дабога в незабываемый, роковой день первой орбитальной бомбардировки планеты…

Он даже вспомнил ее имя: Даша… Даша Кречетова…

Значит, она выжила… И дети тоже…

Его мысли оборвал сдавленный сигнал навигационной системы.

Свинцовая пелена облаков порвалась, расступилась бездонной фиолетовой синью стратосферы, в которой немигающими огнями застыли звезды.

На их фоне двигались огромные, расцвеченные скупыми искрами навигационных огней клиновидные тени приближающихся к планете боевых крейсеров Земного альянса.

Это была третья атака за последние полгода и уже вторая попытка штурма за истекшие с>тки.

Обогнавшие его ракеты вошли в радиус действия сканеров зенитных батарей…

В космосе расцвели частые, похожие на сеть росчерки холодного огня, это ударили лазерные комплексы крейсеров, создавая заградительный барьер. Одна… Две… Три боеголовки запутались в них, взорвались слепящими камеры вспышками, но несколько, — Игорь не успел заметить их количество, — достигли цели, ударили в борт двигавшегося впереди прочих огромного крейсера…

Он подобрался достаточно близко, и видеокамеры его штурмовика зафиксировали, как по правому борту головного корабля армады вспухла броня, затем с интервалом в несколько секунд часто заморгали более мелкие взрывы, что-то выметнуло в космос в облаке кристаллизующегося газа…

Огромный корабль содрогнулся, его корма заалела заревом включившихся двигательных установок, и он начал маневрировать, медленно разворачиваясь, словно космический левиафан, по сравнению с которым пепельно-серый шарик Дабога казался просто раздутым футбольным мячом…

Картина была мрачной, впечатляющей…

Игорь скрипнул зубами, поворачивая рули штурмовика.

В груди клокотала ярость. Как хотелось ему ринуться вслед, завершить начатое ракетами дело разрушения, добавить мощь пушек своего штурмовика к танцу кромсающих броню взрывов, но он не мог

позволить себе этой секундной, гибельной мести, — он и затаившийся в грузовом трюме шагающий робот были чуть ли не единственными, кто на данный момент оставался способен отразить наземную атаку прорвавшихся десантно-штурмовых модулей…

Бортовой компьютер уже рассчитал траекторию снижения вражеских десантных подразделений. Сейчас он ринется им вслед, чтобы…

…Звено космических истребителей класса «Фантом» появилось внезапно, вынырнув из-за черной громады обстрелянного крейсера.

У Игоря не осталось даже секунды на то, чтобы среагировать. Головной космический истребитель уже пикировал на него, и нити пульсирующих снарядных трасс ударили в штурмовик, грозя попросту разрезать его на две части…

Остальное произошло в доли секунд…

Он ощутил хлесткий удар, и конвульсии ломающейся брони пробежали по телу волной крупной дрожи. На миг разум Игоря помутился, он понял, что погиб, его выследили наконец и ждали, ждали… Но если собственная смерть ходила по пятам и не казалась такой уж жуткой, то сверкнувшая молнией мысль о «Беркуте» и беззащитности Дабога не дали его пальцам сорваться с сенсорной клавиатуры пульта.

В предсмертной горячке боя Игорь сделал то, на что бы никогда не решился, будь у него хоть пара секунд на размышление…

Он машинально вскинул руку и, выбив предохранительный кожух, единым движением дернул утопленный в специальную нишу рычаг запуска гипердрайва…

Это было самоубийством, но душу Рокотова наполнил восторг, когда он увидел, как затопившая экраны нестерпимая вспышка гиперпространственного перехода поглотила не только его штурмовик, но и потянула за собой огромный вражеский крейсер, неумолимо засасывая его в открывшуюся на орбитах Дабога ослепительно-черную воронку аномалии космоса…

Туда, откуда, как казалось Игорю, уже нет никакого возврата.

Рокотов ошибся.

…Очнувшись от беспамятства спустя неопределенный отрезок времени, он понял, что падает в атмосферу совершенно незнакомой планеты, находясь в обычной, трехмерной метрике пространства.

…Тишина.

Такая звонкая, оглушительная тишина, в которой сдавленный шепот слышится как крик.

Игорь лежал, ощущая на своей голове виртуальный шлем.

Покосившись на часы, он понял, что прошло гораздо больше времени, чем он помнил, значит… значит, он потерял сознание, а его мозг машинально продолжал выдавать информацию…

Впрочем, не все ли равно?

Горячий шепот четверых человек, стоящих спиной к нему, у окна, обжигал слух:

— …Чудовищно. Как они могли сжечь целый мир?!

— Варварство… Но мы же не можем, пойми… С нами поступят так же…

— Почему наши дети… куда-то, к черту на рога… умирать…

— Нет, они же не знают всех координат, наши предки… слепые рывки… это игра случая…

— Но ведь надо что-то ответить, сказать…

— А что говорить, Ханс?.. Скажем правду… У нас нет космических кораблей, а его штурмовик разбит вдребезги… Мне жаль этого парня… но ему придется смириться, остаться у нас… Нет… просто в голове не укладывается…

Игорь сделал вид, что не слышит их.

Нет, он не просто не хотел их слышать… Внутри вдруг разлилась отвратительная горечь…

Неужели за ЭТО умирали дети в стылых бункерах Дабога?

Глава 9

В трех километрах к югу от имения Полвиных. Место крушения орбитального штурмовика.

Вернуться на место происшествия Ольге удалось лишь через четыре дня.

Все это время район падения космического гостя был оцеплен плотным кольцом машин; дороги перекрыты, и даже на тропах в лесу оказались выставлены патрули сил самообороны.

Так было четыре дня. Потом, словно по волшебству, все исчезло — и машины и оцепление, только шаловливый ветер трепал оставшиеся кое-где обрывки желтой предупредительной ленты, которую протянули между деревьями, обозначая запретную для посторонних зону.

Ольга не знала, что случилось, но поехала туда, как только до нее дошел слух о том, что оцепление сняли.

После той ночи, когда ее едва не унес огненный ураган, она ощущала, что не успокоится до тех пор, пока не взглянет на пришельца с небес еще раз.

…Корабль лежал на склоне изуродованного холма.

Издали трудно было разобрать детали, но картина представлялась безрадостной, даже пугающей: черная, еще кое-где курящаяся дымом проплешина тянулась по редколесью уродливой полосой обгорелой, развороченной земли.

Падая, космический корабль ударил в склон, отрикошетировал от него, развернулся боком и в таком положении пробил гребень возвышенности безобразной бороздой, раскидав по сторонам тонны земли.

Таким Ольга видела это светопреставление в ночь своего совершеннолетия, но память, к ее досаде, совершенно не сохранила отдельных деталей произошедшей прямо на ее глазах катастрофы — слишком шокирующим оказалось для нее падение небесного тела, и в сознании осталась лишь ослепительная вспышка, горящий лес, грохот и упругая волна горячего, выжигающего легкие воздуха, которая выбила стекла в ее машине и едва не скинула «Волмар» с полотна дороги.

Теперь, при свете дня, все выглядело несколько иначе. Вызванная ею помощь подоспела тогда почти немедля, и сейчас поодаль, у подножия холма, она видела застывшие темные точки тракторов, которые при помощи тросов как раз и вытащили упавший космический корабль из той

борозды, которую он пропахал в гребне возвышенности.

Она не вполне отдавала себе отчет — зачем приехала сюда во второй раз?

С одной стороны, ее снедало вполне естественное любопытство, а с другой — почему ее так сильно волновал упавший с неба космический корабль? Только лишь потому, что она стала случайным свидетелем этого катастрофического падения, или тут крылось нечто иное, пока что не осознанное ее разумом?

Хлопнув дверкой помятого «Волмара», Ольга ступила на обочину, минуту постояла, думая о том, замыкать ей дверь или нет, а потом, махнув рукой на машину, в которой все равно не осталось ни одного стекла, осторожно спустилась с придорожного откоса, уже не сводя глаз с возвышающейся неподалеку черной вытянутой громады.

Ближе начинали проступать детали.

Пейзаж казался чужеродным, диким. Странно было видеть поломанные сосны, поваленные кругом, будто чья-то огромная рука прошлась исполинским кулаком по зеленому подшерстку леса… Те деревья, которые не выворотило с корнем и не сожгло, стояли в наклон, уронив макушки к самой земле; по их морщинистой коре бежали трещины, и в них проступили, застывая на воздухе, янтарные капельки смолы…

Сам космический корабль казался огромным, уродливым, непонятным.

Его обугленный контур напоминал выброшенную на берег акулу. На черной броне, покрытой шелушащейся коростой окалины, выступали короткие, похожие на рыбьи плавники стабилизаторы атмосферного полета; в передней части корпус упавшего корабля заострялся, и там, из-под разорванных ударом о землю, разъехавшихся в стороны бронеплит, виднелись прозрачные сегменты обзорного блистера пилотской кабины.

Впрочем, сходство с представителем хищной морской фауны на этом и заканчивалось. Принять упавший из поднебесья космический корабль за выброшенную на берег черную акулу можно было только издали, да и то с большой натяжкой.

Детали, которые по мере приближения к кораблю начинали выделяться на его обшивке, пугали, точно так же как изувеченный склон холма и выгоревший, поломанный лес.

Из шелушащейся коросты окалины по бокам корабля двумя симметричными рядами вспухали пологие вздутия, расположенные чуть ниже плавников-стабилизаторов. На их вершинах металлокерамический сплав брони казался самым невероятным, противоестественным образом

смят в коническую гармошку, образуя углубление, в центре которого торчал выщербленный, окрашенный на срезе в цвета побежалости, черно-синий компенсатор ствола автоматической вакуумной пушки.

Выше, над стабилизаторами, горбатились покатые выступы многоствольных пусковых установок ракет класса «космос-космос». Три ряда закрытых почерневшими диафрагмами дыр казались зловещими глазами этой космической хищницы.

От корабля исходило четкое, недвусмысленное ощущение необузданной силы и смертельной усталости металла. Как эти ассоциации могли уживаться вместе, сплетаясь воедино, рождая ОДНО чувство, оставалось непонятным…

Ольга неторопливо шла вдоль его корпуса, стараясь одновременно и обуздать душившие ее чувства, и не пропустить ни одной детали. Ее состояние было таким же двояким, как и чувство, исходившее от этой громады…

Ей было страшно и любопытно, сердце то сжималось, когда на глаза попадались поваленные деревья, развороченная земля и сгоревший дотла кустарник, то начинало неистово бухать, когда взгляд соскальзывал на черный контур покореженной брони космического исполина.

Перед ней лежало нечто темное, чуждое ее психике, воспитанию, мироощущению и в то же время притягательное, таинственное до дрожи.

Пройдя мимо тракторов, за которыми по земле были распластаны десятки отцепленных, но еще не смотанных в бухты тросов, она перешагнула через обугленный ствол поваленного дерева и по развороченному траками гусениц дерну подошла вплотную к кораблю.

Вблизи он казался еще более огромным и непостижимым, чем издали.

Скользя взглядом по оплавленным пластинам его обшивки, Ольга то и дело натыкалась на шрамы — другой ассоциации просто не возникало от вида этих продолговатых выщерблин, которые тянулись по поверхности прочнейшего керамлитовою сплава длинными, безобразными бороздами. Эту броню грызли не только космос и атмосфера. — Она зажмурилась, когда поняла, что по ней молотили снаряды — целый шквал острых, беспощадных, начиненных взрывчаткой жал впивался в металлокерамическую кожу космического пришельца… Ей даже на секунду показалось, что она слышит тот грохот, каким должны были отзываться внутри самого корабля их попадания.

Она прошла вдоль борта, который возвышался над ней черным, закрывающим полнеба валом, и увидела, что в корме пришельца открыта аппарель. Квадратная пасть механического шлюза опустила к изувеченной

земле свою челюсть в виде наклонной прямоугольной плиты, предназначенной для выгрузки из чрева корабля какой-то техники…

Не удержавшись от искушения заглянуть внутрь, Ольга вскарабкалась по осыпающемуся под ногами откосу, набрав при этом полные туфли земли.

Пришлось остановиться подле опущенного пандуса и вытряхнуть набившийся в обувь смешанный с пеплом песок.

Переобуваясь, она впервые подумала о том, что пришла сюда без приглашения. От этой мысли ей стало неуютно. Настораживала царящая вокруг тишина — около корабля одни брошенные трактора, и ни одного человека…

Впрочем, она всегда считала себя храброй девочкой.

К тому же это МОЯ земля!.. — с непонятным самой себе раздражением подумала Ольга, наконец заглянув вовнутрь.

То, что она увидела в сумеречных глубинах корабля, заставило ее вздрогнуть… В первый момент Ольга толком не поняла, что же это такое таится там внутри, лишь почувствовала странную оторопь от смутных линий, проступающих из красноватого сумрака, но постепенно, по мере привыкания глаз к тусклому освещению отсека, эти линии сложились в четкий контур некой фигуры…

Вот тогда-то она и почувствовала настоящий страх, оторопь, граничащую с безрассудным желанием развернуться и бежать…

В глубине грузового отсека космического корабля на массивной подающей плите застыло пятнадцатиметровое механическое чудовище…

С первого взгляда оно казалось похожим на сложившую крылья птицу — та же обтекаемая форма, две огромные механические ноги, каждая из которых оканчивалась тремя массивными пальцами… но как нелепо, ужасно, зловеще выглядело это сходство, когда разум начинал впитывать детали, понимать, это не сервоприводное чучело какой-то небывалой жизненной формы, это машина… предназначение которой — убивать…

Чувство было ошеломляющим.

Ольга застыла как вкопанная, машинально вцепившись рукой в какую-то вертикальную стойку аппарели, украшенную змеящимися по ней шлангами стационарного питания, и смотрела в глубь космического пришельца, на затаившийся там хищный, приплюснутый контур боевой машины, с ясно различимыми сегментами смотровых триплексов, предназначенной для человека рубки управления…

Ее страх разрастался, накатывал волнами дурноты, до бесконтрольной дрожи в ослабевших ногах, будто квадратный провал грузового шлюза

втягивал в себя ее разум…

Не стоило прилагать особых умственных усилий, чтобы понять — корабль и робот составляли единую боевую связку, механический организм, в котором в данный момент не хватало только третьего, самого важного его компонента человека…

Ольга на секунду закрыла глаза, пытаясь представить себе мир, который мог породить подобный биомеханический симбиоз, но у нее ничего не получилось — в воображении клубилась какая-то злая мгла, и не больше того. Как она могла представить себе что-то чуждое ее разуму, не подвластное логике воспитания, неуместное, злое и неправильное, как вывороченная земля и обугленные деревья на склоне?..

В сознании двадцатилетней девушки мир был прост и складывался из иных, прямо противоположных этому чудищу понятий. Вот только что происходило с ним сейчас, в этот затянувшийся миг?.. Ольга смотрела в провал грузового шлюза и не могла отделаться от ощущения, что внутри нее что-то съеживается, будто невидимая рука комкает там лист бумаги, на котором черным по белому, просто и понятно была описана ее прежняя жизнь, где в отдельный, не подвергаемый сомнению столбец были выписаны моральные ценности, а в другой, поменьше, жизненные планы… Теперь же непреложная ясность некоторых истин сминалась в ее душе, и она с ужасом поняла — еще немного, и тот скомканный листок будет выброшен вон…

От корабля и угнездившегося внутри шагающего робота исходили холодные волны ужаса. Это новое для нее чувство оказалось очень трудно понять, переварить внутри себя. Теперь она точно знала, что на самом деле случилось с ней той страшной ночью.

Четверо суток назад, на ее глазах, с неба упал покореженный осколок СМЕРТИ — понятия чуждого и противоестественного ей…

Отсюда следовало уйти, убежать как можно дальше и быстрее, но…

Странное чувство, на секунду показавшееся самой Ольге каким-то болезненным, ненормальным, влекло ее вперед, в темные, сумеречные глубины жуткого пришельца из космоса, будто тот и впрямь мог содержать в себе нечто чрезвычайно важное для, нее, Ольги Полвиной…

И она шагнула, внутренне сопротивляясь этому порыву откровенного безумия и в то же время поддаваясь ему, предчувствуя что-то неподвластное ни разуму, ни логике…

* * *

Темная, покосившаяся от потрясшего корабль удара дверь вела в

ходовую рубку.

Ольга осторожно просунула руку в щель, ощутив под пальцами шершавый материал пневмоуплотнителя. Она чувствовала себя скованной страхом и сомнениями, но все же не смогла побороть желания заглянуть в святая святых корабля. Надавив ладонью на торец двери, она ощутила, как та подалась в стену, скользя по направляющим.

Перед ней открылось тесное, сумеречное помещение, центр которого занимало высокое и неуклюжее на первый взгляд противоперегрузочное кресло с широкими, усеянными кнопками подлокотниками.

Свободного пространства в рубке управления практически не было. Отовсюду, обступая кресло, сдвигались компьютерные терминалы. Они выпирали из стен, росли от пола, свисали с потолка на толстых хромированных кронштейнах, и повсюду — кабели, экраны, переключатели, сенсоры… Добрая половина оборудования даже на неискушенный взгляд такого человека, как Ольга, казалась более поздней модернизацией. Кто-то второпях переделывал данное помещение, приспосабливая его к новым целям. В пользу этого говорили проложенные поверх облицовки стен толстые жгуты компьютерных интерфейсов, следы различных монтажных работ, неуместная угловатость некоторых приборных панелей, их явная функциональность, с полной потерей эстетичности, в то время как первоначальное оборудование космического корабля было легко отличить по плавным, законченным контурам рационально размещенных терминалов.

Несколько минут Ольга просто стояла в узком проходе, между правым подлокотником кресла и гроздью нависающих от потолка экранов. Ее растерянный, испуганный взгляд скользил по техногенному, хаотичному интерьеру пилотской кабины, словно она пыталась мысленно угадать назначение тех или иных деталей нагроможденного вокруг кресла оборудования.

Конечно, ей это не удалось. О назначении некоторых экранов еще можно было догадаться, но и они, темные как ночь, больше пугали и сбивали с толка живущим в их глубинах отражением, чем помогали понять смысл и истинное предназначение этого странного, во многом пугающего корабля.

Известие о том, что его пилот тяжело пострадал при падении и, вероятно, не выживет, придавало сумеречному пространству рубки еще более зловещий ореол.

Кем он был? О чем думал?..

Чем дольше Ольга стояла посреди гробовой тишины, тем отчетливее в

ее душе вызревала мысль о том, что ни один человек добровольно не втиснет себя в это кресло и не ринется навстречу собственной смерти… В его падении на Кассию присутствовал какой-то незримый злой рок, неизбежная, предопределенная заранее закономерность…

Ольга машинально облизала пересохшие губы. Гулкие удары сердца вторили ее мыслям. Ощущение казалось неприятным, подавляющим и в то же время каким-то томным, зовущим, будто перед ней лежал порог неизведанного, за который страшно и в то же время любопытно ступить…

Неожиданно для себя самой Ольга боком протиснулась меж приборными панелями и осторожно опустилась в кресло.

Сначала она просто села на его краешек, почувствовав, как промялась под ее весом обивка, потом, продолжая слушать удары собственного сердца, откинулась в объятия высокой, оканчивающейся полукруглым подголовником спинки…

Это действительно смахивало на искушение…

Правда, пока ничего страшного не произошло. Она сидела не шевелясь, перемещая взгляд по приборным консолям, читая надписи на интеранглийском.

Царящий в рубке управления сумрак заставлял ее напрягать зрение, и, наверное, поэтому Ольга внезапно заметила одну странность, которая, возможно, укрылась от взглядов тех, кто до нее побывал в этом помещении. А быть может, и не укрылась, но разве станут говорить об этом ей? Вообще-то корабль должны были через пару дней забрать из развороченной падением воронки и перевезти куда-то для более детального исследования. Охранять его не было никакого смысла. Кто на Кассии знал о его падении? Считанные единицы. Да и никто бы не полез сюда, в частные владения Полвиных, не поставив в известность хозяев. А уж отец бы позаботился о том, чтобы вокруг пришельца не болтались любопытные. Нет, только она в своем неуемном любопытстве могла прокрасться сюда вот так, практически тайком…

Замеченная странность сильно взволновала ее.

Поясняющие надписи на приборных панелях были наспех набиты через трафарет. Но взгляд Ольги зацепился не за свежие буквы, а за полустертые, но еще читаемые строки на интеранглийском, которые виднелись на старых приборах этого странного корабля. Несколько секунд она в недоумении смотрела на них, сравнивая тексты и внутренне удивляясь такой абсурдной системе двойных стандартов… Что бы это могло значить?!.

Вот, например, эта клавиша под миниатюрным экраном… Свежие

буквы, пропечатанные через трафарет, складывались в достаточно зловещую фразу:

«Створы бомболюков. Контроль сброса».

А под ней полустертая, старая трактовка:

«Распыление удобрений. Контроль емкостей».

Она ровным счетом ничего не понимала. Взгляд продолжал блуждать по приборам, находя все новые и новые свидетельства переориентации основных функций корабля.

Неужели в недавнем прошлом это была обычная сельскохозяйственная машина?!.. — внезапно осенило ее.

Догадка быстро превращалась в уверенность.

Взгляд Ольги остановился еще на одной группе двойных надписей. Они располагались справа и слева от кресла, под переключателями, похожими на гашетки игровых джойстиков.

«Левая ракетная установка. Режимы огня» — так гласили свежие буквы.

И чуть ниже затертая, но различимая надпись:

«Старт метеозондов. Одиночный, групповой режимы».

Чтобы быть уверенной до конца, она посмотрела по правую сторону кресла, на похожую панель. И опять, свежая надпись гласила:

«Правая ракетная установка. Режимы огня».

А под ней словно призрак какой-то иной, прошлой, навсегда потерянной жизни:

«Метеорологические ракеты. Переключение по типам облачности».

Вот, значит, как…

Ольге вдруг припомнились все черные, нехорошие мысли, которые одолевали ее на пути к кораблю, когда она смотрела на сгоревший, поваленный лес, потом ее оторопь и непонимание, откровенный страх при взгляде на контур притаившегося в грузовом отсеке шагающего робота, и ей внезапно стало неудобно, неловко сидеть в этом кресле. Жизнь, как обычно, оказалась сложнее, чем то видится при беглом осмотре. Ее даже на секунду посетила досада — ну зачем вылезли на глаза эти старые, полустертые свидетельства былого предназначения страшного корабля, который она уже успела осудить и очернить в своей душе, считая, что поступает правильно…

Не в силах бороться с внезапным чувством, она встала, выскользнула из рубки и кинулась назад, в грузовой отсек, где в тусклом свете красноватой лампочки застыл так сильно напугавший ее механический монстр.

Она знала, зачем возвращается туда, что именно желает и одновременно страшится увидеть.

Подавив в себе трепет, совершив усилие, она подошла ближе, вытянув обе руки, словно слепец в поисках опоры. Броня робота отдавала тупым, ноющим холодом под внезапно вспотевшими ладонями. Пальцы скользили по выщербленной поверхности, болезненно ощущая все неровности, пока на огромном выпуклом шарнире коленного сочленения под ними внезапно не проявились четкие вдавленности букв.

Ольга отняла руку от брони и присмотрелась.

«Агропул номер семнадцать. Семья Рокотовых. Собственность».

Эта надпись едва читалась под многочисленными отметинами шрамов, но она была!.. И ее смысл казался очевидным, неоспоримым.

Возвышавшийся над ней шагающий монстр был в прошлом не чем иным, как очень большим, приспособленным к определенной специфике аграрным роботом. А корабль, который она приняла за страшного вестника смерти, просто транспортное средство для его перевозки.

Ольга откровенно растерялась.

Теперь, после этого внезапного открытия, в охваченном смятением разуме девушки вдруг возник иной вопрос: Кто в таком случав нанес свежие трафаретные надписи на новые и старые приборы в кабине управления кораблем? Что за обстоятельства заставили человека и две, по-видимому принадлежащие ему машины, служить этой страшной, злой, непонятной для нее силе — ВОЙНЕ?!..

* * *

Воистину, нет границ человеческому любопытству.

Даже страх, это порождение инстинкта самосохранения, бледнеет перед ним, зачастую уступая дорогу этому иррациональному чувству.

Ольга понимала, что совершает очередное безумие, но разве могла она остановиться, уже сделав первый шаг? Разве я не должна понять все, до конца? — думала она, глядя на откинутый люк в днище неподвижно застывшей машины.

Как назло, рядом оказалась прислонена к стене легкая алюминиевая лесенка, очевидно оставленная тут одним из техников, осматривавших корабль и робота.

Дрожащими пальцами она взялась за поперечную перекладину, оторвала лестницу от стены, приставила к согнутой в колене ноге робота, несколько раз попробовала на прочность и полезла вверх с таким чувством, что совершает натуральное преступление или святотатство.

Впрочем, ничего страшного не случилось.

Кабина управления шагающим монстром была такой же тесной и утилитарной, как рубка космического корабля. То же потертое кресло перед выстроившимися в ряд экранами, какие-то приборы, переключатели…

Это уже перестало быть страшным… И даже таинственность как-то умерилась, будто пять-десять минут назад один силуэт данной машины не нагонял на нее жуть…

Ольга села в кресло, попытавшись представить себе, как это было, но ее воображение молчало, видно исчерпав свой ресурс… Ольга даже не заметила того, что за все пребывание тут ни разу не задалась элементарным, с точки зрения логики, вопросом — а почему где-то идет война?

Она задумалась об этом сейчас, машинально положив обе руки на подлокотники кресла и рассеянно глядя на собственное отражение, прячущееся в глубинах матово-черных, погашенных экранов…

…Она не поняла — как это случилось.

Откинув голову на валик подголовника, она продолжала напряженно думать, невольно сконцентрировавшись на странном и непонятном названии «Дабог», случайно оброненном матерью накануне, когда она разговаривала по телефону с отцом, который все еще пребывал в столице. Странно, и Кирилл Александрович уехал туда же…

Ольга не видела, как на контрольной панели пульта управления тускло затлел какой-то сигнал…

Она не знала, что это — ответ на ее мысль, на средоточие нервной активности, которое родило повторяемое в уме слово Дабог…

Что-то острое кольнуло в затылок, словно из подголовника внезапно выскочили мелкие иголочки.

Ольга вскрикнула от неожиданности, хотела вскочить, но в эту секунду точно такие иголки кольнули ее в оголенные запястья, вокруг что-то защелкало, рубка перед глазами начала расплываться, теряя свои сумеречные очертания, и…

Она действительно увидела Дабог…

Глава 10

Поместье Полвиных. Три часа спустя.

Вернувшись домой, Ольга застала там отца, неожиданно нагрянувшего из столицы, и Сережку Воронина, с которым не виделась около полугода.

Старший Полвин старался выглядеть веселым, но по всему было видно, что он чем-то озабочен. И Ольга догадывалась — чем. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы разглядеть взаимосвязь событий.

Тем не менее встреча после недолгой разлуки была радостной. Обняв отца, она вдруг почувствовала облегчение — все дома, семья в сборе, значит, все будет в порядке.

О своем вторичном посещении места падения космического корабля она решила молчать. Странные и страшные картины, увиденные ею через систему нейросенсорного кресла в рубке управления огромного шагающего робота, засели в душе девушки стылым холодом, но она сумела справиться с собой и не подавать вида, что находится в смятении… Она знала, что нужно обязательно поговорить об этом с отцом, но не сейчас же?..

— Как раз вовремя, Олюшка, — широко улыбнулся Николай Андреевич. — Я тут тебе приготовил сюрприз… — Отец хитровато прищурился, подталкивая дочь ко входу в гостиную. Она не поняла, о чем идет речь, а когда вошла, то на секунду опешила: в гостиной с книгой в руках сидел Сергей Воронин, молодой хозяин соседнего поместья, земли которого располагались к югу от Лисецких, неизменный товарищ всех ее детских игр и негласный кандидат на руку и сердце наследницы Полвиных.

Ольга остановилась в дверях, с немым изумлением разглядывая Сережку. За те полгода, что они не виделись, ее сверстник, которого в семье было принято в шутку именовать не иначе, как «наш жених», не только вырос на добрых три или четыре сантиметра, но и заметно возмужал, раздался в плечах. Практика в сельве, на соседнем материке, добавила бронзовый загар его щекам и вообще тонко, неузнаваемо изменила черты Воронина, превратив угловатого подростка в молодого, подтянутого мужчину. Однако больше всего Сережку, конечно, изменила форма. Офицерские знаки отличия, золотая вязь по черной ткани, тесный стоячий воротничок — все это делало его взрослее, мужественнее, что ли… В другой момент, по старой памяти, Ольга бы кинулась ему на шею, а сейчас

застыла в дверях, смутившись…

— Ну что ж ты, Сережу не узнала? — ласково спросила мать, появившись в гостиной из противоположной двери.

При этих словах молодой Воронин, который, углубившись в чтение, сидел вполоборота к дверям и не видел Ольгу, вздрогнул, поспешно отложив книгу, вскочил, машинально одернув форму, повернулся…

Их глаза встретились.

— Здравствуй, Оля!.. — Он тоже запнулся, будто не зная, как теперь себя вести, оба повзрослели, изменились, и вроде бы детская непосредственность уже осталась в прошлом, а ей на смену…

— Привет, Сережка! — Она вошла в комнату, протянув ему обе руки. — Как идет тебе форма… — опустив взгляд, произнесла Ольга, ощущая прикосновение его пальцев.

— Это в наследство, от прапрадеда… — ответил он. — Семейная реликвия. А я все ждал, ждал, а потом думаю, дай сам заеду!

— Ну и правильно… — Ей стало неловко. За последними событиями она забыла, пропустила тот день, когда они традиционно встречались в это время года на полпути между усадьбами.

— А у меня обед готов, — заметив смущение молодых, пришла им на выручку мать. — Давайте быстро мыть руки, и за стол!

Столовой у Полвиных служило просторное помещение с большими панорамными окнами, откуда открывался вид на окружающий усадьбу лес.

— Как в городе, пап? — осведомилась Ольга, когда все уселись на свои места.

— Да ничего. — Отец подозрительно покосился на дочь. — А что такое?

— Ну, тебя вызвали так внезапно, как раз в мой день рождения, напомнила она. — Это секрет?

— Да нет. Какие уж тут секреты… — Николай Андреевич потянулся за хлебом, укоризненно взглянув на дочь. А ты не знаешь, зачем меня вызывали… — говорили его глаза. — Ведь тебе на голову едва не упал тот корабль…

Ольга смутилась, отвела взгляд, а Николай Андреевич, взяв хлеб, все же ответил вслух на ее вопрос, но скорее для Сергея Воронина, который делал вид, что ест…

— В тот день наши спутники уловили всплеск аномальной энергии в зоне высоких орбит. Естественно, сразу же был введен план «Контакт», ты же знаешь, что это такое, — посмотрев на дочь, добавил он. — Вызвали всех, кто имеет голос в планетном собрании, еще кучу людей сорвали с

мест просто по долгу службы… Переполох был, кстати, огромный…

Ольга оторвала взгляд от тарелки. Что-то в его тоне насторожило, можно сказать, даже покоробило ее… То, как он старался придать своим словам непринужденность? Или нарочитая беззаботность отца просто задела в ее душе неумолкающую струнку тревоги?

Нет, скорее дело не в том, — промелькнула в ее голове крамольная мысль. — Просто случилось нечто из ряда вон выходящее, а все вокруг пытаются сделать вид, что происшествие не стоит выеденного яйца… Странно как-то…

— Пап, а что это за планета — Дабог? — внезапно спросила она.

Николай Андреевич вздрогнул. По всему было видно, ему не нравится направление, которое принимал разговор. Он помолчал, потом отложил вилку, аккуратно разместив ее на салфетке, и поднял глаза на дочь.

— Откуда ты узнала это название? — строго спросил он, в упор глядя на Ольгу.

Ей вдруг стало не по себе — в тяжелом, незнакомом, ЧУЖОМ взгляде отца явственно проступило то, что подспудно витало в воздухе, — какая-то недосказанность, напряженность, нервозность… Будто в доме кроме них незримо присутствовал еще кто-то злой, незваный…

— Это что, секрет? — вопросом на вопрос ответила дочь. Ей не нравилось, когда взрослые начинали темнить. В их семье по крайней мере это не было принято.

— Никакого секрета здесь нет, — слишком резко ответил отец. — Дабог это одна из соседних с нами колоний, что-то около трех световых лет отсюда, на самом краю шарового скопления.

Перед мысленным взглядом молодой Полвиной возникла картинка-воспоминание: выщербленная, почерневшая броня космического корабля и жуткий механический монстр, затаившийся в его глубинах, за аппарелью.

— Там идет война? — тихо спросила она.

Старший Полвин кивнул, уже напрочь забыв о еде. Если бы дочь знала, как тяжелы были для него эти невинные, казалось бы, вопросы, которые можно было отнести на счет простого любопытства молоденькой девушки, но он-то знал, что это не так… Она только что прошла АХУМ — это информационное, моральное чистилище, где в корне менялись многие взгляды молодых людей, и, судя по всему, с честью вышла из данного испытания, а вот они… те, У кого воспоминания об АХУМах и личных ломках мировоззрений стали туманным прошлым, они, похоже, предали сами себя… Поймут ли их дети и внуки, что сделано это было

исключительно ради их блага?

— Да, — негромко ответил он, даже не заметив, что пауза между вопросом и ответом неоправданно затянулась. — Этот молодой человек, свалившийся с неба, утверждает, что восемь месяцев назад около их планеты появился флот Земли, который заявил претензии на часть территории Дабога. — Отец как-то криво, нехорошо усмехнулся в тон невысказанным мыслям. — Якобы в качестве компенсации за те затраты, что понесло Всемирное правительство четыре века назад, снаряжая колониальные транспорты, — пояснил он.

— Но ведь это неправда! — возмутилась Ольга. Посещение АХУМа еще оставалось свежо в ее памяти, и все виденное там шло в разрез с теми словами, которые произносил отец.

— У нас нет объективной информации, — сухо и односложно возразил он, давая своим тоном понять, что тема разговора неприятна ему.

На некоторое время в столовой повисла тишина.

— Нам толком ничего не известно про этот самый Дабог, — наконец нарушил молчание Сергей. — Говорят, что пилот подбитого корабля просил помощи у нашего правительства? Это так, Николай Андреевич?

При этих словах гостя Полвин поморщился, как от зубной боли.

— Ну, что ты, Сережа, на самом деле! — в сердцах воскликнул он. — Дался вам всем этот Дабог, разве больше нет никаких тем?!

Ольга редко видела отца таким раздраженным и нервным. Она хорошо знала его… вернее, до этого момента ей казалось, что она его знает, но сейчас Ольга увидела совсем другого человека, который что-то скрывает от них, не договаривает, боится…

— Пап, это ведь первый контакт… — осторожно напомнила она, упрямо не желая менять тему разговора. — Кирилл Александрович сам рассказывал мне перед входом в АХУМ, что мы все вот уже несколько веков подряд ждем ЛЮБОГО контакта! Так почему все вдруг шарахнулись в стороны, замолчали, как перепуганные рыбы?

Ее слова прозвучали в тишине достаточно резко и вызывающе. Мать укоризненно посмотрела на дочь, но старший Полвин, похоже, смирился. Если у него внутри и шла какая-то борьба, то сейчас он сдался, сник, словно ему предстояло обнародовать нечто не совсем уместное, неприятное, идущее вразрез с какими-то общеизвестными истинами.

— Понимаешь, Олюшка… — Он запнулся, будто подбирал нужные слова, а потом тихо, но твердо закончил начатую мысль: — Нами было решено не ввязываться в этот конфликт. Сейчас пилоту оказана помощь, но его корабль не будет отремонтирован — для этого нет технических

возможностей. Это значит, что он не улетит, а останется на Кассии. Навсегда, — односложно произнес Николай Андреевич, будто хотел поставить жирную точку в конце неприятного разговора. — Этот контакт был признан нежелательным. Мы больше никогда не услышим о Дабоге…

— То есть как?!. — опешив, переспросила Ольга. Сергей искоса посмотрел на Полвина и вдруг ответил за него:

— Я слышал об этом. Контакта просто не было. Вот и все. Жизнь продолжается.

Ольга посмотрела на Воронина, потом перевела взгляд на отца.

Полвин кивнул, подтверждая слова молодого офицера.

— Значит, эти люди с Дабога ведут несправедливую войну? Они напали на Землю? Или пустили к себе новых поселенцев и стали притеснять их? Или я что-то не понимаю?

— Оля, тебе незачем это понимать! — попыталась осадить ее мать. — У нас своя жизнь, которая пока что не зависит ни от Дабога, ни от Земли.

— Вот именно, «пока что», — с тихой досадой в голосе произнес отец, вновь попытавшись приняться за еду.

— Нет! — резким жестом остановила его дочь. — Я хочу, чтобы мне объяснили! Внятно и честно, как было всегда до сих пор! — Ольга неестественно выпрямилась на стуле, глядя поочередно то на мать, то на отца, то на Сергея Воронина, который, видно по всему, уже жалел, что попытался поддержать старшего Полвина. — Или признайтесь, что АХУМ и все прочее — это комедия! Чушь!

На секунду после ее слов в столовой повисла гнетущая тишина. Это было похоже на брошенный вызов. Кто-то должен был поднять перчатку…

— Ну что ты так разошлась? — Сергей сидел вполоборота к Ольге, и она внезапно подумала, что он стал красив до неузнаваемости. Только ей почему-то вот уже несколько минут не хочется смотреть в его сторону.

— Не лезь, — попросила она. — Я говорю с отцом! Папа, ответь, почему мы решили сделать вид, будто не существует того корабля? И почему мы забыли о собственном модуле колониального транспорта, запаркованном на Кассии?

Старший Полвин пристально посмотрел на дочь.

Его щеки вдруг залил румянец. Это был не стыд, а гнев. Гнев отца, поступившегося чем-то сокровенным, предавшим самого себя ради дочери. Но она не понимала этого!..

— Потому что их планету СОЖГЛИ! — медленно и внятно ответил он. — Когда Дабог отказался признать себя колонией Земли, принять планетного управляющего, посланного правительством Джона Хаммера, и

более того попытался изгнать корабли Земного альянса со своих орбит, планету попросту СОЖГЛИ ОРБИТАЛЬНОЙ БОМБАРДИРОВКОЙ!

Произнося эти слова, Полвин с горечью подумал, что контакт все-таки состоялся, как бы ни тужились они, пытаясь сделать вид, будто ничего не случилось. Нет. Ложь во спасение могла лишь отсрочить Второе пришествие Земли, о которой за многие века привыкли думать как о чем-то далеком и нереальном.

Шрамы на развороченном холме со временем сгладятся, зарастут, а вот в душах людей — нет. Страх останется на Кассии, он будет глодать сердце каждого посвященного, и лишь немногие смогут по-настоящему забыть, не придать значения, жить, как прежде. Но что они могли сделать? Этот человек, который рухнул на их головы в изувеченном корабле, тридцатисемилетний старик с проседью в ежике волос… и глазами, полными ледяного безразличия к собственной судьбе, — он ведь действительно не просил у них помощи для Дабога. Он не просил ничего, но каждый из четырех присутствовавших в больничной палате офицеров, просмотрев полубредовый отрывок его памяти, да даже просто взглянув на него, почувствовал страшную оторопь, будто дохнуло в душу ледяной неизбежностью, и каждый в эту секунду наверняка подумал о семьях, детях, каких-то мелких незаконченных делах, которые вдруг выросли в сознании, стали значимыми… Каждый увидел пустоту в глазах этого поседевшего до времени парня, оглянулся и понял — шаг в сторону, засветка координат Кассии, и этот же безжалостный каток разгорающейся где-то войны раздавит их мир просто так, в назидание другим, более крупным и более значимым колониям, которые, по словам этого человека, тоже не спешили припасть к стопам правительства Земного альянса…

— Оля… мы ничем не можем ему помочь, — тихо, но внятно произнес Полвин. — Хотели бы, да не можем. Если координаты Кассии станут известны, нашему миру конец. Мы слишком малы, беззащитны и незначительны. Нас не нужно завоевывать. Кто помешает сжечь Кассию, чтобы другие были более сговорчивы? Как колония, как стратегический объект — мы ничто.

Ольга сидела бледная как смерть.

Почему-то в этот миг она смотрела не на отца — на Сережку. Молодого, красивого парня в шитом золотом офицерском мундире. А на его месте упрямо плавал другой образ, выхваченный виртуальной памятью шагающей машины и отданный ей в ответ на заданный в мыслях вопрос о том, что такое Дабог…

Она видела его, Игоря Рокотова, правда со спины, так, как запечатлели

видеокамеры «Беркута», — сгорбленный силуэт в промасленном комбинезоне, который сидит между ступоходов машины и смотрит, как в его горячих, живых пока еще ладонях медленно тает радиоактивный снег ядерной зимы…

Разве сонный покой Кассии, по сути, не был куплен этим самым снегом?

Слова отца медленно, как идущие ко дну камни, падали в ее душу, обретая свой законченный, зловещий смысл.

У него не было никого, кроме этого покалеченного корабля, страшного птицеподобного робота и еще… Ольга запнулась в мыслях, не зная, как это назвать, определить ту сумму ощущений, что вынесла она из сумеречных глубин разбитого орбитального штурмовика…

Бывает, что человек внезапно начинает воспринимать чуждые ему ценности как свои. Наверное, нечто подобное сейчас происходило с ней, просто в силу возраста, какого-то присущего всем вступающим в жизнь личностям максимализма, обостренного чувства справедливости, острые углы которой еще не сглажены трудной наукой реальной жизни.

Она была сытой, а он голодным. Она богатой, а он бедным. Она имела все, и ради этого он должен был тысячу раз умереть там, на орбитах далекого Дабога, даже не задумываясь, что делает это в том числе и ради нее, незнакомой девушки, какой-то там Ольги Полвиной, с маленькой, не имеющей никакой ценности планетки Кассия… А нет… не умер, упал на их головы, чтобы навек остаться тут среди людей, что, страшась, отвернутся, сделают вид, что не видели его…

Все это она скорее чувствовала, чем думала.

Страшно… Ей вдруг стало страшно от растущего внутри чувства пустоты…

В словах такого не выразить.

— Оля, быть может, ты не понимаешь? — Голос Сергея с чего-то вдруг приобрел снисходительные, менторские нотки. — Но мы не смогли бы помочь Дабогу даже при всем горячем желании сделать это.

У нас ведь нет ни армии, ни вооружений. Мы маленькая, балансирующая на грани деградации аграрная планетка…

— Я знаю это. — Ольга удивилась тому, как спокойно звучат ее слова. В душе было мутно, нехорошо, но сквозь всю гамму противоречивых чувств она понимала, что не может встать и вдруг осудить своих родителей. Они принимали какие-то решения, оглядываясь на нее, но вот Сергей… Почему он не возмутился? Почему… Почему…

Обед был испорчен окончательно и бесповоротно.

Часть третья Планетарная атака

Глава 11

На траверсе планеты Кассия. Два миллиона километров до границы стратосферы. Борт линейного крейсера «Тень Земли».

Космический корабль, который приближался к планете, был огромен. Его размеры и сужающаяся к носу клиновидная форма могли зацепить за живое самое косное воображение. Словно зловещий черный призрак, крейсер с погашенными навигационными огнями скользил в черной бездне пространства, а за ним, растянувшись на несколько сот километров, тянулся длинный шлейф, составленный из бесформенных кусочков металла, кристаллов замерзшего воздуха, различного мусора… и даже два человеческих тела в разорванных скафандрах присутствовали в этом страшном, похожем на кометный хвост шлейфе.

По правому борту клиновидного крейсера в обшивке зияло несколько уродливых дыр. Одна из них казалась попросту огромной, туда запросто мог влететь небольшой орбитальный челнок… Внутри, в свете установленных по периметру пробоины прожекторов, виднелись перекрученные балки каркаса, фрагмент оборванного коридора, несколько разрубленных взрывами отсеков… Сейчас в районе уродливого отверстия по броне крейсера ползали крохотные человеческие фигурки в скафандрах.

Однако, несмотря на явные повреждения, корабль выглядел более чем зловеще. Линейный крейсер «Тень Земли» мог послужить отличным образчиком технологий XXVII века, — его темная, многокилометровая, клиновидная конструкция была сплошь усеяна выступами вращающихся параболических антенн, вздутиями надстроек, плотно смеженными створами вакуумных шлюзов, закрытыми диафрагмами стартовых электромагнитных катапульт…

Отдельное место по боковым скатам обшивки занимали огромные суппорты, по которым в космос во время боя выдвигались циклопические башни орудийно-лазерных комплексов «Прайд»…

Сейчас это электронно-механическое чудовище медленно, но неуклонно приближалось к голубоватой дымке облаков, что стыдливо прикрывали собой девственное лоно безымянной планеты…

Безымянной для тех, кто пришел извне, из черных глубин космического пространства…

В рубке крейсера царил мягкий сумрак, в котором силуэты людей скрадывались, казались незаметными на фоне тускло сияющих мониторами

компьютерных терминалов. Полусферический зал площадью около трехсот квадратных метров вмещал в себя десятки отдельных постов управления — здесь располагался нервный центр огромного крейсера.

Та часть рубки, что в данный момент была обращена к планете, казалась прозрачной — такую иллюзию создавали сотни плотно пригнанных друг к другу стеновых и потолочных экранов внешнего наблюдения. На фоне бездонного мрака космического пространства резко выделялась своими огнями подковообразная консоль, возле которой были установлены три комфортабельных противоперегрузочных кресла.

Из-за высокой спинки центрального из них в данный момент торчала седеющая макушка пожилого человека, который носил по-военному короткую стрижку. Перед ним на плоском экране монитора нервно взмаргивал крохотный трепещущий огонек.

Бывший адмирал Третьего ударного флота Земного альянса Тиберий Надыров неотрывно смотрел на него, словно пытался разглядеть в этой крохотной точке свою судьбу. При этом губы Тиберия были плотно сжаты, резко очерчивая сухие азиатские скулы.

Неудачи преследовали его, но если после провального десанта на Дабог, который состоялся восемь месяцев назад, пошатнулась лишь карьера Тиберия, то теперь вся его жизнь висела едва ли не на волоске.

Впрочем, не в привычках адмирала было сетовать на судьбу и сыпать проклятиями в адрес своих врагов. При всей своей жестокости Надыров умел уважать мужество противника — возможно, это качество, как и задатки полководца, пришли к нему вместе с генами, чьи корни, очевидно, восходили к туманной эпохе необузданных воинов Чингисхана…

После того как Надыров потерпел полное фиаско в системе Дабога, он, стараниями Нагумо, оказался смещен с должности командующего флотом, сохранив за собой лишь звание адмирала и «Тень Земли»…

Для честолюбивого Тиберия это был жестокий удар.

Будучи, в отличие от своего командующего, солдатом, а не политиком, Надыров тяжело переживал поражение и откровенно жаждал реванша. И он добился своего — в ставке нашлись люди, которые не меньше, чем Тиберий, недолюбливали удачливого, хитрого, безжалостного и скользкого как угорь Нагумо.

Именно их стараниями получилось так, что опальному адмиралу был предоставлен тот самый шанс, о котором он мечтал.

После поражения, показавшего, сколь несостоятельны были принятые на вооружение Земли боевые планетарные машины в бою против вооруженных горнопроходными лазерами шагающих агротехнических

исполинов Дабога, промышленность Альянса, а особенно военно-промышленный комплекс были срочно переориентированы на создание собственных моделей шагающих машин, прототипом для которых послужил легендарный «Беркут».

О нем и его пилоте Игоре Рокотове к тому времени уже было известно достаточно много. Атаки на Дабог продолжались, количество видеоматериалов накапливалось, появились первые пленные, в ходе наземных боев оказалось захвачено несколько архивов колонии, прояснивших некоторые вопросы истории Дабога и поведавших земным конструкторам о тех условиях, в которых формировалась техническая мысль создателей «Беркута» и других подобных ему машин…

Результат не заставил себя ждать. Земле понадобилось полгода, чтобы вывести на полигон свои аналоги шагающих монстров.

Через семь месяцев после первой атаки на Дабог их уже поставили в серию.

Тиберий жаждал реванша, и в результате он получил свой шанс. Стараниями земных союзников Надырова именно его корабль был укомплектован пятью первыми механизированными дивизионами серв-машин.

Крейсер должен был возглавить новую, решающую атаку на Дабог… Но случилось непредвиденное — какой-то самоубийца из числа колонистов вырвался в район высоких орбит, где маневрировал поврежденный несколькими ракетными попаданиями крейсер Надырова, и умирая, включил свой гипердрайв всего в полутора сотнях километров от потерявшего маневренность исполинского корабля…

Надырову казалось, что он никогда не забудет тот жуткий миг, когда ослепительная вспышка гиперперехода расцвела на всех обзорных экранах «Тени Земли» и крейсер потянуло, поволокло в черную воронку аномалии космоса, взвихрившуюся на орбитах проклятого Дабога…

Крейсер уцелел, но он вслед за кораблем-самоубийцей был вынужден совершить слепой рывок через гиперсферу…

Надыров не знал, куда вышвырнула их проклятая изнанка пространства-времени…

— Сэр, данные по навигационной обстановке… — доложил интерком.

Тиберий поднял взгляд, посмотрел на долгожданные цифры, и его лицо впервые просветлело за те трое суток, в течение которых поврежденный крейсер, вырвавшись в трехмерный космос, медленно полз к третьему планетоиду безымянной системы, одновременно залечивая нанесенные ракетным ударом раны.

Его навигаторы наконец определили координаты точки выхода. Это… Надыров покосился на тактический монитор, отражавший объемную карту участка космического пространства, — это всего в трех световых годах от Дабога!..

Удача, похоже, соизволила улыбнуться ему. По крайней мере теперь его крейсер в состоянии совершить обратный прыжок… Вот только стоит ли делать это немедленно?

Тиберий посмотрел на трепещущий огонек, который обозначал работающий радиомаяк спутника, расположенного на орбите безымянной планеты.

Это был очень древний радиомаяк.

Планета и по внешним признакам казалась обитаемой и так же, как проклятый Дабог, не имела на своих орбитах ничего, кроме этого старого радиомаяка, конструкция которого явно свидетельствовала в пользу эпохи первых колониальных транспортов. Никаких орбитальных станций, космических кораблей или иных конструкций, что говорили бы о высоком уровне развития технологий обитавших внизу людей.

Там скорее всего была расположена одна из деградировавших колоний времен Первого рывка, когда сотни колониальных транспортов покинули Землю в поисках лучших миров.

Нет… Вернуться сейчас — значит отдать себя на посмешище, на растерзание этому шакалу Нагумо… Он растопчет меня за срыв атаки Дабога… Он сделает это с удовольствием…

Надыров опять посмотрел на экран.

Эта планета — мой шанс… — наконец рассудил он после некоторых, вполне оправданных в его положении колебаний.

Нужно сказать, что Тиберий Надыров был чужд предрассудкам, — он не верил ни в бога, ни в дьявола, ни в аллаха, но сейчас, когда на карту вдруг оказалась поставлена уже не столько его жизнь, сколько честь (в сугубо личном восприятии данного термина), он мысленно молил, чтобы там, внизу, под пухлой шапкой атмосферы действительно обнаружилась жизнь — поселение, город, колония, страна — что угодно. Тиберию были безразличны ее размеры, этнический состав и прочие нюансы — он знал, что больше не будет проколов, он просто возьмет эту планету и швырнет к ногам Всемирного правительства… Только так он сможет сгладить, оправдать срыв второй атаки на Дабог. Только доказав боеспособность вверенных ему сервосоединений, проведя с их помощью полноценную акцию захвата планеты, он сможет вновь предстать пред высшим командованием Альянса, только уже как победитель, которого не судят…

— Сэр… — нарушило ход его мыслей осторожное обращение вахтенного офицера. — Поступила дешифровка сигналов со спутника. Теперь мы знаем, кто они и что это за поселение… — В голосе офицера прозвучали нотки, заставившие сердце Надырова сжаться от непонятного предчувствия.

— Что, все так плохо, офицер? — не сумев скрыть раздражения, спросил он, протягивая руку за электронным планшетом.

— Трудно судить, господин адмирал… — зная характер Тиберия, уклончиво ответил тот. — Это может оказаться подарком судьбы, а может обернуться сущим адом, худшим, чем Дабог… У каждой медали есть своя оборотная сторона…

Еще более раздраженный таким ответом, адмирал вырвал планшет из рук новоявленного философа. Одно упоминание термина «Дабог» действовало на его уязвленное самолюбие, как пригоршня соли, брошенная на свежую рану.

— Свободен, — резко ответил он оторопевшему офицеру.

Подождав, когда тот отойдет, Тиберий углубился в чтение снятой со спутника информации.

Через минуту он поймал себя на мысли, что вахтенный был прав, — эта планета, судя по информации со спутника, уже сейчас готова пасть к его ногам без малейшего намека на сопротивление, и в то же время… она таила в себе некоторую опасность…

«Сплошной змеиный клубок…» — подумалось ему.

* * *

Спустя полчаса Сергей засобирался домой.

Полвины вышли проводить его на крыльцо. Наступал тихий, прохладный летний вечер. На темнеющем небе уже зажглись первые звезды, сплетая замысловатые узоры созвездий.

Наверное, он смотрит в наше небо и не узнает в нем ни единой звездочки… — отстраненно подумала Ольга об Игоре Рокотове, которого никогда не видела да и не надеялась увидеть воочию… — Да и мне не хотелось бы встречаться с ним, смотреть в его глаза… — продолжала думать Ольга, пожимая тем временем горячую и влажную ладонь Сергея.

Они обменялись какими-то ничего не значащими банальными фразами. Сергей развернулся и пошел к тропинке, которая уводила в лес, петляла мимо памятного холма, под которым располагался АХУМ, потом выводила к расположенной в двух километрах южнее усадьбе Лисецких, и шла дальше, через мостик, за Вереженку, к усадьбе Ворониных.

В другое время она бы вызвалась отвезти Сергея домой, — дураку было понятно, зачем он махал пешком добрые шесть километров, но сегодня ей не хотелось этого делать, и Ольга с некоторым внутренним стыдом признала, что рада сложившимся в ее пользу обстоятельствам, — верный своим обязанностям Степ как раз демонстративно выгнал порядком помятый «Волмар» из гаража и возился с ним в свете двух переносных рефлекторных ламп.

— Извини, Сереж, видишь, что стало с машиной… — поражаясь собственному лицемерию, произнесла она ему вслед.

Сергей остановился уже за калиткой.

— Да ничего, тут близко, — ответил он из темноты. — Разомну ноги да заодно зайду поздороваюсь с Кириллом Александровичем.

* * *

Никто не подозревал, какой богатой на события окажется эта ночь.

Шагая по лесной тропинке, Сергей Воронин думал об Ольге. Вокруг шумели, сливаясь в монотонный гул, потревоженные легким ветерком макушки могучих сосен. Изредка в прорехах их разлапистых крон можно было увидеть фрагменты звездного неба.

У АХУМа Сергей остановился, достал сигареты. Прикуривая, он посмотрел на небо, и ему внезапно показалось, что целый рой звездочек сорвался вдруг со своего места и падает вниз…

Сморгнув, он вновь посмотрел туда, но в прорехе между крон не было видно ничего, кроме набегающего темного облачка.

Наверное, ослепило зажигалкой… — подумал он, сворачивая к усадьбе Лисецких.

…Дома у Полвиных погас свет. Остались гореть лишь две рефлекторные лампы во дворе, при свете которых Степ возился с машиной.

В спальне родителей не горел даже ночник.

Николай Андреевич сидел на краю широкой кровати, глядя в окно, за которым расплескалась ночная мгла.

Рука жены мягко легла ему на плечо.

— Не упрекай себя, Коля. Ты объяснил ей то, что смог. Оля неглупая девочка, она поймет. Ты же знаешь, чтобы оправиться от АХУМа, почувствовать, что ты привязан к этой земле, нужно время. Наше космическое прошлое не играет уже никакой роли. Мы ведь живем здесь и сейчас, верно?

Николай Андреевич медленно кивнул, прижавшись щекой к пальцам жены.

— Оля поймет, что ее счастье здесь… Ты был прав — мы слишком малы, ничтожны, чтобы перетянуть чашу весов на чью-либо сторону, а вот сгореть, исковеркать жизни наших детей — запросто…

— Не по себе мне, Машенька… — вдруг признался Николай. — Он ведь тоже чей-то сын… Страшно подумать — целая планета… в пепел…

— Послушай, а может, ему станет хорошо тут у нас, на Кассии?

— Сомневаюсь… — негромко ответил Николай, поглаживая руку жены. Понимаешь… он… он уже не такой, как мы. Внутри у него что-то другое, непонятное. Смотришь ему в глаза, а там… пустота, понимаешь? Говорит, как все мы, с виду человек как человек, а глянет, улыбнется — и мороз по коже…

— Господи… — вздохнула Мария. — Коля… А может, давай уедем? Заберем Олю и махнем на острова? Помнишь, как в прошлом году?

— Можно… — Николай пожал плечами, потянулся к тумбочке, 'на которой лежала початая пачка сигарет. — Выйду покурю. А ты собирайся, — внезапно добавил он.

— Ты что? Куда собираться?

— Уехать нам надо. Оставить Ольгу на пару недель хозяйкой, а самим уехать.

— Да ты с ума сошел?

— Нет, не сошел. Пусть почувствует, что такое земля, ответственность. Ей надо это ощутить, то, что она тут хозяйка, это ее дом, ее жизнь. Оля не ощущает своей ответственности, не понимает, что выросла. Она продолжает играть в детство.

— Но почему сейчас?

— Потому что завтра опять начнутся разговоры, прения, — хмуро ответил старший Полвин. — Маша, пойми, в ней сейчас максимализма — во! — Николай раздраженно чиркнул себе ребром ладони по горлу. — Не хватало нам поссориться… — невесело добавил он и вдруг сообщил: — Я поговорил с Сергеем, он будет навещать ее каждый день. Заодно отношения свои выяснят.

Жена грустно посмотрела на него, кивнула, соглашаясь с логикой, которая прозвучала в словах Николая, но в душе противилась, не хотела…

— Нет, Коля, я, конечно, понимаю, но почему ночью, тайком? — спросила она.

— Так будет лучше, — отрезал Николай. — Она должна понять, что для нее значим мы, этот дом, наш уклад жизни. Маленькое потрясение учит ровно так же, как и большое. А свой отъезд объясним ей просто — вызвали нас в город, срочно. Прямо посреди ночи. Такое ведь уже бывало, верно?

— Бывало…

— Ну так собирайся. Часа тебе хватит, надеюсь?

* * *

Рой падучих звезд, что промелькнул в сереющем вечернем небе за спиной Сергея Воронина, был не чем иным, как группой спускаемых аппаратов, выпущенных с борта линейного крейсера «Тень Земли».

Военная техника никогда не признает ни комфорта, ни какой-либо заботы об окружающем ее мире. Чаще всего конструкции военного плана ориентированы исключительно на функциональность.

Пять тяжелых раскаленных аппаратов, чья обшивка светилась малиновым жаром и облетала черными хлопьями отслаивающегося покрытия, с тяжким, равномерным стоном покалеченной земли вонзились в почву, один за другим, так что лязгнули зубы у заключенных внутри людей, полетел дымящимися ошметьями выбитый тяжкими ударами лесной дерн, с треском повалились, ломаясь как спички величественные сосны, которые глухой стеной стояли по краю избранной для посадки лесной поляны, и жадный огонь тут же занялся, голубыми чертиками переметнувшись с раскаленной обшивки спускаемых аппаратов на тщательно оберегаемый людьми лес…

Впрочем, разрастись лесному пожару не дали.

Огонь злобно метнулся по низу, мгновенно набирая гудящую силу, расходясь пятью палеными кругами от врезавшихся в поляну модулей, но сколь ни стремителен был его порыв, дорваться до поваленных посадкой сосен ему не удалось, — в башенных выступах спускаемых аппаратов тут же открылись диафрагменные сопла, и тугие струи пены щедро ударили вокруг, сбивая не успевшее набрать силу пламя.

Лес стоял вокруг глухой, мрачный, смыкаясь недоброй сумеречной стеной вокруг поляны, на которую уже возвращался полночный мрак. Люди впервые пришли сюда не с добром, и казалось, что деревья чувствуют это.

Те, кто погасил пожар, заботились не о лесе. Они действовали исключительно ради маскировки.

Минуту или две над поляной стояла мертвая, ненатуральная тишина, в которой был слышен лишь отдаленный плач перепуганной пичуги. Потом что-то щелкнуло, и пространство вокруг врезавшихся в землю модулей залил белый прожекторный свет.

Глухая стена деревьев не пустила его дальше границ поляны.

Спасенный лес работал на пришлых, не давая увидеть со стороны, что же творится тут, вобрав меж своих стволов достаточно тьмы, чтобы скрыть

место посадки… Сверху, у самых макушек старых сосен, что-то замерцало — это бортовые системы ведущего модуля выбросили фантомный экран, — теперь над поляной отсутствовало даже зарево, — свет включившихся прожекторов потерялся, наглухо скрытый маскировкой…

Пять тяжелых десантных модулей возвышались над покрытой клочьями желтой пены почвой, словно небрежно оброненные сюда с темных ночных небес исполинские яйца легендарной птицы Рух…

Потревоженный лес нервно шумел, роняя хвою, словно ждал — что же за птенцы вылупятся из этих зловещих яиц?..

Ждать оставалось совсем недолго.

Обугленный дерн поляны еще впитывал в себя желтоватую пену, когда с дребезжащим звоном отскочили замки аппарелей и броня пяти исполинских яиц вдруг начала трескаться, расходясь остроугольными сегментами…

Основу каждого «яйца» составлял толстый стержень десяти метров в длину и около метра в поперечнике. Обшивка модулей продолжала расходиться в разные стороны, ложась на дерн лепестками-сходнями, только донце каждого из пяти «яиц» и соответственно макушка оставались неподвижны. Вверху находилась кабина управления, внизу — силовая установка. Свободный объем внутри спускаемого аппарата был отдан под полезный груз, который располагался на шести остроугольных площадках, примыкавших своими вершинами к монолитному центральному стержню.

В ярком свете прожекторов на поляне происходило зловещее таинство, какого не видели тут с того момента, как три с половиной века назад на материк опустилась сверкающая сфера колониального транспорта…

…В рубке управления боевой серв-машиной нежным, голубым светом вспыхнули экраны центральной консоли, и тихий, идущий из ниоткуда голос доверчиво сообщил пилоту:

— Активированы функции серводвигателей. Тестовая проверка займет минуту десять секунд…

Этот голос не был характерен для бортового компьютера. В рубках, приходя в себя после динамического удара, вызванного достаточно жесткой посадкой, вяло шевелились пилоты. Все они были такими разными, что их объединение в боевую группу казалось случайностью. И такими же разными, не похожими друг на друга оказались запрограммированные голоса их машин.

— Шевелитесь, ублюдки! — внезапно раздался по каналу общей связи хриплый, надтреснутый голос лейтенанта Сейча. — Растащились,

смотреть тошно!.. — грубо прикрикнул он, подавая пример своим подчиненным. Его машина первой приподнялась, распрямляя поджатые, как ноги кузнечика, ступоходы, и, нервно завывая двигателями, спустилась по выдвинутой аппарели на обугленный дерн поляны.

Андрей Рощин (это его бортовому компьютеру принадлежал тихий, доверчивый голос) огляделся вокруг, щелкнул несколькими переключателями на расположенных перед ним скошенных консолях управления и произнес в укрепленный на ободке мягкого шлема коммуникатор:

— Ноль-семь закончил тест. Начинаю движение.

Рубка серв-машины чуть покачнулась; внизу, под креслом, с тихим воем заработали гироскопы. Бледно вспыхнуло поле пассивной защиты, обозначив свой контур призрачным, неживым светом, какой иногда можно заметить на старых кладбищах возле осыпавшихся могил.

Андрею было немного не по себе. Ведь он впервые ступал на землю живой планеты…

У каждого, даже у захватчика, есть своя жизнь, своя судьба…

* * *

…Со спутников Юпитера хорошо видны звезды.

Андрей Рощин, заключенный под номером 12/64, имел возможность смотреть на них только урывками, украдкой, когда конвоир каждое утро проводил их группу по коридору тюрьмы от одной бронированной двери, за которой оставались камеры, до другой, где начинался спуск вниз, в печально знаменитые шахты Ио…

Этот коридор длиной в пятьдесят шагов являлся единственным помещением тюрьмы, где присутствовали окна. Побега тут не опасались — за толстым тройным стеклом царил вакуум. Да и будь там атмосфера — что толку? Куда побежишь на пустынном маленьком спутнике? Как выбраться с него, не имея ни документов, ни цивильной одежды, ни денег? Да и к чему?

Конечно, мечта о свободе жила, наверное, в душе каждого из заключенных. О себе Рощин не мог сказать наверняка, он не знал, что это такое — свобода. Жизнь, протекающая вне стен этой тюрьмы, смутное представление о которой Рощин имел со слов других заключенных, попавших сюда с этой самой пресловутой «свободы», не казалась ему красивой и притягательной. Иногда, размышляя во время бессонницы о «свободном» мире, Андрей приходил к удручающему выводу: внешний мир тоже являлся своего рода тюрьмой, местом беспросветного заключения для

миллиардов людей, мнящих себя «свободными».

Впрочем, его философия, естественно, никого не интересовала. Даже тюремного психоаналитика, который снисходил до заключенных, лишь когда те переходили черту явного помешательства. Рощин же оставался вменяем, даже более того — неплохо работал, «отбивая» те деньги, которые, по словам надзирателя, были вложены в его обучение Всемирным правительством.

Андрей являлся оператором виртуальной связи. Он управлял огромной рудодобывающей машиной, которая ползала по узким, прогрызенным ею же самой штрекам, на глубине около километра от поверхности планетоида.

На взгляд Рощина — работа нудная, неинтересная, но зато безопасная. Другим, кто попал сюда позже, везло в значительно меньшей степени. Люди, разгребающие отвалы шахт, работали в скафандрах старого образца, в основном списанных и плохо пригодных к употреблению. Смертность в тюрьме была чрезвычайно высокой, но это никого не волновало. Заказать новую партию заключенных иногда оказывалось проще, чем добыть сносные запчасти для работающей снаружи техники, и на смертность попросту закрывали глаза.

За годы, проведенные в тюрьме, Андрей привык к ней, как к своему родному дому. Смутные воспоминания детства истерлись, потускнели, затем постепенно исчезли совсем. И только звезды, на которые ему удавалось взглянуть из окна коридора, что-то будили в смирившейся с неизбежностью душе молодого заключенного.

Он думал о них, сам не отдавая себе отчета, — зачем и почему. И конечно, никак не мог помыслить, что когда-то сможет полететь к ним…

…Когда в неурочный час сухо клацнул электрозамок камеры и на пороге появился охранник в сопровождении незнакомого офицера в странной, пугающей униформе мышиного цвета, Андрей оторопел. Он хорошо выполнял свою работу, но все равно его прошиб ледяной пот при виде этого странного субъекта, за спиной которого почтительно топтался охранник.

Что я такого сделал?!.. — Эта мысль паническим эхом метнулась в голове и тут же угасла под испытывающим, угрюмым взглядом незнакомца.

— Андрей Рощин? — Он заглянул в объемную глубину стереопланшета, который держал в руке. — Приговорен к пожизненному заключению по факту незаконного рождения?

— Да, сэр… — Андрей растерялся, совершенно сбитый с толку таким полувопросительным, скупым перечислением тех сведений о себе, знанием

которых мог с уверенностью похвастаться.

— Правительство Джона Хаммера подписало указ о твоем досрочно-условном освобождении с обязательным призывом на воинскую службу. Собирай вещи… криво усмехнулся он.

Андрей стоял как столб, совершенно ничего не соображая.

— Он что, тормоз? — резко осведомился офицер, смерив Рощина презрительным взглядом и обернувшись к охраннику. — Кого вы мне подсовываете, мать вашу?!

— Извините, сэр, это лучший специалист по управлению серв-машинами в нашей тюрьме! — Охранник злобно и недвусмысленно посмотрел на Рощина. — Он сейчас придет в себя… Одну секунду, сэр!..

Андрей интуитивно понял — нужно подчиниться. Одного он не мог взять в толк, что значит «собирайся»? Все имущество, которым дозволено было владеть заключенному, составляла одежда, а она находилась на нем. И при чем здесь упоминание о серв-машинах и совсем уж неуместное в данной ситуации слово «тормоз», явно отпущенное в его адрес?..

— Я готов, — спокойно произнес он, предупредив грубый окрик служащего тюрьмы, выступившего из-за спины незнакомого офицера.

Тот смерил его недоброжелательным взглядом, в котором читалось злорадное предвкушение.

— Ты что, не рад? — внезапно спросил он. — Тебя выпускают на СВОБОДУ, понял?

Андрей кивнул, одновременно пожав плечами.

Офицер, искоса наблюдавший за этой сценой, вновь перевел злой вопросительный взгляд на охранника.

Служащий тюрьмы отвернулся от Рощина и тихо произнес:

— Сэр, вас никто не обманывает. Это действительно очень грамотный специалист. У него высшая категория допуска к управлению механизмами по системам виртуальной связи. Просто он не понимает, о чем идет речь.

— То есть как «не понимает»? — хмуро переспросил тот. — Мне казалось, что каждый заключенный мечтает вырваться на волю. Или это не так?

— Все правильно, сэр. Но посмотрите на статью приговора.

— Да, я читал. Незаконное рождение. Его мать должна была сделать аборт, но не стала.

— Вот именно, сэр. Его привезли к нам в пятилетнем возрасте.

На лице офицера наконец отразилось понимание сути того, что пытался втолковать ему охранник. Обернувшись к Рощину, он еще раз оценивающе взглянул на него и внезапно усмехнулся:

— Ну что ж, парень, тебе повезло. Теперь ты узнаешь, что такое НАСТОЯЩАЯ жизнь.

Андрей снова хотел пожать плечами, но не стал. В его молчаливой покорности присутствовало непонятное офицеру здравое, рациональное начало. Тюрьма тоже научила его кое-чему. Поживем — увидим, говорили его глаза с мелкой сеточкой разбегающихся по углам морщинок.

За шестнадцать лет заключения он привык делать выводы только из конкретных, неоспоримых фактов…

* * *

…Через минуту или две все пространство поляны напоминало собой развороченный механический муравейник: огромные серв-машины, исчадия высоких технологий военно-промышленных комплексов Земли, в тесноте спускались с аппарелей, выворачивая центнеры земли трехпалыми ступоходами, нервно вспыхивали соприкасающиеся защитные поля, визгливо всхлипывали приводы, глухо вибрировала броня…

Наконец в механической толчее наметился какой-то порядок — машины образовывали звенья, делясь на тройки.

Аппарели посадочных капсул начали закрываться, смыкая лепестки в непробиваемый монолит обшивки, и через некоторое время на поляне опять возвышались пять исполинских «яиц» с шершавой, шелушащейся окалиной броней.

Головная серв-машина исчезла во тьме.

Вслед за ней двинулось первое звено, за ним второе, третье повернуло правее, четвертое влево, и пошло… пошло…

Поляна начала пустеть. Темный лес, меж стволов которого гнездился мрак, проглатывал многотонные шагающие машины, и лишь визг серводвигателей некоторое время еще доносился из чащи, обозначая направление, в котором скрылся механический легион захватчиков.

Глава 12

Усадьба Полвиных. Одиннадцать часов вечера.

Ольге этой ночью не спалось вообще. Она честно погасила свет, разделась, легла в постель, но не чувствовалось в теле той сладкой истомы, которая предполагает возможность быстро и приятно отойти в мир снов.

Наоборот, стоило закрыть глаза, как в голове одна за другой начинали возникать разные мысли. И что хуже всего, этим злополучным вечером в ее сознании толклись вопросы, на которые никак не находилось нормального, понятного ответа…

Через полчаса, измяв подушку, скомкав одеяло, она не выдержала.

В эту ночь все казалось чужим, раздражающим. Даже попискивание электронных часов, отмечавшее каждые прошедшие тридцать минут, и то вызывало внутренний протест.

Лежать, слушая тишину, в которой тонкий зуммер исправно отмечал некие временные вехи, оказалось невыносимо. В первый раз она столкнулась с таким явлением, как бессонница, и это состояние показалось ей ужасным…

Ольга откровенно не понимала — что происходит с ней?!. Почему внутри нет прежнего покоя? Почему жизнь, казавшаяся такой понятной и приятной, вдруг стала удивительно похожа на скомканную простыню?

Неужели причина в этом роботе, корабле? Или она мучается оттого, что электронная машина показала ей частичку собственной памяти, бесстрастную видеозапись далеких событий, к которым она уж точно не причастна никоим образом?..

Нет… Не годится. Простыня опять доползла на голову, но ей оказалось не под силу сыграть роль глухой стены, отгораживающей сознание от реальности… Дело было не в том. Не события, пусть страшные, непонятные, смущали душу, а реакция на них… Реакция близких, знакомых людей, которым привыкла верить, вернее, доверять…

Она не хотела больше думать об этом, но мысли никак не желали подчиниться ее воле. Где логика в ее словах, чувствах, поступках? Что за странное искушение вдруг овладело ее разумом?

Не разумом, а душой… — неожиданно для самой себя подумала Ольга, решительно выпутавшись из-под простыни.

Пол приятно холодил босые ступни ног.

Она не хотела пребывать в таком состоянии раздвоенности. Это было

противоестественно для нее, ненормально, гадко…

Может быть, я чего-то не поняла? Пропустила что-то важное, значимое, а теперь пытаюсь погрешить на других?

Открыв встроенный в стену шкаф, она бесцеремонно отодвинула вешалки с платьями, достала спортивный костюм и стала одеваться. Обув кроссовки, по привычке подошла к зеркалу, но свет зажигать не стала — просто взглянула на отразившийся в нем смутный силуэт своей фигуры, машинально провела рукой по непослушной прядке волос, потом решительно повернулась, отворила окно и выскользнула на улицу, удивляясь собственному безумству.

С той стороны дома по-прежнему сияли две лампы. Там звенели гаечные ключи в руках Степа, что-то несколько раз со скрипом повернулось вокруг оси. Не знающий устали дройд возился с ее машиной.

Крадучись Ольга прошла сквозь сад, на секунду остановилась около низенького забора, потом перелезла через него и углубилась в лес по едва приметной во мраке тропинке.

Она знала, что ей потребуется не больше часа, чтобы напрямую добраться до цепочки пологих холмов, в гребне одного из которых застрял космический корабль. Больше того — она знала, зачем идет туда.

Только сейчас, шагая по знакомой с детства лесной тропинке, Ольга наконец поняла, почему она не могла не уснуть.

На самом деле думая о себе, жалея себя (совершенно недопустимое недоверие, вранье, снисходительная полуправда со стороны родителей была обидна своей незаслуженностью), мысленно споря с отцом, приводя ему какие-то доводы, она постоянно думала об этом странном, случайно встретившемся на ее пути понятии «Дабог». Он ничего не значил в ее жизни, и она, конечно, не могла изменить политику Кассии в отношении происходящих на других планетах событий — более того, она не была до конца уверена в том, что данное решение неправильно…

Кассию действительно могли раздавить, оккупировать, сжечь — сделать с ней все что угодно. Но эти термины не находили отклика в ее душе. Она не могла содрогаться от таких мыслей, потому что в ее жизни не было места подобным прецедентам. Понять и почувствовать, что это такое, она могла только там, в этом потертом, отдающем запахом чужого пота нейросенсорном кресле.

Ольге казалось, что ее ночным порывом движут именно эти чувства. Прежде чем судить, она должна понять…

Занятая своими мыслями, она все дальше углублялась в лес и не слышала, как по идущему параллельно шоссе низко, утробно проурчал

мотор отцовской машины.

Ночь смыкалась за ней плотным, черным саваном тьмы.

* * *

Механические воины шли ровной цепью.

Их разделяли стволы деревьев, звук серводвигателей отражался от них, эхом метался по прогалинам и глох в закоулках лесных чащоб.

Лейтенант Сейч вел свой «Фалангер» вдоль опушки. На целевом мониторе было пусто, только зеленая сетка компьютерного рельефа медленно ползла от одного среза экрана к другому. Здесь не было целей, да и не могло быть, судя по данным орбитальной разведки. Захолустный, полудеградировавший мирок брать такие планеты, наверное, одно удовольствие, они сами, как перезрелый плод, падают в протянутые руки.

На приборной панели слева от кресла внезапно и настойчиво заморгал огонек. Это был индикатор связи. Вызов шел из космоса.

— Сержант Петч!

— На связи… — тут же отозвался коммуникатор.

— Двигаться в прежнем направлении. Временно прими командование взводом. Я собираюсь отлить.

— Да, сэр…

Джон скинул скорость, и его серв-машина с затухающим воем приводов остановилась на небольшой темной прогалине меж высоченных сосен. Индикатор вызова продолжал мигать. Сейч еще раз взглянул на целевой монитор. Пусто. Только цепь из пяти точек медленно удалялась, продолжая свое движение на север.

Убедившись, что вокруг по-прежнему царит спокойствие, лейтенант коснулся нескольких сенсоров на пульте.

В плоском корпусе машины, которая сейчас походила на прильнувшую к земле исполинскую жабу, которой некто из своих соображений прилепил ноги кузнечика, открылся диафрагменный люк, откуда с характерным визгом поднялась компактная система связи. Будто выгнутый в обратную сторону зонтик, с шелестом раскрылась небольшая параболическая антенна. Управляющий ею привод несколько раз повернулся, нацеливаясь в небо, и застыл.

Сейч включил автоматическую подстройку частоты. Через несколько секунд в коммуникаторе сдавленно пискнула серия позывных и послышался характерный переливчатый скрежет, будто водили ржавым куском железа по стеклу, — это два компьютера обменивались данными, выясняя полномочия для связи.

— Земля-один, вы меня слышите?

— Да. Превосходно.

— Оставайтесь на приеме, с вами будет говорить командующий.

— Понял. Жду.

Прошло не больше десяти-пятнадцати секунд, прежде чем он услышал немного искаженный компьютерными системами голос адмирала Надырова:

— Здесь «Тень Земли», кто на связи?

— Лейтенант Сейч, сэр!

— Как обстановка? — поинтересовался адмирал. Сейч на всякий случай еще раз покосился на мониторы.

— Все тихо, сэр. Никакого движения. В этом полушарии сейчас ночь. Все местные мышки сидят тихо по своим норкам.

— Хорошо. А теперь слушай внимательно, лейтенант. Эта планета, как ты, наверное, уже заметил, — маленький, загнивший Эдем. Нам ничего не стоит сровнять их с землей, но, к сожалению, мы не можем раз за разом повторять схему Дабога. В конце концов, нам нужны живые планеты, а не куски шлака.

Сейч облизнул пересохшие губы. Хорошенькое начало, нечего сказать…

— Да, сэр. Я понимаю.

— Надеюсь на это, — ответил коммуникатор. — Однако Дабог научил нас кое-чему, верно? Так вот… — Голос адмирала стал сухим, официальным. Орбитальная разведка обнаружила на территории материка сеть отдельно стоящих бункеров. Нам неизвестно их предназначение, начинка, вообще ничего. Это может оказаться простыми хранилищами, а может обернуться сущим адом, как на Дабоге, ты улавливаешь, лейтенант?

— Да, сэр.

— Превосходно. Рядом с тобой, в двух километрах к югу, расположена ферма, недалеко один из интересующих нас бункеров. В доме проживает небольшое семейство — мать, отец и дочь. Сведения почерпнуты из компьютерных баз данных через спутник связи. У них дрянная защита. Технологии вековой давности. Где-то поблизости расположен так называемый АХУМ — тот самый интересующий меня бункер. Ни техникам, ни лингвистам непонятна данная аббревиатура. Скорее всего это просто какое-то хранилище, но проколы недопустимы, — я должен знать все наверняка. Твоя задача — овладеть фермой, выяснить назначение бункера и по возможности лично осмотреть его содержимое.

— Так точно, сэр! — ответил Сейч, ощутив пауз в разговоре.

— Давай действуй. Выйдешь на связь, когда во будет готово.

В недрах пульта что-то щелкнуло. Прямая связь с Надыровым отключилась.

Несколько секунд Сейч сидел, не меняя позы. Огонек на индикационной панели продолжал судорожно моргать — это процессор его машины загружал полученную с орбиты подробную карту местности.

Лейтенант заметно волновался. Ему предстоял первый настоящий, не учебный бой, в котором он наконец узнает, что стоит его серв-машина и все навешанное на нее вооружение.

Сейч вдруг ощутил волну приятной нервной дрожи. Оказывается, он подспудно ждал, хотел этого…

Взявшись за ручки управления, он выпрямил ступоходы «Фалангера» и послал его вперед, туда, где на срезе экрана уже исчезали растянувшиеся цепью точки.

* * *

Было приблизительно начало первого часа ночи по местному времени Кассии, когда Сергей Воронин, немного не дойдя до усадьбы Лисецких, вдруг решительно повернул обратно, к дому Полвиных.

В его голове роились невеселые мысли. Он откровенно не понимал, что случилось с Олей, какая кошка вдруг пробежала между ними? Неужели во всем повинен этот треклятый инопланетник с Дабога, появление которого принесло на Кассию много различных беспокойств и неурядиц?

Зачем ждать до завтра? — с присущей молодости горячностью думал он, поворачивая назад. Ведь Николай Андреевич предупредил, что они с женой уедут в город, оставив Ольгу править хозяйством. Сергей чуть прибавил шаг, предвкушая, как сейчас удивится Ольга. Он просто вернется и честно, напрямую спросит у нее — что случилось?

Утвердившись в своем решении, Сергей зашагал еще быстрее.

* * *

Ольга в этот момент вышла на опушку леса, как раз напротив того холма, в склон которого врезался космический корабль.

Издали холм выглядел темной, смутно прорисованной громадой возвышенности, на фоне которой невозможно было заметить очертаний космического пришельца.

Странно… — подумала она, напряженно вглядываясь в кромешную тьму. Почему не горят огни по периметру оцепления? Когда она приезжала сюда днем, то голубые и красные лампы горели в полный накал, обозначая

границу некоего круга, в центре которого, на склоне, лежал корабль.

Преодолев минутную робость, она пошла по направлению к холму. Сейчас, под звездным небом, весь ее душевный порыв как-то угас, а стремления, что провели ее через лес, казались чуть ли не идиотскими.

Хотя поворачивать назад было поздно. Зачем? Чтобы потом мучиться догадками типа: А что было бы, если б я тогда не испугалась… Нет уж. Раз пришла, значит, так суждено. Была не была…

Однако по мере приближения к кораблю ее решимость опять начала подтаивать, истончаясь, как ноздреватый мартовский сугроб.

Местность, которая днем вызывала у Ольги лишь жалость, теперь отчетливо порождала страх. Полнейшая тьма, в которой все предметы появлялись в поле зрения внезапно, будто выскакивая из-под земли, только усиливала это чувство, доводя его до абсурда, когда торчащие в разных направлениях обугленные ветви поваленных сосен начинали казаться чьими-то корявыми руками с растопыренными пальцами…

Темная громада космического корабля тоже появилась внезапно, выплыв из тьмы мрачным, величественным силуэтом, чуть более светлым, чем окружающая чернота. Вокруг не раздавалось ни шороха, ни звука, даже привычный стрекот ночных насекомых куда-то исчез, будто те испуганно притаились в обугленной траве, на время прервав свои песни.

Аппарель в корме корабля почему-то была закрыта.

Ольга застыла у контура поднятой вертикально подающей плиты и, приподнявшись на цыпочки, попыталась отыскать щель, какой-нибудь зазор, чтобы заглянуть внутрь грузового отсека.

Она, естественно, не нашла его и совсем растерялась от наличия этой негаданной преграды.

Оглядевшись вокруг, она вознамерилась было обойти космический корабль по кругу в поисках иного входа, но в этот миг у горизонта, за лесом, там, где располагалась их усадьба, внезапно полыхнула беззвучная зарница… за ней еще одна и еще…

Ольга вскрикнула от неожиданности, остолбенела…

Отдаленный рокот накатился секундой позже, но Ольга едва восприняла его, — расширенными от немого изумления глазами она продолжала смотреть, как за сумрачной кромкой леса часто, зло вспыхивают и гаснут непонятные зарницы…

Дурные мысли, одна хуже другой, теснились в ее голове.

Через секунду, опомнившись от неожиданности, она сорвалась с места и опрометью кинулась назад, в лес, мгновенно позабыв все ночные страхи, свои сомнения, душевные муки, — все вдруг исчезло, потонуло в

той настоящей тревоге, которую пробудили далекие сполохи света…

«Мама… — задыхаясь от быстрого бега, пыталась крикнуть Ольга, но слова застревали в пересохшем горле. — Мамочка…»

* * *

Десятиметровая боевая машина, чей хищный приплюснутый контур едва прорисовывался в ночной мгле, подошла к низенькому забору из штакетника с той стороны, где располагался гараж и другие хозяйственные постройки.

Лейтенант Сейч включил термальную оптику.

Обзорные экраны рубки мгновенно затянуло зеленой мутью, в которой резко обозначилось несколько более ярких, чем основной фон контуров.

Так… Торс робота плавно повернулся, и на целевом мониторе вспыхнули первые данные.

Сдавленно пискнул предупреждающий сигнал.

— Обнаружен кибернетический механизм человекообразного типа, — спокойно сообщила аудиосистема бортового компьютера. — Модель не классифицируется. Расстояние до цели — триста метров. Статус объекта — статичен.

Это Сейч видел и сам. Человекоподобная фигура робота четко прорисовывалась на обзорных экранах, проступая ярким пятном сквозь нейтральный тепловой фон какого-то сарая. Вот он, не вставая с земли, поднял руку, совершил ею набор повторяющихся движений, опустил ее…

— Ага… Этот истукан что-то ремонтирует… Хорошо… — Пальцы лейтенанта пробежали по сенсорам, переключая режимы сканирования. — Займемся этим железным дровосеком позже, — произнес он себе под нос. Сейчас его интересовали исключительно те трое людей, которые, по полученным данным, должны были находиться в доме и спокойно почивать в своих кроватках.

«Доброе утро, детки… — зловеще осклабившись, подумал Сейч. — Сейчас я вам устрою веселенькую гимнастику…»

Однако, к его изумлению, на ровном, мутно-салатовом фоне двухэтажного дома не проступило никаких термальных всплесков, похожих на тепловое излучение человеческих тел, лишь электрическая плита, которая не успела остыть после недавнего пользования, охотно обозначила свой контур в прямоугольной рамке компьютерного вариатора целей.

Что за черт… — Игривое настроение лейтенанта тут же пропало. — Куда же они могли подеваться?!

Ставить под сомнения разведданные, полученные от самого Надырова, как-то не хотелось, но электронные приборы — упрямая вещь. Им нельзя внушить чинопочитания. Они показывали то, что есть на самом деле, а именно — дом оказался удручающе пуст. Электроплита, естественно, никак не подходила для целей озадаченного и раздосадованного лейтенанта.

Оставался андроид, который по-прежнему возился с машиной. Пока Сейч разглядывал дом, бортовой компьютер его «Фалангера» уже разобрался с неисправным агрегатом, под которым валялся андроид. Им оказалась обыкновенная, жутко примитивная машина на четырех колесах с двигателем внутреннего сгорания. Система боевого сканирования даже выдала на дисплей ее видеоизображение.

Совсем не берегут технику, уроды… — подумал Сейч, глядя на помятые бока машины, у которой ко всему прочему оказались выбиты все стекла.

«Фалангер» выпрямил ступоходы и сделал первый шаг.

Его бронированная лапа с тремя свободно сочлененными, массивными пальцами наступила на хлипкий забор, вдавив его в землю.

Очевидно, у этого человекоподобного робота были отличные слуховые сенсоры — приближение боевой машины он распознал загодя по характерному звуку работающих сервоприводов, и когда «Фалангер» Джона Сейча вышел на простор внутреннего двора усадьбы, андроид уже стоял в полный рост подле машины.

В его позе не было ничего угрожающего.

— Доброй ночи, сэр! — произнес дройд, безошибочно задрав голову к возвышающейся над ним рубке управления.

Маскироваться дальше было бессмысленно.

Опасный ублюдок… — решил про себя лейтенант, наблюдая за тем, как глаза-объективы андроида смотрят «сквозь броню» шагающей машины именно в ту точку, где располагалось кресло пилота.

— Доброй ночи, болван… — ответил он, включив внешний коммуникатор. Где твои хозяева, железная сволочь?

— Не совсем понимаю вашу терминологию, сэр.

— Я спрашиваю — где люди?

— Вы имеете в виду моих хозяев? — невозмутимо переспросил дройд. Было непонятно, говорит он серьезно или же издевается, — в нотках ровного металлического голоса отсутствовали всяческие интонации.

— Да.

— Они уехали, сэр. Боюсь, что надолго. Извините, но никого нет

дома. Это частная территория, так что вам лучше предварительно договориться о встрече по телефону…

Его монолог оборвал визг сервопривода «Фалангера» и зубовный лязг сминаемого металла, когда трехпалая ступня обрушилась на многострадальный «Волмар», размозжив машину в лепешку.

— Вы зря это сделали, сэр… — Теперь в голосе дройда явно прозвучали угрожающие нотки.

Сейч не собирался продолжать данный спектакль.

С обоих боков приплюснутого корпуса «Фалангера», как раз над теми местами, где его ступоходы соединялись с выступающим приводом, со щелчком открылись заслонки, и в стороны выехали две самостабилизирующиеся подвески автоматических пушек. Как будто у плосколобой приземистой машины выросли согнутые в локтях и плотно прижатые к бокам руки.

Стволы орудий медленно повернулись, уставившись мертвыми зрачками компенсаторов в грудь андроида.

«Восемьдесят миллиметров», — автоматически определил Степ их калибр.

В его голове что-то щелкало, переключаясь, будто там крутились невидимые шестеренки. На самом деле, конечно, это было не так. За покрытым пеноплотью черепом дройда бешено работали микропереключатели, настраивая позитронный мозг робота на действия, адекватные ситуации.

В первый момент внутреннее состояние андроида можно было охарактеризовать человеческим термином «замешательство».

Машина, которой управлял человек, не поддавалась идентификации. Ее просто не было в базах данных.

Вывод был прост: этот человек с другой планеты.

Пока Сейм несколько секунд разглядывал дройда, пытаясь решить, подойдет ли человекоподобная машина для его целей, сканеры Степа переключились на режим дальнего обнаружения.

Человек в шагающей машине явился не один.

В полукилометре от усадьбы под сенью леса, недалеко от входа в АХУМ, притаилось еще пять механических чудовищ.

Решение пришло мгновенно.

Степан служил уже десятому поколению Полвиных.

Если в памяти людей уже истерлись те дни, когда этот материк представлял собой мертвую пустыню, то ПЗУ[2] андроида по-прежнему

хранило информацию о том периоде развития колонии.

Степ твердо помнил, что история освоения Кассии была намного более катастрофична, чем это принято считать сегодня. На начальном этапе освоения люди, прилетевшие на колониальном транспорте и разделившиеся по расовым признакам, не только жили обособленно друг от друга, но и враждовали.

В те времена покладистый и добродушный Степан являлся машиной совершенно иного толка.

Беда заключалась в том, что на Кассии уже давно не велось войн. Времена разногласий и расовой ненависти канули в Лету. Не было никакого смысла держать домашнего дройда на подпитке боевыми программами. В этом случае машина могла сослужить дурную службу, как носимый в кармане, снятый с предохранителя пистолет. Поэтому лет сто назад Степана «разоружили», механически отключив боевой сопроцессор под его черепной коробкой. Теперь он являлся добропорядочным домашним слугой, — все его программы оказались построены таким образом, что первой заповедью дройда стала невозможность причинения вреда человеческому существу, кем бы тот ни оказался.

Сейчас Степ действительно пребывал в замешательстве.

В логике его поступков возникло серьезное противоречие. С одной стороны, он понимал: люди, управляющие шагающими боевыми машинами, явились не с добром. Они вломились на территорию частного владения, разрушили собственность его хозяев и, возможно, хотят причинить им вред.

«Ольга скоро вернется», — эта мысль билась в электронных цепях верного Степа. Он отлично видел, как ушла девушка, но у него не было причин ее задерживать. Он лишь проследил, в каком направлении та углубилась в лес, и продолжал спокойно заниматься порученной работой, пока не явились эти…

«Я не могу его убить, — вердикт управляющих программ был однозначен. Я могу лишь бежать, чтобы предупредить молодую хозяйку об опасности».

Сервоприводная машина, в чреве которой притаился человек, шевельнулась.

Степ обладал инфракрасным видением, и потому от его взгляда не укрылось то, как внутри шагающего исполина заработал механизм перезарядки, подавая боекомплект к двум автоматическим восьмидесятимиллиметровым пушкам, стволы которых с механической целеустремленностью следили за каждым его движением.

Слуховые сенсоры дройда уловили даже тихий шепот электромагнитных затворов, заглотивших первый заряд.

В следующий миг он принял решение, — это произошло практически одновременно с тем, как палец лейтенанта Сейма плавно утопил кнопку автоматического огня, расположенную на пористой поверхности управляющего джойстика.

Все только начиналось…

Когда-то, неизмеримо давно, первобытный человек поднял суковатую дубину, которой послужил прикорневой обломок ствола поваленного бурей дерева. Это был своего рода взрыв, революция, ступенька вверх по лестнице прогресса, один из демаршей которой позже приведет его потомков к зыбкой границе, что пролегла по краю пропасти.

Все когда-то случается впервые. Исторические вехи порой неразличимы на фоне катастрофических событий «всеобщей истории» — о них вспоминают много позже, ищут, находят, начинают анализировать…

Сейч стрелял на полигонах Марса. Он упражнялся на безвоздушных спутниках красной планеты, отлично владел машиной на симуляторах, но само понятие «шагающий робот», призванное после разгрома на Дабоге заменить собой морально устаревший планетарный танк, только входило в историю.

Здесь должен был состояться первый бой. Здесь предполагалось провести первые БОЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ сконструированных на Земле машин возмездия.

На Дабоге десантно-штурмовые группы Земного альянса неизбежно проигрывали, сталкиваясь всего с несколькими машинами подобного рода. Откуда они появились у колонистов, кто изобрел их, оставалось загадкой отступающие раз за разом силы не сумели ни уничтожить, ни захватить ни одного из механических монстров. Ничего не дали и последующие попытки штурмов. Из бесплодных атак Дабога удалось извлечь только ПРИНЦИП шагающей машины… но этого как раз оказалось вполне достаточно.

Военно-промышленному комплексу Солнечной системы потребовалось всего полгода, чтобы спроектировать и изготовить рабочие прототипы боевых машин нового поколения.

Теперь им предстояло главное — проявить себя.

Кассия, случайно выпавшая на пути крейсера «Тень Земли» планетка, была сейчас призвана стать первым боевым полигоном, а затем, вероятно, — опорной базой для рывка к следующей развитой колонии — планете Элио…

…Сейч заметил, что его рука дрожит. Ладонь вспотела, когда большой палец правой руки начал давить на послушную выпуклость кнопки…

Правое орудие заработало чуть раньше, чем левое, и корпус боевой машины повело отдачей. Гулко взвыли гироскопы, стабилизируя пятьдесят тонн электроники и брони, «Фалангер» чуть покачнулся, удерживая равновесие, а внутри уже звякали, отскакивая в лоток, отстрелянные обоймы, а им на смену боевой эскалатор подавал новый боекомплект.

На пульте перед лейтенантом вспыхнул и погас сигнал перезарядки орудий.

Все описанное заняло около десяти секунд.

Хищный приплюснутый контур «Фалангера» по-прежнему возвышался над раздавленной машиной и вмятыми в землю обломками штакетника от сломанного забора. Двадцать снарядов, нацеленных в андроида, разворотили землю цепочкой конических воронок, навылет прошили входную дверь дома, подожгли что-то внутри, но главная цель залпа ускользнула.

Человекоподобный контур, обозначенный на целевом мониторе ярким термальным всплеском, скользил за хозяйственными постройками, огибая их с противоположной стороны. Дройд удалялся в сторону леса, сторонясь позиции затаившихся там машин. Он явно видел их и пытался сбежать.

Такое поведение человекоподобного робота никак не вписывалось в планы лейтенанта Сейча.

Грязно выругавшись, он заставил «Фалангера» сделать шаг в сторону, открывая сектор обстрела, который до этого блокировал угол здания, и снаряды с воем понеслись вслед улепетывающему дройду.

Среди деревьев, на опушке леса, взметнулись дымные оранжево-черные султаны разрывов; фигура Степа на мгновение высветилась сполохом огня, но он продолжал бежать, словно насмехаясь над наводящим компьютером шагающего исполина.

На самом деле Степ прилагал чудовищные усилия, чтобы избежать точно нацеленного залпа. Его приводы протестующе стонали, когда вокруг заплясала огненная карусель, и ударная волна побежала меж стволов деревьев, швыряя человекообразную фигуру из стороны в сторону. Один из снарядов разорвался всего в метре от него, и Степа окатило дождем осколков. Привод правой ноги вдруг угрожающе завизжал, и робот едва не рухнул навзничь. Мир вокруг вспыхнул бриллиантовыми точками искр — это осколок выбил объектив левой видеокамеры, оставив на «лице» дройда глубокий, безобразный шрам. Потеряв равновесие, падая, Степ успел ощутить, как бесполезно сокращается привод локтевого сочленения. Левую

руку отрубило чуть ниже локтя, из рваной раны торчали искрящие провода, и толчками, будто кровь из перерубленных артерий, вытекала пахучая гидравлическая жидкость.

Предупредить ее… — билась в пораженном баллистическим шоком позитронном мозгу андроида единственная мысль. — Она ведь сейчас вернется…

Последнее, что он смог осознать, — были многочисленные пульсирующие надписи на внутреннем дисплее повреждений, одна из которых угрожающе росла, затмевая собой все…

«ПРОГРАММНЫЙ СБОЙ… ПОВРЕЖДЕНИЕ ПРОЦЕССОРА… ПОПЫТКА ПЕРЕЗАГРУЗКИ СИСТЕМЫ…»

…Тепловой контур дройда начал медленно бледнеть, будто тот таял, растворяясь в огне разбушевавшегося на опушке пожара.

«ЦЕЛЬ ПОРАЖЕНА» — лаконично высветил монитор.

Сейч позволил своей вспотевшей ладони отпустить пористую рукоять наводящего джойстика.

* * *

Ольга бежала, не разбирая дороги. Низкие ветки елей больно хлестали по рукам, которыми она инстинктивно защищала лицо.

Впереди разгорался огонь пожара.

Именно там, где был ее дом, ее жизнь, мать, отец, Степ…

От страха и горя хотелось орать в крик, но она лишь шумно дышала, стараясь унять колотящую тело дрожь.

Ужас, который исходил от мысли, что она в один момент может потерять ВСЕ, заслонял и чувства и разум.

Ощущение было такое, будто она сорвалась с обрыва и летит, не ведая дна, в черную пропасть, откуда уже нет и не может быть возврата…

* * *

Сергей заметил неладное, когда уже подходил к АХУМу.

Впереди внезапно сверкнула серия ослепительных вспышек, которую сопровождал оглушительный, едва ли сглаженный расстоянием грохот.

Что-то страшное случилось в этот момент в усадьбе Полвиных.

Несколько секунд молодой офицер стоял, словно данный звук пригвоздил его к месту, а потом, опомнившись, побежал по знакомой тропинке к дому, небеса над которым вдруг осветились, озаренные новой серией вспышек.

Метров через пятьдесят, там, где тропинка превращалась в старую,

порядком заросшую дорогу, он вдруг остановился.

Глаза Сергея расширились.

На небольшой полянке перед входом в АХУМ возвышалось несколько страшных, исполинских силуэтов.

Непонятные машины, высотой до десяти метров, согнув ступоходы, прятались среди деревьев, которые на их фоне казались просто порослью кустарника…

Сергей непроизвольно попятился, но в этот момент одна из машин вдруг выпрямилась с металлическим визгом сервомоторных приводов; ее торс резко развернулся в сторону Воронина, и чей-то искаженный динамиками внешней аудиосистемы голос произнес:

— Стой где стоишь, щенок!

Сергей вдруг почувствовал, что не может бежать. Его ноги будто приросли к одному месту, стали ватными, дряблыми.

Противная, неподконтрольная дрожь мурашками скользнула по затылку, стянула кожу на скулах. холодком лизнула грудь…

Прямо в глаза Сергею смотрели два ствола.

Их зрачки казались чудовищными, огромными.

— Эй, лейтенант! — произнес в коммуникатор сержант Петч. — У меня гости. Какой-то молокосос с мокрыми от страха штанами… Что? Хорошо, понял… Он у меня на мушке, не волнуйся.

* * *

Лес вокруг усадьбы не сгорел полностью. Огонь вылизал подлесок на опушке, покрыл копотью стволы сосен и обжег их нижние ветви. Прошедший накануне дождь, влага от которого еще держалась у земли, не дал огню перекинуться дальше.

Ольга выскочила на край дымящейся прогалины и застыла, пораженная открывшейся картиной в самое сердце.

Дом стоял всего в сотне метров от нее, тихий, темный, мертвый… Пробитая навылет входная дверь болталась на одной петле. Из окна гостиной еще сочился едкий дым, смешанный с паром, исходящим от струек воды, которые били из автоматических форсунок противопожарной системы.

Что-то оборвалось у Ольги в груди, какая-то струна души лопнула, оставив там сосущую пустоту. Чувство было ошеломляющим. Губы Ольги непроизвольно кривились, подбородок дрожал. Она не понимала, что случилось с родным домом. Кто пришел сюда, так грубо разворотив ее жизнь?

Об отце и матери она просто не могла думать.

Ей казалось, что пока она стоит, ничего страшного не произойдет, — все это сон, бред, — такого не могло случиться в их доброй, спокойной, размеренной реальности.

Но стоит сделать шаг вперед, нарушить зыбкое равновесие иллюзорности, и бред станет явью — страшной, непоправимой действительностью, от которой уже не отмахнешься, не убежишь, не спрячешься…

Ольга точно знала, что умрет, если перешагнет эту грань.

Это оцепенение, страшное, будто предсмертный сон, длилось меньше минуты.

Потом оно прошло, и Ольга на подламывающихся в коленях ногах кинулась к дому по дымящейся гари выжженного огнем подлеска.

Убитая обрушившимся на нее несчастьем, Ольга не заметила торчащий из-под пепла обрубок руки андроида, из которого продолжала вытекать тоненькая струйка зеленой маслянистой жидкости…

Глава 13

Час ночи, по местному времени Кассии. Район хранилища унифицированных механизмов.

В тот момент, когда Ольга выскочила на край опушки, «Фалангер» лейтенанта Сейча уже присоединился к взводу затаившихся в лесу машин. Сергей Воронин стоял, прижавшись спиной к шероховатому стволу сосны, и расширенными от ужаса глазами смотрел, как из темноты, со стороны дома Полвиных, с тихим, почти что нежным присвистом хорошо отлаженных сервоприводов вышел еще один громадный, мрачный силуэт шагающей машины.

Робот показался ему крупнее и выше, чем те, что пленили его, постоянно держа на прицеле своих коротких, торчащих над покатыми загривками пушек.

Сергею тоже казалось, что он бредит.

Машина остановилась в десятке метров от того дерева, подле которого стоял Воронин.

На десятиметровой высоте что-то несколько раз щелкнуло, потом в днище машины меж чудовищных ступоходов открылся люк, и оттуда упала веревочная лестница.

Человек, который спустился по ней, вовсе не походил на монстра. Он выглядел вполне заурядна: невысокого роста, крепкого телосложения и одет был вполне нормально — в облегающий комбинезон с глухим стоячим воротником и откинутым на спину, на манер капюшона, мягким шлемом. Спрыгнув на землю, он несколько раз сжал в кулаки свои пальцы, на которые были надеты сенсорные перчатки с отключенными шлейфами компьютерных соединений.

Искоса посмотрев на Воронина, он сплюнул, отвернулся, расстегнул магнитную «липучку» ширинки и стал мочиться на куст можжевельника, который рос на обочине отходящей от АХУМа дороги.

Закончив, он обернулся, подошел и, ни слова не говоря, со знанием дела врезал Сергею в челюсть.

Удар был ошеломляющим. Воронину, конечно, приходилось драться, но это оказалось совсем не то… Ни мальчишеские разборки, ни тренировки в училище — ни одно столкновение, в котором ему приходилось участвовать до сих пор, не несло в себе такой молчаливой, рассчитанной, ошеломляющей ненависти.

Голова Воронина дернулась, будто он был тряпичной куклой, из рассеченных губ брызнула соленая на вкус, теплая кровь. Он не успел опомниться, как новый удар, — теперь уже ногой в область почек, заставил его задохнуться от режущей, нестерпимой боли в пояснице, от которой, казалось, вылезут глаза…

Несколько бесконечных секунд он стоял согнувшись, тщетно пытаясь вдохнуть… пока новый удар ноги в висок не швырнул его на тот самый куст, в который только что мочился пришелец.

Врезавшись разбитым лицом в мокрые, колючие ветки, Сергей, еще не сделав ни единой попытки ответить ударом на удар, уже понял, что проиграл.

Кем бы ни был этот страшный человек, что вылез из чрева шагающей машины, — он победил.

Сергей ничего не мог поделать с собой — он внезапно понял, что боится следующего удара. Страх перед физической болью, помноженный на жуткое ощущение неизбежности от молчаливой ухмылки, которая играла на этом жутко-спокойном лице, хладнокровная НАГЛОСТЬ человека, который бил его, сломала Воронина, словно сухую веточку…

Однако удара не последовало. Вместо этого он почувствовал, как цепкие пальцы в сенсорных перчатках ухватили его за ворот офицерской формы и рывком подняли на колени.

— Встань! — Голос незнакомца был низким, угрожающим.

Сергей ненавидел себя, презирал, но выполнил этот короткий, емкий приказ, будто находился в подчинении у незнакомца уже много-много лет.

Кое-как справившись с болью, он выпрямился, непроизвольно поморщившись от рези в районе виска. За шиворот, щекоча шею, каплями сочилась кровь.

— Что это такое? — Левая рука незнакомца однозначно указала на вход в хранилище. Правая же легла на пояс, где из кобуры торчала рифленая рукоять импульсного пистолета, и это движение не укрылось от взгляда Воронина.

Если секунду назад он мучительно переживал свой ответ, понимая, что правда, по сути, станет предательством, — ведь эти люди на жутких шагающих машинах явно пришли сюда не с добром, — то сейчас, при виде этой рифленой рукояти, страх уже окончательно парализовал его волю, захлестнув тело отвратительной волной лихорадочной дрожи.

— АХУМ… — хрипло и односложно ответил Сергей, чувствуя себя последним подонком, но боль в губах, разбитых первым ударом незнакомца, живо подавила всякие попытки внутреннего сопротивления.

— Точнее, урод! Ну, быстро! — правая рука Сейча резко взметнулась, и черный ствол автоматического пистолета, покрытый характерными вздутиями электромагнитных катушек, едва не вышиб Воронину зубы.

— Автоматическое… хранилище… унифицированных… механизмов… прерывисто выдавил он.

— Что там спрятано? Это бункер? Военное сооружение?

— Нет… — простонал Сергей, ощущая, как холодная сталь ствола вдавливается в плоть разбитой губы. — Там… старые… машины… Компьютеры с колониального… транспорта.

— Открой, — приказал Сейч, не сводя с землистого лица Сергея своих глаз.

— Я не могу, — ответил Воронин. — Нужен пульт дистанционного управления… — поспешно объяснил он.

— Где его взять?

— В доме… там… — Сергей безнадежно взмахнул рукой в сторону усадьбы Полвиных.

— Там никого нет, — мрачно изрек Сейч.

Сергея внезапно охватил ужас. Ствол импульсного пистолета по-прежнему оставался прижат к его верхней губе, мешая выдавливать слова, но, скосив глаза, он вдруг заметил, что палец незнакомца нервно елозит по спусковой кнопке…

Воронину стало не просто страшно. Разум внезапно выключился, понятие «воля» уже не играло никакой роли в его разорванных, суматошных мыслях. Единственное, что он понимал в данный момент, — стоит этой кнопке утонуть чуть глубже в рифленую прорезиненную рукоять, и его мозги вылетят из пробитой выстрелом черепной коробки…

— Не надо… Там… — он опять безнадежно взмахнул рукой, только теперь в другом направлении. — В трех километрах отсюда… Еще один дом… Лисецких… У хозяина есть пульт…

Выдохнув это, он сам ужаснулся тому, что сказал.

Незнакомец пожевал губами, что-то обдумывая, а потом вдруг резко оттолкнул от себя Сергея. Не удержавшись на ногах, тот кубарем полетел на землю.

Сейч медленно поднял ствол оружия, целясь ему в голову.

— Что за дерьмо на тебе надето? — резко спросил он. — Это что — форма? Какими вооруженными силами располагает твоя сраная планета? У вас есть армия?

— Нет… Нет у нас никакой армии!.. — У Сергея началась истерика. Его колотила крупная дрожь. Слова сами рвались из горла: — Нет у нас

никакой армии!.. — Ему казалось, что он кричит, но на самом деле из горла выходил надрывный шепот… — Мы никогда ни с кем не воевали…

— Тем хуже для вас… — Впервые Сейч позволил себе по-настоящему улыбнуться, так что в сумраке блеснули его зубы. — Прощай, мразь…

Сергей понял — сейчас грянет выстрел.

Такого всеобъемлющего, животного ужаса он не испытывал никогда в жизни. Если бы он мог ползти, то пополз бы, но вот тело не слушалось…

— Эй, лейтенант! — внезапно разорвал напряженную тишину чей-то измененный компьютером голос. — Оставь его. Он не оказывал сопротивления.

Сейч вздрогнул, потом обернулся, злобно вперившись в темноту, в которой скрывались смутные силуэты затаившихся меж деревьев шагающих машин.

— Кто там каркает? — с гневным придыхом спросил он. — Рощин, это ты тявкнул, сволочь?

— Лейтенант, вы не должны убивать его. Это бессмысленно. Он не оказывал сопротивления.

Голос, что доносился из темноты, казался спокойным, но, возможно, такое ощущение создавала аудиосистема компьютера, которая стирала интонации.

— Я сам разберусь, кого убивать, а кого нет! — яростно ответил лейтенант. — Петч, мать твою, заткни всем пасти, иначе я сам это сделаю… Он обернулся, с явным намерением завершить начатое, но этого трусоватого аборигена уже не было под кустом, — улучив момент, пока он отворачивался, тот, видно, нашел в себе остатки сил и отполз в темноту…

— Свет! — вне себя от ярости крикнул лейтенант.

На плечах ближайшей машины вспыхнули ослепительные солнца. Пилот подвигал фароискателем, и два конуса света жадно облизнули притихший подлесок. Сейч успел заметить, как в одном месте заволновались ветки разлапистой ели, и нажал на спуск.

Пули прошили темноту, срубая сучья и с тоскливым воем рикошетя от могучих стволов вековых сосен.

Он не знал, попал в беглеца или нет, но устраивать погоню было некогда. Опустошив обойму, Сейч, которого трясло от плохо подавляемой ярости, развернулся к своему «Фалангеру» и полез в чрево робота по болтающейся лестнице.

Оказавшись в тесной рубке, где уютно, успокаивающе мерцали экраны, он включил герметизацию люка, сел в кресло и, не подключая перчаток, взял со скошенной панели тонкую дугу коммуникатора с

микрофоном на конце, которую положил туда, прежде чем покинуть машину. Переключив на пульте каналы связи, он прижал крошечный микрофон ко рту:

— Рощин, ты меня слышишь, ублюдок?

— Так точно, сэр. — Голос пилота и без искажений аудиосистемы оставался невозмутим.

— Ты труп, — хрипло выдавил Сейч. — Я сгною тебя на крейсере. Если ты не подохнешь тут, моралист хренов. Ты понял меня? Еще раз встрянешь или ослушаешься, я к черту разнесу твой «Хоплит» из орудий. Больше предупреждений не жди.

Не дожидаясь ответа, Сейм переключил канал.

— Сержант!

— На связи, сэр!

— Возвращаемся к дому. Нужно пошарить внутри. Там должен быть пульт дистанционного управления. Я хочу взглянуть, что там, в этом бункере.

* * *

Ольга не вошла, а вбежала в дом, оттолкнув рукой болтающуюся на одной петле дверь.

Вокруг отвратительно пахло гарью. На полу застыли лужи грязной воды, которая лилась из разбрызгивателей системы автоматического пожаротушения и, смешиваясь с пеплом, текла по коридору мутными ручейками.

Тишина вокруг стояла гробовая, и это больше всего напугало Ольгу.

— Мама!!! — отчаянно закричала она, рванувшись по темному коридору к спальне родителей.

Толкнув дверь, она оказалась в пустой комнате. Ночник на стене продолжал мерцать, освещая туалетный столик матери. Кровать родителей оказалась пуста и более того — аккуратно застелена.

Господи, куда же они подевались?!.

Растерянно оглядевшись по сторонам, Ольга наконец заметила белеющий на прикроватной тумбочке листок бумаги. Дрожащими пальцами схватив его, она жадно пробежала глазами по строкам, написанным убористым, красивым отцовским почерком:

«Олюшка, нас срочно вызвали по делам в город. Не переживай, мы тебе позвоним. Будить тебя не стали — ты уже большая. С хозяйством в ближайшие дни тебе придется справляться самой. Если что — Степ тебе поможет. Будь умницей. Я позвонил Сергею, он обещал навестить тебя

вечерком. Если что свяжись с нами через спутник. Целуем тебя, папа и мама».

Прочитав записку, Ольга без сил села на кровать, уронив руки. От напряжения и пережитого шока все тело дрожало. Повернув голову к окну, она вдруг почувствовала, как мир расплывается перед глазами. Так долго сдерживаемые слезы внезапно хлынули по щекам, хотя она сама не понимала, почему вдруг заплакала, — от пережитого страха, наступившего вдруг облегчения или по какой-то другой причине…

— Степ! — срывающимся голосом позвала она, отвернувшись от оконного проема.

Ей ответила лишь гулкая тишина пустого дома.

В нос по-прежнему лез стойкий запах пожарища. Ольга вдруг ощутила новый прилив дрожи. Господи, что же случилось… что происходит вокруг?.. Этот заданный самой себе вопрос в бессчетный раз наполнил ее душу смятением и страхом. Прижимая к груди записку, она выскочила из спальни родителей и опрометью бросилась к себе в комнату.

Захлопнув дверь, не включая свет, она на ощупь нашла трубку сотового телефона и подошла к окну, чтобы видеть панель с цифрами номеронабирателя. Страх и растерянность по-прежнему владели ее сознанием, путая мысли. Пальцы дрожали и никак не хотели попадать на нужные клавиши. Пришлось отложить листок с запиской и крепко стиснуть трубку в онемевшей от напряжения ладони. Наконец многозначный номер был набран. Она ждала привычного гудка спутникового соединения и характерных щелчков, но устройство почему-то не издало ни звука.

Попытавшись успокоиться, Ольга начала заново. Проверила питание. Крохотный огонек изумрудного цвета преданно трепетал на откидной панели, оповещая, что все нормально, питание есть. Тогда она попыталась еще раз вызвать соединение, но с тем же удручающим результатом. Спутник по какой-то причине не отвечал…

Может быть, что-то с антенной на крыше дома? — Она подалась к окну, выглянула наружу и… только тут наконец заметила, что все пространство перед хозяйственными постройками испещрено громадными трехпалыми следами ступоходов, которые вели от леса, через разломанный забор, прямо к раздавленной в лепешку машине…

Что она могла подумать, заметив эти трехпалые следы?

Конечно, единственной ее мыслью была страшная, но вполне сочетающаяся с фактами догадка. Она знала только одну машину, которая могла оставить такие характерные отпечатки…

Слепой, граничащий с помешательством ужас волной ледяной дрожи

прокатился по мышцам. Ольга подняла взгляд, и в струящемся ночном сумраке разглядела какое-то развороченное месиво серебристого металла на том месте, где располагалась тарелка спутниковой антенны…

Опустив глаза, она вновь зацепилась взглядом за раздавленный в лепешку «Волмар» и жуткие следы, вдавленные в землю, как печати свершившегося рока…

Горсть обрывочных, незначительных в иной ситуации фактов вдруг, словно бусинки, принялись нанизываться на дрожащую нить ее страха, рождая некоторое понимание происходящего. В первый момент Ольга задохнулась, не поверив своей абсурдной догадке, но упрямое сознание выталкивало из своих глубин один-единственный образ: жуткий своей чужеродной силой, шагающий робот пришельца, который должен сейчас стоять в ангаре космического корабля…

Нет… Я же была там, видела его!..

Сквозь страх, боль, непонимание пробивалась лишь растерянность.

Кто же это сделал?.. Кто?!. И почему?!.

Данные вопросы не могли найти ответа в ее душе. Ей было больно за свой страх, за разоренный дом и непонимание происходящего, вся страшная иррациональность случившегося не укладывалась в голове, рождая чувство злой, несправедливой обиды.

За что?! — этот вопрос буквально глодал ее душу, заставив подбородок девушки предательски дрогнуть.

Она ровным счетом ничего не понимала, кроме одной страшной, неоспоримой вещи, — ее дом был разрушен, жизнь сломана, грубо, насильно, по какому-то непонятному ей, но страшному по своей сути праву…

За этими мыслями, стоя вполоборота к окну, она пропустила самое главное — движение со стороны леса, где на поляну перед усадьбой выходила ведущая к АХУМу дорога…

* * *

Настроение Сейча несколько поднялось после переговоров с начальством. «Тень Земли» уже занял позицию в районе высоких орбит. С ним опять пожелал говорить Надыров, и такое внимание со стороны адмирала льстило самолюбию лейтенанта.

— Сэр, в указанном доме никого не оказалось, — доложил он после почтительного приветствия. — Но в лесу, неподалеку от интересующего вас сооружения, мне удалось взять пленного из числа аборигенов. Он показал, что бункер является не военным объектом, а старым складом

оборудования, оставшимся со времен приземления колониального транспорта.

— Отлично, лейтенант, — скупо похвалил его адмирал. — Ты проверил эти сведения? — тут же переспросил он. Было ясно — предстоящая операция по захвату планеты очень беспокоит Надырова. После поражения на Дабоге он дул на воду, осознав, сколь обманчива может оказаться внешняя заурядность колонии…

— Сейчас занимаюсь данным вопросом, — доложил Сейч. — Пленный сообщил, что на планете отсутствуют упорядоченные воинские формирования. Судя по всему, у них нет армии. Нам не было оказано никакого существенного сопротивления. Однако я заметил, что на крыше здания была установлена антенна спутниковой связи, — осторожно добавил он. — На всякий случай я ликвидировал ее.

— Правильно. Сейчас мы поищем их спутники, — успокоил его Надыров. Твоя информация стоит дорогого, лейтенант. Это может привести к быстрому и бескровному захвату планеты. Десантные группы уже готовы к выбросу. Мы высаживаемся в районе их столицы, которая представляется единственным более или менее крупным городом на всем материке. Проверь этот бункер и, если там все в порядке, следуй к месту нашей высадки. Мы начинаем вторжение!

От последней фразы по загривку Сейча пробежала дрожь.

Вот оно! Вот тот миг, которого он ждал. Единственная и неоспоримая теперь возможность идти, сметая все на своем пути… дорога славы, которая приведет его наверх, в общество таких людей, как адмирал Надыров, которые отдыхают в засекреченных парковых зонах и жрут на тысячу кредитов за обедом.

— Я понял вас, господин адмирал.

— Тогда исполняй. Компьютерные карты с маршрутами следования будут переданы тебе по окончании сеанса связи. Не задерживайся, я хочу, чтобы твои шагающие машины прикрывали нашу высадку. Все детали обсудишь с дежурным офицером.

Щелчок.

На панели бортового компьютера часто и нервно заморгал индикатор загрузки данных.

— Сержант!

— Да, сэр?

— Пошли Рощина обыскать дом. Мне нужен прибор, управляющий этим хранилищем аборигенов. Пусть-ка наш ублюдок поковыряется в их дерьме, ты понял?

— Да, лейтенант.

— Прекрасно. Передай ему мой приказ. Пусть разомнет ноги, а мы пока подождем его здесь.

* * *

Философское отношение к жизни являлось характерной чертой Рощина, выработанной долгим пребыванием в застенках Ио. Спутник Юпитера, в шахтах которого добывали тяжелые элементы, пользовался дурной славой гиблого места. Выжить там оказывалось порой совсем непросто. Люди нервные и неуравновешенные не выдерживали и нескольких месяцев, даже на такой «блатной» работе, как управление подземными машинами через виртуальную нейросенсорную связь.

Андрей с детства учился спокойствию. А что ему, собственно, оставалось делать в тюремной школе для заключенных незаконнорожденных детей? Законы, принятые после демографических взрывов XXIII века, делали незаконнорожденного ребенка собственностью правительства, ставили его вне общества и вне цивилизации.

Маленькому мальчику, еще не познавшему мир, но уже очутившемуся в спецучреждении, действительно оставалось либо научиться выживать, либо…

Андрей выбрал первое. Или, быть может, это судьба сжалилась над ним? Трудно судить однозначно, но интуитивные способности к вождению разного рода машин и совершенно не свойственная детям уравновешенность при действиях в критической ситуации позволили ему в конце концов стать не просто расхожим материалом, которого навалом в любой тюрьме, а ценным специалистом, которого учили не для того, чтобы использовать затем на грубых и опасных ручных работах.

Получил приказ — исполняй.

Сейчас он сам не мог в точности ответить, что за бес толкнул его под ребро, заставив отвлечь этого отморозка лейтенанта от скорчившейся на земле жертвы.

Возможно, это был не очень умный поступок…

Нельзя сказать, чтобы Рощин не дорожил внезапно обретенной свободой. Нет, такое утверждение было бы неправильным, но в его мыслях, действиях присутствовал иной лейтмотив. Андрей еще не разобрался в ней, в этой пресловутой, но уже набившей оскомину в мыслях, «свободе».

Слово, которое поначалу отдавало заманчивой таинственностью непрожитого, все чаще скалило зубы, показывая свою оборотную сторону.

Чтобы постичь истинную причину душевного смятения Андрея

Рощина, нужно знать, как он жил до момента насильственной мобилизации.

Единственное, что было позволено заключенным и над чем не имели власти надзиратели, — это свобода мысли. За годы взросления в застенках Ио Рощин привык к одиночеству, он научился думать, долго и часто беседуя сам с собой. Те немногие книги и микрофильмы, которые удавалось добыть в тюрьме, были пищей для разума, некие впечатления и факты, которые его изголодавшийся в заточении мозг раз за разом переваривал в спорах с самим собой, — все это давало подрастающей личности лишь смутное и зачастую неправильное впечатление о той жизни, которая протекала на Земле и других планетах вне тюремных стен.

Однако он впитывал все, что удавалось узнать, и думал, пытаясь восполнить пробелы хотя бы при помощи логики…

В результате и сформировалась личность Андрея Рощина двадцатидвухлетнего парня, внешне неброского, стеснительного на людях, замкнутого настолько, что никто из окружающих никогда не мог с точностью знать, о чем он думает, что сделает в следующий миг, как отнесется к тому или иному слову…

Те, кто позлее, попроще, пытались приклеить к нему ярлык тормознутого придурка, но Сейч быстро углядел под внешней личиной добродушной невозмутимости тот внутренний стержень, который действительно присутствовал в подчиненном. Согнуть Андрея морально, сломать его приказом, противоречащим неким внутренним устоям этого человека, казалось занятием бессмысленным, заранее обреченным на провал.

И тем сильнее хотелось Сейчу сделать это. Не просто избить или убить, а именно сломать Рощина, превратить в послушную размазню, типа того аборигена в шитом золотом прадедовском мундире, который в один из моментов был готов обнять его ноги, лишь бы остаться в живых…

Сейчас, глядя, как Рощин вылез из чрева своего «Хоплита», которого он водил с непринужденным изяществом, не доступным никому другому из их взвода, Сейч испытывал злое удовлетворение от той мелкой пакости, которую удалось доставить подчиненному. Он знал некоторую слабину Рощина — тот не любил запаха гари, после того как на шахтах Ио однажды попал в подземный пожар. Этот дом как раз был пропитан таким отвратительным, стойким запахом залитого водой пожарища.

Пусть понюхает, козел… — подумал лейтенант, провожая идущую к дому фигуру долгим, ненавидящим взглядом.

* * *

Андрей действительно поморщился, войдя в дом.

Включив фонарь, он осветил коридор, оканчивающийся просторной гостиной, у задней стены которой сумрачным постаментом возвышался камин.

Под ногами жалобно похрустывали осколки от разбитых стекол. Вдоль плинтусов коридора влажно поблескивали, отражая свет фонаря, лужицы дурно пахнущей пожарищем воды.

На лице Рощина отразилась досада, — он понятия не имел, где среди причиненного влетевшими через входную дверь снарядами хаоса искать этот злополучный пульт дистанционного управления. Он даже не представлял, как тот должен выглядеть…

Скорее всего злопамятный лейтенант послал его в дом просто так, из прихоти. Пока они стояли на поляне у заросшего дерном бункера, Андрей просканировал структуру входных ворот и пришел к выводу, что одного орудийного залпа вполне хватит, чтобы вышибить их к чертовой бабушке, безо всяких там отпирающих устройств.

При всей своей внутренней неприязни к командиру взвода Рощин не считал того дураком в профессиональном плане. Сейч наверняка пришел к такому же выводу.

Миновав коридор, Андрей вошел в обширную комнату. Вся мебель оказалась перевернута взрывной волной. Стол ударило о стену и разбило в щепки. Ковер лежал черной, обугленной массой. Глядя на это, Андрей испытывал невольное сострадание к тем, кто тут жил. Свое участие в данной миссии он пока что не обсуждал. Разве у него был какой-то выбор? Выволокли из тюрьмы, швырнули в круговорот событий, проволокли, как паршивого котенка, нагадившего в неположенном месте, через добрую сотню световых лет и, пожалуйста, выкинули тут, на совершенно незнакомой планете, с четким и недвусмысленным приказом — убивать все, что движется…

Губы Рощина исказила невеселая усмешка. Ему все меньше и меньше нравилось то, что он делал, но единственной альтернативой была смерть. Если не хочешь участвовать в этом — застрелись. Иначе Сейч с чувством глубокого удовлетворения рано или поздно выстрелит тебе в спину…

Андрей стоял посреди развороченной комнаты, хмуро глядя по сторонам.

В собственной смерти он не видел вообще никакого смысла. Ему точно так же, как и другим, хотелось жить. Это был не инстинкт, не страх, а

вполне осознанное желание. Смерть казалась Рощину удручающе окончательной, чтобы думать о ней всерьез. Но и идти напролом, переть против силы, что постоянно маячит за спиной, приставив к затылку холодный ствол, он не был готов. У него в душе не оказалось весомого стимула, чтобы поступать подобным образом. Это был внутренний перекресток, распутье, и каждая из дорог уводила в никуда, в непонятную, пугающую вероятность…

…Рассудив, что протоптался на месте уже достаточно долго для того, чтобы удовлетворить мстительность Сейча, Андрей решил для очистки совести заглянуть в пару соседних комнат и возвращаться назад, доложив, что ничего похожего на пульт не нашел. Пусть лейтенант выбивает двери бункера из орудий своего «Фалангера», с него станется…

Открыв одну из дверей, Рощин заглянул в маленькую спальню, милосердно обойденную взрывами, обежал взглядом ее стены, на которых висели несколько незатейливых картин в рамках, и хотел было идти дальше, когда заметил, как слабо шевельнулась плотная штора, свисавшая до самого пола с обеих сторон оконного проема.

Перехватив импульсную винтовку так, чтобы можно было открыть огонь навскидку, он сделал шаг вперед и резко отдернул плотную завесь.

В сумраке смутно проступил контур вжавшегося в стену человеческого тела, испуганно блеснули расширенные от ужаса глаза, и Рощин, шокированный не меньше, чем бледная, как сама смерть, молодая женщина, заметил ее судорожно сжатые кулаки, раскрытый в задавленном крике рот…

Не надо… Только не кричи…

Почему-то Андрею стало нестерпимо жаль ее в первую же секунду, как он взглянул в бледное, перекошенное лицо девушки. Он испугался и с неким трепетным, внутренним удивлением понял, что боится не за себя… Впервые в жизни… Это походило на маленький внутренний шок, смерть или рождение чего-то важного, но пока что необъяснимого и непонятого…

Заметив, как дрожат, кривятся ее губы, он понял — сейчас закричит, взвизгнет, кинется прочь…

Метнувшись вперед, он резко толкнул ее, сбил с ног и четко выученным движением провел прием, заставив затихнуть на полу, одной рукой удерживая ее в данном положении, а ладонью другой молниеносно закрыв ей рот.

— Тихо… — умоляюще, шепотом произнес он. — Только не кричи, ладно? Я не причиню тебе вреда, слышишь?!.

Тело под ним несколько раз судорожно дернулось и затихло, обмякло.

Андрей метнул взгляд в проем окна. Смутные контуры боевых машин прорисовывались вдоль символического периметра низенького, частично сломанного забора.

— Тихо… — еще раз прошептал он. — Сейчас я тебя отпущу, только не делай глупостей, не беги, не вскакивай и не кричи. Дом окружен. Тебя увидят и убьют.

Она не отвечала и не шевелилась, будто была без сознания.

Тем не менее Андрей решил рискнуть. Осторожно он ослабил хватку и освободил свои руки.

Несколько секунд девушка лежала неподвижно, потом шевельнулась, приподняла голову и вдруг сжалась, напряглась, отпрянула, будто раненый зверек, получивший свой первый опыт ужаса и боли…

Однако она не вскочила, как того справедливо опасался Андрей.

В темноте, отражая свет уцелевшего уличного фонаря, блестели ее глаза.

— Рощин, ты где там застрял?! — Голос, пробившийся из наушников коммуникатора, принадлежал Сейчу.

«Только бы не направил сюда инфракрасные сканеры…» — подумал Андрей, стараясь держаться поближе к перепуганной обитательнице дома, чтобы их тепловой сигнал в случае чего слился в один. Судя по реакции девушки, которая тоже слышала вопрос, она наверняка понимала язык. Да это и неудивительно — интеранглийский не сильно изменился за несколько веков, прошедших со времен Первого рывка…

— Я выполняю ваш приказ, лейтенант, — со всей невозмутимостью, на какую оказался способен, ответил Андрей.

— Нашел что-нибудь, археолог? — В голосе Сейча звучала издевка.

— Пока нет, сэр. Тут все очень сильно разгромлено…

— Вот что, Рощин, хватит, думаю, мы тратим время впустую. В доме никого нет? Ничего подозрительного не заметил?

— Нет, сэр. Тут пусто.

— Ладно, тогда возвращайся. Мы уходим.

— Иду…

Андрей коснулся миниатюрной кнопочки, расположенной за ухом, на креплении коммуникатора. Заблокировав связь, он поднял глаза, посмотрел на сжавшуюся в комок девушку и сказал:

— Я думаю, что ты понимаешь меня, верно? Она чуть помедлила, прежде чем кивнуть. Ее взгляд оказался прикован к импульсной винтовке Рощина, которую тот машинально держал изготовленной для стрельбы.

— Не бойся. Мы сейчас уйдем, но тебе лучше затаиться, переждать.

Ваша планета будет захвачена. Пройдет несколько дней, и преследования прекратятся. — Рощин говорил в своей манере, скупо и емко. — Ты останешься в живых, если не начнешь метаться и делать глупости.

Ее глаза расширялись от ужаса и удивления по мере того, как он говорил.

Андрей и сам удивлялся сказанному и одновременно стыдился своей скованности. Говорил так, будто проводил какой-то инструктаж.

Несколько секунд в комнате висела напряженная, звенящая тишина. Андрей нервничал, — все произошло спонтанно, глупо, — он не привык жить, повинуясь чувствам и порывам, а тут, пожалуйста, уже вторая глупость за последний час. Если Сейч включит оптику и все же поймет, что в комнате двое…

— Кто… вы?!. — внезапно выдавила девушка хриплым шепотом, который прозвучал в тишине неестественно громко…

Андрей ответил не задумываясь. Он понимал — названия не скажут ей ничего.

— Я из Третьего ударного флота Земли. Боюсь, что мое командование решило оккупировать вашу планету. Поверь, мне очень жаль. Как тебя зовут?

— Ольга… — выдавила она, опять помедлив.

— А меня Андрей… Андрей Рощин.

В ее глазах отражался ужас. Казалось, смысл сказанных им слов только начал доходить до ее сознания.

— Что с нами будет?.. Оккупация… Почему?!.

— Я не решаю таких вопросов… — криво усмехнулся Андрей. — И тем более не знаю — почему. Идет война. Это все, что я пока что уразумел. Борьба за жизненное пространство, понимаешь?

Она мотнула головой в отрицающем жесте. Нет. Она не понимала.

— Война пришла сюда, — терпеливо пояснил Андрей, чувствуя, как утекают последние отпущенные на задержку секунды. Все это не имело никакого смысла, и все-таки он продолжил: — С этим придется смириться. На орбите крейсер адмирала Надырова. Мы разведгруппа, но с минуты на минуту начнется вторжение. Все решают иные силы. Мы… — он опять усмехнулся, — лишь расхожий материал, по сути, такие же жертвы, как и вы.

— Зачем ты мне говоришь это?.. — прерывистым шепотом спросила Ольга. Почему ты меня не убил?

А как ты хотел, парень? В ее сознании ты стоишь в одном ряду с Сейчем. Ты захватчик, насильник, жуткий человекоподобный монстр из

страшных сказок о Земле…

— Тяжелый вопрос… — Андрей привстал, выглянул за окно и повернулся к двери. — Мы захватчики, — повторил он вслух свою мысль и пояснил, больше, наверное, себе, чем ей: — Для меня это пустой звук. У меня нет ни родины, ни дома. Я не принадлежу к Земле. Просто у меня не было выбора. Убийство — не мое хобби, понимаешь? Твоя жизнь нужна тебе самой, а не мне. — Он поднял глаза и вдруг добавил: — Когда будешь плевать нам в спину, вспомни, что я сказал. Мы все разные… Такие же, как и вы, — люди. Заложники той же войны. Только одни думают об этом, а другие нет. Постарайся выжить.

Сказав это, он не оглядываясь встал и вышел.

Глава 14

Гарь перед домом Полвиных. Половина второго ночи.

Он очнулся от баллистического шока почти как человек…

Сначала судорожно сжались растопыренные пальцы торчащей из-под слоя горячей золы руки. Потом пепел пожарища, еще кое-где расцвеченный тлеющими угольками, зашевелился, пришел в движение, и из-под него показалась голова человекоподобного робота.

Внешний вид Степа внушал ужас. Покрывающая его механическое тело пеноплоть частично обгорела и свисала безобразными лохмотьями. Правая рука бездействовала, и ее развороченный привод слегка подергивался, тщетно пытаясь передать движение на перебитую конечность. Лицевую пластину дройда пересекал уродливый, рваный шрам, в левой глазнице торчали осколки от объектива ослепшей видеокамеры…

Степ судорожно изогнулся, сел и чисто человеческим жестом схватился за сломанную в бедре ногу.

Его голова повернулась с характерным всхлипом сервоприводов, правый глаз-объектив, в глуби которого сжимался диафрагменный зрачок, уставился на вывороченные приводы ноги. Внутренний дисплей андроида тут же высветил пульсирующую красным цветом схематичную карту повреждений.

На секунду или две Степ застыл.

Однако внешняя неподвижность андроида и его взгляд, устремленный в одну точку, никак не отражали сути идущих внутри человекоподобной машины процессов. Его сканирующие системы работали, в этот миг с полной отдачей.

Внутренний дисплей мгновенно разделился на несколько оперативных окон.

Процессор дройда обработал полученные сигналы, и он увидел жаркие тепловые контуры шести шагающих машин пришельцев, которые окружили дом полукольцом.

Внутри дома термальная оптика показывала присутствие человека. В том, что это была Ольга, Степ не усомнился ни на секунду.

Странные вещи творились с ним. Осколок, который ударил в голову дройда, срезав объектив видеокамеры, что-то нарушил во внутренних связях позитронного мозга. Он ощущал себя совсем не таким скованным,

как до рокового удара. Потеряв способность полноценно двигаться, полностью отдавая себе отчет о полученных повреждениях, Степ тем не менее чувствовал непонятную, прямо-таки безграничную свободу…

Тепловой контур одной из машин вдруг шевельнулся, выпуская из себя сигнал поменьше. Это был человек, вооруженный какой-то разновидностью импульсного оружия, и направлялся он прямо к дому.

Степ дернулся, будто в него опять попала пуля, попытался было встать, но поврежденный привод ноги подвел — робот лишь неуклюже опрокинулся на спину, взметнув облачко медленно оседающего пепла.

Если машина в состоянии ощущать отчаяние, гнев от осознания своей беспомощности, то дройд вкусил его в полной мере, когда понял, что не может защитить хозяйку.

На миг его сознание помутилось, как от баллистического шока. Это был эквивалент смятения, когда управляющие программы тщетно, одну за другой, пытались смоделировать вариации поведения, но все сводилось к одному — перед внутренним взором дройда злобно вспыхивала одна и та же надпись:

«Повреждение опорно-двигательных функций. Действие блокировано».

Единственный глаз Степа, в глуби которого, за диафрагмой зрачка, алела тусклая точка инфракрасного сканера, с визгом повернулся в гнезде, левая рука загребла золу, нашла в пепелище опору, зацепившись за обугленный корень сгоревшего дерева, и дройд рывком подтянул свое тело, на добрых полметра приблизившись к дому.

После второй попытки он понял, что не успеет, — человек уже входил в дом, а он, если даже и доберется до периметра дворовых построек, вдоль которого выстроились машины пришельцев, то что он сможет сделать в таком плачевном состоянии с шагающими гигантами, окружившими дом?

Ничего… Разве что распластаться под их ступоходами…

Человек в такой ситуации взвыл бы от бессилия… но Степан, несмотря на сходство с людьми, все же являлся машиной и не мог испытать подобного чувства. Пока его процессор обрабатывал новые данные, поисковые системы дройда потянулись в другую сторону. Туда, где они были с Ольгой накануне.

От места крушения корабля до усадьбы Полвиных по прямой через лес было не больше трех километров.

Упавший на Кассию космический корабль по-прежнему лежал в глубокой борозде, рассекающей надвое изуродованный холм. Его бортовые системы издавали слабый, но уверенный фон.

Степ извернулся, дернувшись всем телом, чтобы поменять позу. Теперь его передатчик оказался нацеленным на далекий корабль.

Три километра… Меньше трех минут, при скорости шестьдесят миль в час…

Рощин вошел в дом…

Лейтенант Сейч поправил коммуникатор и зло усмехнулся, представив, как его подчиненный морщится от стойкого запаха пожарища…

За три километра от усадьбы Полвиных в сумеречных глубинах корабельного трюма вспыхнул одинокий красный сигнал. Исполинская фигура «Беркута» в его свете казалась облитой жидким кровавым огнем. Внезапно он шевельнулся, словно хотел испытать на прочность оплетавшие его шланги стационарного питания, и одновременно с этим пришла в движение закрытая аппарель. В обозначившейся у потолка грузового отсека щели показался клочок звездного неба Кассии; огромная бронеплита на миг застыла, а потом резко пошла вниз, откидываясь на обугленный склон.

Степ сидел не шевелясь. Казалось, что человекоподобный робот впал в транс.

…С гулким ударом аппарель легла на склон. В сумеречных глубинах трюма блеснул кровавый блик, отразившийся на коленном сочленении «Беркута». Со звоном лопнуло несколько кабелей, оплетающих исполинскую ногу, и первый шаг робота ощутимо поколебал почву.

…Позитронный мозг Степа на миг позволил «Беркуту» остановиться, отпустив перехваченное управление.

Робот застыл, возвышаясь над кораблем немыслимой, угрюмой тенью.

Дройд послал новый сигнал.

Навигационная система «Беркута» ответила знакомым машинным кодом. Их программы были написаны на одном компьютерном языке, и это не казалось удивительным — оба робота создавались много сотен лет назад на основе технологий, которые увезли с Земли колониальные транспорты…

Через десять секунд взаимопонимание между машинами было установлено.

О чем договорились их центральные вычислительные устройства, на данный момент оставалось загадкой, но «Беркут» внезапно двинулся с места и зашагал по направлению разоренной усадьбы Полвиных…

* * *

Опасения Рощина насчет лейтенанта Сейма и термальной оптики его

машины были вполне обоснованы — раздосадованный задержкой подчиненного, тот действительно включил инфракрасные сканеры, но заметить Ольгу просто не успел — его отвлек доклад капрала Делакруа.

— Лейтенант! Что-то приближается со стороны леса!

Сейч отреагировал мгновенно. Развернув торс своего робота, он направил системы обнаружения в указанную сторону, и тут же в рубке злобно взвыл предупреждающий сигнал — со стороны гари, на которой он завалил этого прыткого дройда, приближалось нечто огромное, смутно знакомое… но когда на целевом мониторе внезапно вспыхнул четкий, узнаваемый контур шагающей машины, Сейч в первый момент не поверил своим глазам.

Глаза могли ошибаться, но компьютерная система опознавания целей нет…

По спине лейтенанта продрал озноб. Невероятно… Откуда ему здесь взяться?!

И тем не менее это был он… ОН! Тот самый шагающий робот, с компьютерной моделью которого ему приходилось не раз сражаться в условиях виртуального полигона… проклятье Дабога, прототип всех созданных на Земле серв-машин!.. Робот, за которого Земное командование сулило баснословную награду, равно как и за голову его пилота…

Сейч в эту секунду даже вспомнил его имя — Игорь Рокотов, кажется…

Смятение в душе лейтенанта не имело ничего общего со страхом. Сейч вдруг понял — его трясет от нервного перевозбуждения.

Целевой монитор равнодушно выплевывал цифры в окошке дистанционных сканеров:

Километр двести… тысяча метров… девятьсот…

Робот огромными шагами ломился через лес, подминая макушки самых высоких сосен. Это не могло быть ошибкой — ОН ПЕР ПРЯМО НА НИХ!..

— Тревога! — заорал Сейч, и его «Фалангер» рывком двинулся с места, одновременно разворачивая в сторону леса стволы автоматических орудий. Дьявол, ребята, ЭТО ОН!!!

Непонятно, чего было больше в возгласе лейтенанта — запоздалого страха, изумления или шального азарта?

Нельзя сказать, чтобы подчиненные разделяли все его чувства, но четыре машины послушно двинулись вслед командиру, и лишь «Хоплит» Рощина по-прежнему стоял у сломанной, втоптанной в землю ограды.

— Петч, левый фланг, Делакруа, справа, Зингер, Подаровский,

поддержка огнем! — отрывисто командовал лейтенант, выводя свою машину против приближающегося через лес исполина. — Рощин, твою мать, живо в кабину! Подтягивайся!

Андрей в этот момент как раз вышел из дома. Он слышал возгласы в эфире, но еще не понял, к чему они относятся. Тем не менее он бегом кинулся к своему «Хоплиту».

В ста метрах от заборчика с ревом разрядились ракетные установки с машин Зингера и Подаровского. Андрей успел заметить, как убийственно коротка дистанция огня, а впереди уже тяжко содрогнулся лес, и неровная цепочка оранжево-желтых сполохов кинула по сторонам вывороченные с корнем сосны.

Вскарабкавшись по болтающейся лесенке в рубку, Рощин плюхнулся в кресло, пристегивая ремни.

На обзорных экранах творилось что-то несусветное.

«Беркут», который лишь пошатнулся от неприцельного ракетного залпа, в этот миг появился на краю гари, и последняя вспышка четко высветила из мрака его силуэт. «Фалангер» Сейча находился всего в сотне метров от него, и обе пушки с машины лейтенанта уже работали, пропарывая мрак хоботками танцующей на срезах компенсаторов статики…

Схватившись за рычаги, Рощин тронул с места свой «Хоплит».

Наружные микрофоны передавали звонкий, оглушительный грохот молотящих в броню «Беркута» снарядов. Во мраке что-то вспыхивало, меркло, разлеталось по сторонам…

Андрей машинально включил плечевые прожектора «Хоплита», которые оказались направлены так удачно, что тут же высветили всю гарь вкупе с двумя танцующими по ней машинами.

— Молодец, Рощин!.. — раздался торжествующий выкрик Сейча.

— Всегда пожалуйста, лейтенант, — сквозь зубы пробормотал Андрей. Он вел свою машину вслед «Фалангеру» командира, краем глаза заметив, как по флангам из тьмы выступили тяжелые машины сержанта Петча и капрала Делакруа.

Сейчас последует сокрушительный залп, и этого монстра разорвет на куски…

Андрей успел подумать об этом за долю секунды до того, как огромный шагающий робот совершил абсолютно непонятный маневр. Он вдруг остановился как вкопанный, одновременно поджав ступоходы, и его приплюснутый корпус рывком опустился к обугленной земле…

В немом изумлении Рощин увидел, как из пепла, который еще кое-где

курился дымком дотлевающих угольев, к откинувшемуся в днище «Беркута» люку метнулась вскинутая рука робота-андроида… и вдруг картину затмил иной, еще более впечатляющий кадр: «Фалангер» сержанта Петча вдруг задергался, словно по нему замолотили кувалдой, и начал медленно валиться назад…

— Делакруа, сука, в кого стреля… — Крик оборвался, когда в черное небо вдруг ударил ослепительный сноп огня, — это в простреленном навылет торсе «Фалангера» рванул боезапас ракет…

У Андрея помутилось в глазах. Все произошло в течение нескольких ничтожных секунд…

Он понял, что очередь, по инерции выпущенная капралом Делакруа в торс вражеского робота, прошла над опустившейся рубкой «Беркута» и убила сержанта, прошив его «Фалангер»… Это было чудовищно… Чудовищно… Ошибка ближнего боя, о которой сотни раз говорилось на виртуальных тренировках…

Секунды боя в сознании Андрея вдруг начали растягиваться в вечность…

Он остановил свой «Хоплит», и тот качнулся, взвизгнув приводами торсового разворота.

О моральных исканиях следовало забыть. Сейчас шел бой, и впереди был враг.

— Командир, блокируешь биссектрису![3] — произнес он в коммуникатор, не отрывая глаз от прицельной сетки.

«Фалангер» лейтенанта Сейча, который действительно загораживал Рощину линию огня, резко отпрянул в сторону. Его пушки перезаряжались и были в этот момент бесполезны против огромной машины, которая, словно насмехаясь над потугами земных пилотов, продолжала стоять в непристойной позе, припав к земле, а искалеченный дройд, извиваясь, как порванный пополам червяк, вползал в его чрево, дергая в воздухе перерубленной ногой…

Палец Рощина лег на выпуклость гашетки…

* * *

…Ольга видела эту сцену из окна дома. В первый миг, когда на одной из шагающих машин ослепительно вспыхнули прожектора, поймав в конус света исполинскую фигуру робота, она не узнала этот хищный приплюснутый контур, который видела всего два раза, и то в сумраке грузового отсека космического корабля, но зато человекоподобная фигура Степана, который калечно дергаясь, пытался влезть в распахнутый люк,

заставила ее вскрикнуть…

— Степ!..

Не помня себя, она вскарабкалась на подоконник, выпрыгнула в окно и побежала…

В этот жуткий миг Ольга не думала ни о чем. Страшный порыв отчаяния толкнул ее вперед. Степ в ее душе олицетворял детство, дом, уют — все… все, чем она жила до сегодняшнего вечера…

— Нет!.. — Ольге казалось, что она кричит, но на самом деле с ее побелевших губ рвался лишь смешанный с прерывистым дыханием шепот. — Не стреляйте! Нет! Прошу вас!!!

Пробежав сотню шагов, она споткнулась и рухнула на колени, вдруг осознав, что находится в самом центре выгоревшей опушки, как раз между исполинскими шагающими машинами, одна из которых уже поворачивалась к ней…

* * *

— Рощин, пес поганый, ты же сказал, что там никого нет!..

— Это девушка, лейтенант, не трогай ее! Она не солдат!

Фигура Ольги Полвиной казалась игрушечной на фоне пятнадцатиметровых механических исполинов.

— Убей ее! — Короткий, но емкий приказ лейтенанта хлестнул по сознанию Андрея Рощина, как удар бича. Хочешь повязать кровью, лейтенант?.. — зло подумал он, испытывая страшную, выворачивающую нутро раздвоенность…

Беглый взгляд на обзорный экран несколько облегчил это чувство: «Фалангер» Сейча уже потерял интерес к внезапно выскочившей под ступоходы роботов фигурке и в данный момент разворачивал свой торс в сторону «Беркута». Пушки на машине лейтенанта перезарядились.

Андрей упрямо мотнул головой, словно командир механизированной группы мог увидеть его жест.

— Умри, сука… — Этот хриплый возглас резанул эфир, и Рощину на миг показалось, что сейчас наступит конец, — по роковой случайности именно в этот миг Ольга споткнулась и упала, взметнув вокруг себя горячий пепел… но залп, прозвучавший над гарью, предназначался не ей, — «Фалангер» Сейча шел боком, развернув торс в сторону присевшего «Беркута», и поливал того сокрушительным огнем из обоих орудийных комплексов.

Исполинская машина пошатнулась… пластины активной брони срывало с нее и раскидывало по сторонам перегретыми, вишневыми

плевками… Дройд уже почти вполз внутрь, а девушка вдруг вскочила и, презирая огонь, рванулась к тому же люку, куда карабкался человекоподобный робот…

«Беркут», которого знали, боялись, ненавидели, не произвел еще ни одного выстрела, но по-прежнему удерживал равновесие, вздрагивая под неистовым огнем, хотя любая из земных машин от такой атаки уже была бы разорвана на куски… Сейч поливал его из орудий, матерясь в эфир на троих водителей «Хоплитов», а сам бой — если это избиение можно было назвать боем — протекал вопреки всем тренировкам и правилам — сумбурно, ненатурально, страшно…

Машины Подаровского и Зингера выломились из леса. Их ракетные установки уже перезарядились, но оба пилота справедливо опасались открывать огонь — с одной стороны, возле «Беркута» неподвижно возвышался «Фалангер» капрала Делакруа, которая, очевидно, бросила управление, потрясенная смертью убитого ею сержанта, а с другой, блокируя линию огня, истекала жирным дымом развороченная машина Петча, в которой взрыв боекомплекта сорвал рубку, выпустив наружу уродливую мешанину обугленных проводов…

— Капрал, прочь! Уводи машину! — орал в эфире лейтенант, продолжая всаживать снаряды в коленопреклоненный «Беркут».

Под напором его огня исполин пошатнулся и вдруг со скрежетом начал опрокидываться на спину.

Его опорно-двигательная система не выдержала шквала срезающих броню снарядов…

— Есть! Есть! Есть!!!

Земля содрогнулась, принимая на себя шестьдесят тонн металла…

В горячке боя Сейчу хотелось петь, орать… его воспаленный взгляд блуждал по обзорным экранам, наслаждаясь, впитывая эту картину, и вдруг…

Он заметил Ольгу, которая, рыдая, бежала к упавшему «Беркуту». Дройд уже вполз внутрь машины, а ей оставалось всего лишь несколько метров до открытого люка, который зиял в днище опрокинувшегося на спину неподвижного робота.

— Стоять! — заорал Сейч, машинально поворачивая торс «Фалангера». Рощин, ты нарушил приказ, сволочь!

Пулеметные установки «Фалангера» зашлись длинной, злобной очередью. Ольга упала, обхватив руками голову. Смерть плясала вокруг, вздымая султанчики пепла, визгливо рикошетя от исполинских ступоходов опрокинувшегося «Беркута»…

Сейч выругался. Для пулеметов это была слишком маленькая цель. Нужно навестись через компьютер…

Стволы автоматических пушек дернулись в сторону застывшей человеческой фигурки, и Андрей понял: шутки кончились — еще секунда, и на том месте, где между ступоходов «Беркута» скорчилась девушка, вспорхнет облачко кровавого тумана…

— Посмотри сюда, лейтенант!

Торс «Фалангера» остановился, не завершив движения. Казалось, огромный, устрашающий робот изумлен не меньше, чем сидящий внутри его пилот.

«Хоплит» Рощина сделал шаг в сторону, разворачивая плечевые ракетные установки, из которых торчали, бликуя в свете прожекторов, тупые, холодные жала ракет.

— Это неправильно, лейтенант… Она ни в чем не виновата…

Андрей понимал, что его слова уже не значат ничего.

— Рощин, ублюдок, я же тебя предупреждал… — В голосе лейтенанта изумление смешалось с торжеством. Сейч еще не остыл от экстаза первой победы, и ему в данный миг было все равно, он даже ощутил дикую, злобную радость оттого, что этот своенравный, ненавистный Рощин наконец встрял, напрямую ослушался приказа, развязав тем самым ему руки.

— Остынь, командир!.. Это мирные жители! Они не воюют с нами! — сделал последнюю попытку Андрей, но Сейча сейчас уже не могло остановить ничто лейтенант сорвался с тормозов, возбуждение боя клокотало в нем, напрочь стирая остатки здравого смысла…

— Не надо, лейтенант… — В тихом голосе Рощина прозвучала теперь плохо скрытая угроза.

— Предпочитаешь занять ее место? — отрывистое дыхание выходило из горла Сейча вместе со словами, делая их похожими на шипение… — Я тебя предупреждал…

Очередь автоматической пушки разорвала наступившую после падения «Беркута» тишину, которая, словно саван, опустилась над истоптанной трехпалыми следами гарью.

Рощин отклонил торс своего «Хоплита», одновременно заставив робота сделать шаг назад. Его тридцатитонная машина была намного маневреннее массивного, тяжелого «Фалангера», и, как следствие, очередь прошла мимо, пропахав по обугленной земле цепь дымящихся воронок…

Андрей почувствовал, как во рту вдруг стало сухо и горько… Сейчас… Сейчас вторая очередь резанет по броне, прошьет рубку…

Он ошибся. Вместо выстрелов под правой орудийной установкой «Фалангера» открылся диафрагменный люк, и оттуда посыпались блестящие пустышки отстрелянных обойм. В горячке боя лейтенант не успел перезарядить пушки, и сейчас, выплюнув в машину Рощина остаток боекомплекта, лихорадочно жал сенсор перезагрузки.

Андрей видел, как отлетали от коленного сочленения «Фалангера» глянцевитые кожухи пустых обойм.

Дурак… — с обреченной грустью упрекнул сам себя Рощин.

Не дожидаясь повтора, он резко повернул «Хоплит» и в несколько шагов покрыл расстояние, отделявшее его от выгоревшей дотла машины сержанта Петча.

Лейтенант резко сместился вправо, открывая линию огня. Два других «Хоплита» застыли по краям гари. Оба пилота были ошеломлены, но ввязываться в разборки командира и строптивого подчиненного не собирались. «Фалангер» Делакруа по-прежнему не подавал никаких признаков жизни, возвышаясь возле опрокинувшегося на спину «Беркута» угрюмой, темной громадой.

Краем глаза Рощин успел заметить, что фигурка девушки куда-то исчезла.

* * *

Рыдая, Ольга вползла в открытый люк.

Ей казалось, что жизнь кончилась, а мир сузился до неестественных рамок темной, перевернутой рубки шагающей машины.

В полумраке ее рука наткнулась на что-то острое. Вскрикнув, она отшатнулась. Свет от сиротливо горящего на приборной панели «Беркута» тусклого, маленького экрана упал на развороченную ногу Степа.

Андроид повернул голову, посмотрел на хозяйку единственным глазом и вдруг произнес:

— Ольга Николаевна, вы должны мне помочь…

— Степ! — Она рванулась к нему, но в тесноте перевернутой рубки это оказалось непросто.

— Осторожно! — Видеокамера дройда с визгом повернулась в глазнице, когда Ольга схватилась за голову, ушибленную о выступ пульта. — Оля, доберись до кресла и успокойся!

Сколько лет она не слышала этого строгого голоса своего воспитателя? Удивительно, но она подчинилась без пререканий, как в детстве.

Кресло оказалось перевернуто вместе с рубкой, и ей пришлось не

сесть, а лечь в него, задрав ноги.

Дрожащие запястья коснулись углублений в подлокотниках, и она почувствовала, как тысячи микроскопических игл впились в ее кожу.

Ступни ног нашарили два углубления в форме подошв…

На пульте управления внезапно вспыхнул изумрудный сигнал.

— Отлично. Включилось ручное управление, — спокойно прокомментировал Степ. Невозмутимость искалеченного дройда подействовала на Ольгу ободряюще. Краем глаза она видела, как Степан извернулся, вытянул руку, ухватил обгоревшими пальцами какой-то разъем в стене рубки и потянул его, извлекая на свет длинный кабель компьютерного интерфейса. Однако всей его длины не хватило, чтобы достать до облысевшей при пожаре черепной коробки дройда, и Степ опять конвульсивно задергался, придвигаясь к стене.

Снаружи гулко прогрохотала одинокая короткая очередь.

Степ наконец нашел приемлемую позу и воткнул компьютерный разъем в свою черепную коробку.

Ольга совершенно не понимала смысла его манипуляций. Что я делаю в этом кресле? Зачем?!.. Ее трясло, губы дрожали, а назойливое покалывание нейросенсорных иголочек в запястьях рук и в районе затылка пугало до дурноты.

— Степ… — сдавленно произнесла она. — Что ты делаешь? Нам нужно бежать отсюда, понимаешь?!

— Сейчас… — Он опять завозился, потом вытянул руку и намертво вцепился механическими пальцами в вертикальную стойку. — Теперь я закреплен, — сообщил он. — Закрой глаза и представь, что ты встаешь. Остальное я сделаю сам.

— Зачем?! — испугалась она. — Степ, не дури, умоляю тебя! Что ты задумал?!

— Нет времени, Оля… Его сейчас убьют!

— Кого?!

Степ не успел ответить — снаружи что-то раскатисто ухнуло, и земля задрожала.

Ольга зажмурилась.

Господи… помоги мне…

Мысленно представив, что встает, она напрягла мышцы ног, и вдруг…

Под ложечкой засосало от неприятного чувства — она взмывала на пятнадцатиметровую высоту. Это «Беркут», который теперь являлся продолжением ее нервов, вдруг с душераздирающим визгом перегруженных приводов начал приподниматься, совершенно

человеческим движением привстав на одно колено, и…

Она не открывала глаз, но видела мир таким, каким наблюдали его сенсоры шагающей машины…

Это была страшная, щемящая, низвергающая разум секунда слияния человека и кибернетической системы.

Нейросенсорный контакт…

* * *

Андрей Рощин отступал, раз за разом выводя свой «Хоплит» из-под смертельных ударов лейтенанта.

Почему он колебался, не отвечал на экономные, прицельные очереди автоматических турелей? Разве ему, воспитанному в тюрьме, должны были быть присущи еще какие-то чувства, кроме звериного инстинкта самосохранения, ярого стремления всегда отвечать ударом на удар?

Выходит, что так…

Снаряды перерубили сосну, за которую ступил «Хоплит» Рощина… Взрывная волна ударила в броню тяжкой судорогой.

Голову Андрея вжало в подголовник.

— Что, Рощин, облажался?! — негромко осведомился по рации Сейч. Хватит играть в кошки-мышки, ублюдок… Ты что, успел поиметь ее? Что ты так забеспокоился об аборигенах, а?

На лбу Андрея выступили капельки пота.

Он ненавидел таких людей, как лейтенант. Рощин мог вытерпеть многое, но последнее грязное замечание Сейча окончательно выбило его из равновесия.

— Сначала я пришью тебя, а потом позабавлюсь с девочкой… — сообщил коммуникатор. — Передать ей привет?

Андрей не ответил.

Пальцы Рощина пробежались по сенсорным контактам пульта. Внутри «Хоплита», под креслом, что-то протяжно загудело.

«Фалангер» лейтенанта прошел мимо поверженного «Беркута». Сейч знал, что его лобовая броня практически неуязвима для тех ракет, которыми оснащен «Хоплит» Рощина. Он не боялся. Он играл с ним.

На губах лейтенанта блуждала зловещая улыбка. Наблюдая, как по мере сокращения дистанции на целевом мониторе все ярче и ярче проступал тепловой контур тридцатитонной машины, Сейч уже чувствовал, осязал тот миг, когда он с короткой дистанции разрядит обе пушки прямо в рубку «Хоплита», которым управлял ненавистный пилот. Потеря машины после победы над легендарным «Беркутом» уже не могла взволновать его.

Он нутром чувствовал — ему простят все, буквально все, как только он доставит Надырову свой бесценный трофей. Он станет национальным героем, ходячей легендой…

Давай, Рощин, выходи… Я долго тебя терпел, теперь же ты не выкрутишься… Я все, все спишу на этого истукана с Дабога…

Сейч не задумывался, так ли на самом деле сильна его неприязнь к Рощину. Или это была потребность убивать, физически устранять со своего пути любую помеху?

Все когда-то случается в первый раз… Каждый делает для себя внутренний выбор…

Ладонь лейтенанта толкнула джойстик, поворачивая подвески пушек. Паутина электронного прицела поползла по зеленому фону целевого монитора, и жаркий контур «Хоплита» влип в нее, запутался в координатной сетке…

Что это он так перегрелся? — подумал Сейч за мгновение до того, как Рощин врубил реактивные прыжковые ускорители.

Из-под согнутых ступоходов тридцатитонной машины рвануло ослепительное пламя. Огонь жадно облизал лесной дерн, рванул по нему, кинулся на ствол ближайшей сосны, Андрея вдавило в кресло, и он почувствовал, что взмывает вверх…

Полет тридцатитонной машины управлялся бортовым компьютером и не мог показаться изящным… он выглядел ошеломляющим, этот прыжок…

«Хоплит», изрыгая из днища ослепительное пламя, тяжело подался вверх и вперед — его согнутые ступоходы едва не чиркнули по выступу рубки «Фалангера», и с тяжким ударом приземлился позади машины лейтенанта.

Андрей, из легких которого вышибло весь воздух при жестком соприкосновении с землей, кое-как удержал машину от падения и резко развернул ее корпус, одновременно пытаясь сделать судорожный вдох…

В отличие от Сейча, он никогда не играл со смертью. Если решил, значит, бей, — это был один из жестоких законов, который неустанно преподавала жизнь в тюремных бараках Ио…

Ракетный залп из обеих плечевых установок «Хоплита» ударил в спину «Фалангера», опрокинув пятидесятитонную машину на курящийся дымом дерн.

Рощин смотрел, как падает огромный шагающий робот, а в его душе росла болезненная пустота.

Или это отбитые при ударе легкие с такой болью принимали в себя воздух?

Нет…

Теперь он уже не был захватчиком. Он стоял вне закона как для одной, так и для другой стороны.

— Ну… кто следующий? — резко, хрипло выдохнул он в коммуникатор, машинально включив перезарядку ракетных установок.

Ответом ему была гробовая тишина, в которую внешние микрофоны «Хоплита» вдруг вплели зубовный скрежет, похожий на звук выпрямляющихся сервоприводов.

Андрей метнул взгляд на тактический монитор и сомлел.

Машины Зингера и Подаровского, с которыми он собирался драться, резко расходились… нет… разбегались в разные стороны, без дороги вломившись в лес, а посреди обугленной поляны, будто призрак, вставал, припав на согнутый ступоход, поверженный Сейчем шагающий робот колонистов…

Глава 15

Окраина Александрийска. Около двух часов ночи.

Все смешалось в этот час в столице Кассии. Николай и Мария Полвины, которые въехали в город с запада, по одной из четырех магистралей, рассекавших материк от моря до моря на четыре неравные по размеру части, были удивлены и встревожены той необычайной оживленностью, даже суетой, что царила на улицах города в столь поздний, совсем неурочный для такого оживления час.

— Коля, что бы это могло значить? — Мария с тревогой огляделась по сторонам, когда муж притормозил машину на перекрестке, пропуская толпу пешеходов, переходивших улицу.

— Не знаю, Машенька… — покусывая фильтр сигареты, ответил Николай Андреевич. — Поехали-ка к Вадиму, думаю, он не обидится, даже если и спит.

— Вряд ли. Лозин не из тех, кто пропускает ночную суматоху, — не удержалась от грустной улыбки Мария. — Вы с Вадимом — два сапога пара…

— Ну, не преувеличивай, милая…

Оба говорили, стараясь унять этой милой болтовней растущее внутри чувство неосознанной тревоги. Теперь Николаю уже не казалось таким разумным решение оставить дочь самостоятельно похозяйствовать в усадьбе.

Дом, в котором останавливался во время редких наездов в столицу Вадим Петрович Лозин, располагался за два квартала от опоясывающей город кольцевой автострады. Доехать до него было пятиминутным делом, и вскоре Полвин уже парковал машину в подземном гараже общественной многоэтажки.

— Позвонить бы… — осторожно напомнила Мария.

— Некогда, пойдем, — Николай уже не мог, да и не старался скрыть тревоги. — Не нравится мне эта суматоха, Машенька. Как бы не пришлось нам с тобой ехать обратно. Чует сердце, что-то нехорошее случилось…

— Вот умеешь ты подбодрить, Коля… — мягко упрекнула его жена.

Лифт поднял их с нулевого уровня на десятый этаж. В холле, куда выходили двери квартир, царил полумрак, в котором фантастическими силуэтами застыли высаженные в центре растения, чьи семена прибыли на Кассию вместе с колонистами. Помнится, этих неженок, что упрямо не

хотели расти под открытым небом, называли Николаю как пальмы.

Позвонив в квартиру Лозина, он не удивился, когда услышал за дверью энергичные шаги. Ясно, что Вадим не спал.

— Коля!.. Машенька?!. — Он так удивился и обрадовался, что застыл в дверях, загородив проем. — Вот сюрприз так сюрприз!.. — Он наконец опомнился, посторонился, пропуская Полвиных внутрь. — Как же тебя вызвали так быстро? — продолжал удивляться он, принимая от Марии легкий плащ и одновременно косясь на Николая. — И где Оля? — внезапно переспросил он.

— Подожди, Вадим! — Николай протестующе поднял руку, прервав тем самым поток вопросов. — Меня никто никуда не вызывал. Мы приехали в город, чтобы Ольга после посещения АХУМа могла похозяйствовать сама, понять, что мечты о космосе — это хорошо, но жизнь ее принадлежит Кассии…

Заметив, как смертельно побледнел его старый друг, Николай умолк на полуслове.

— Что случилось, Вадим, говори! — не выдержала Мария.

— Господи, вы что, действительно не в курсе?

— Мы только с дороги! — резко напомнил ему Полвин.

Лозин понимающе кивнул. Повесив наконец плащ Марии на вешалку, он поднял глаза и произнес каким-то дребезжащим, внезапно постаревшим голосом:

— На Кассию напали. Наши спутники сбиты, а на высоких орбитах планеты сейчас обращается космический крейсер Земного альянса. Такой, как описывал нам тот парень с Дабога, помнишь?

Мария вскрикнула, прижав руки к груди. Николай выслушал известие с мужеством, только побледнел больше обычного.

— Что они хотят? — наконец, справившись с ошеломляющей новостью, спросил он.

— Пока точно не известно ничего. Я же не состою при штабе, ты знаешь… — Вадим безнадежно махнул рукой, посторонясь, как бы молча предлагая им наконец пройти в комнаты. Выглядел он в эту минуту на свои годы, — куда-то исчез молодцеватый задор, и Полвин увидел перед собой старика…

— Ну хоть что-то известно? — с оттенком досады спросил он, проходя в гостиную.

— На улицах говорят, что их командующий потребовал безоговорочной капитуляции и полной передачи планеты под юрисдикцию Земли. Он обещал автоматически дать гражданство Альянса каждому, кто

добровольно выполнит эти условия, и защищать Кассию от вторжений…

— Вадим, очнись, ты бредишь! — Николай прикурил сигарету, смял пустую пачку и обернулся. Его взгляд походил на взгляд безумца. — От кого они нас будут защищать?! От самих себя?!.

— Коля, ты спросил, а я ответил. Так говорят. А большего мне не докладывали.

— Извини. — Полвин сел в кресло, посмотрел на жену и вдруг спросил: Что будем делать, Маша? Нужно ехать назад, верно?

Мария стояла у окна, глядя на растревоженный, освещенный уличными огнями город.

— Коля, ты должен решить сам.

Он понимал, о чем она говорит. И Вадим тоже, но он молчал, понимая, что не годится лезть с советами.

Николай должен был решить все сам.

Он не сомневался — только сбитый спутник связи уберег его от звонка по сотовой и вызова в штаб. Никто не знает, что он в городе. Вадим не скажет этого никому ни при каких обстоятельствах. Значит, у него был выбор добровольно явиться туда и попытаться выполнить свой долг офицера и потомственного военного или кинуться назад, в усадьбу к дочери.

Сейчас его душа разрывалась между долгом офицера и долгом отца.

Он знал, что Маша примет решение вернуться, с ним или без него…

«Что я должен сделать?» — лихорадочно думал Полвин, покусывая горький фильтр потухшей сигареты. Грозит ли Оле какая-то опасность в усадьбе? Разум подсказывал, что нет. Если удар с орбиты будет нанесен, то первой целью станет столица Кассии да, быть может, несколько расположенных южнее роботизированных заводов-комплексов. Затерянная в трехстах километрах отсюда среди лесов и полей горстка домов и ферм в принципе не представляла собой никакой стратегической ценности. Единственное, что могло заинтересовать военных, — это упавший недалеко от усадьбы космический корабль, но вряд ли они отыщут его так скоро — слишком мал…

Хотя кто знает?

Сомнения терзали душу Полвина. Как-то сразу вспомнился тот памятный вечер, неурочный вызов, разговор о Дабоге с этим человеком по фамилии Рокотов.

Тогда все происходящее показалось Николаю чуть ли не дикостью. Какая война? Что можно делить людям в бескрайнем космосе, где сотни неосвоенных, ожидающих своей очереди планет?

Теперь он ощущал несколько иное.

Сейчас Николай испытывал внутренний стыд и растерянность, вспоминая свое недоумение, досаду, когда в ответ на вопрос, почему Дабог стал сопротивляться, а не принял условия Земли, Рокотов вдруг с горечью и вызовом ответил, что они сами когда-нибудь поймут это…

Взгляд Полвина остановился на телефонном аппарате.

Подняв трубку, он услышал гудок, медленно набрал номер.

На том конце провода долго не брали, затем раздался щелчок, и он услышал голос:

— Да, я слушаю.

— С кем я говорю? — резко осведомился Полвин. — Почему не представляетесь, как положено, офицер?

Несколько секунд гробовой тишины…

— Николай Андреевич, это ты? — спросил тот же голос, и теперь Полвин наконец узнал его.

— Да, я! Ханс, что случилось, мне сказали…

— Все кончено, — вдруг произнес президент Кассии. — На орбите крейсер Земли. Они угрожают тотальной бомбардировкой. Я принял решение о капитуляции, которую милосердно называют «миром».

Николай Андреевич потрясенно молчал. Ханс Шнитке еще что-то говорил, а рука Полвина с зажатой в ней телефонной трубкой медленно опустилась.

Мария и Вадим напряженно смотрели на него, в принципе уже предугадав ту фразу, которую он произнес спустя несколько секунд тишины:

— Мы капитулировали… Кассия больше не принадлежит нам…

В трубке монотонно звучали короткие гудки.

* * *

Было около двух часов ночи, когда Сергей добрался до усадьбы Лисецких.

Кирилл Александрович и две его дочери, очевидно, не спали. В окнах мерцал приглушенный плотными шторами свет. Во дворе протяжно выла собака.

Сергей напрямую пошел к крыльцу, толкнул дверь. Та оказалась не заперта, и он, не разуваясь, тяжело дыша, прошел в гостиную.

Хозяин стоял спиной к нему. Кирилл Александрович разговаривал с кем-то по телефону, но, услышав шум шагов, резко обернулся.

С трудом узнав Воронина, он что-то сказал в трубку, отложил ее в

сторону и уставился на Сергея.

— Что случилось? Где Оля?! Сергей мотнул головой.

— Я не видел ее… — хрипло признался он. — На дороге возле АХУМа меня схватили какие-то люди… В меня стреляли… Я… Я еле вырвался от них…

— Подожди… — Кирилл Александрович схватил трубку.

— Коля, это Сергей! На него кто-то напал!.. Что?.. Нет, он не знает… Что?!. Сейчас… — Лисец-кий обернулся к Сергею: — Тебя, Полвин.

Воронин взял трубку, помедлил, потом приложил ее к уху.

— Да, Николай Андреевич.

— Сережа, где Ольга?! — раздался в трубке далекий, встревоженный голос.

— Я не знаю… — Сергей судорожно сглотнул, покосившись на Лисецкого, но тот тактично отошел. Стоял, отвернувшись к окну, и напряженно вглядывался в ночь. — Должно быть, дома… — понизив голос, выдавил он. — Вы же видели, когда я ушел!..

— Да, да, я видел… Но, Сережа, Кирилл говорит, что слышал грохот с той стороны… — В голосе Пол-вина прозвучала мука. — Да, и почему ты вдруг оказался у него? — внезапно спросил он.

Сергей изменился в лице. В сумраке гостиной выступивший на бледных щеках молодого офицера нездоровый румянец казался двумя коричневыми пятнами какой-то проказы… Ладонь, сжимавшая трубку, неприятно вспотела… Я же не могу сказать ему правды… не могу…

— Я шел домой, когда меня схватили какие-то люди. — Голос Сергея предательски дрогнул, но проводная связь на Кассии оставляла желать лучшего, и его интонации сгладили помехи. — Они были на огромных шагающих машинах, сглотнув, произнес он. — Я… Я едва вырвался… Я сам в шоке, Николай Андреевич…

Тут он не лгал. Сергея действительно до сих пор трясло, и он ровным счетом ничего не понимал в цепи страшных событий этой роковой ночи…

— На Кассию напали… — сообщил ему Полвин ошеломляющую новость. — Ты, видно, столкнулся с одним из отрядов механизированного десанта. Но сейчас заключен мир, мы капитулировали, ты слышишь? Их адмирал заверил, что Кассии не будет причинено никакого вреда, если никто не станет оказывать сопротивления. Я общался с президентом, он лично сказал мне об этом. Полвин говорил очень быстро, так что Воронин едва разбирал слова. — Сережа, мы едем домой, но нам с Машей понадобится часа два, чтобы добраться… Прошу тебя, возьми машину у Кирилла Александровича и езжай к Оле!.. Найди ее, успокой… Если

появятся чужаки, то не бойтесь, они не смеют никого трогать: их адмирал принял капитуляцию планеты и гарантировал мир!..

При этих словах Полвина плечи Сергея приподнялись. Он еще дрожал от пережитого ужаса, и звук свистящих между стволов пуль, казалось, не забудется никогда, но все, чем он мучился, за что проклинал себя, как-то вдруг отошло на второй план… У молодого человека, возможно, отсутствовала храбрость, но зато наличествовал ум… Он увидел, с каким блеском может выйти из сложившейся ситуации. Раз с захватчиками заключен мир, то он может безбоязненно вернуться в усадьбу Полвиных и про его предательство никто никогда не узнает. Тот страшный отряд, составленный из шагающих машин, уже наверняка проследовал дальше… Он же в глазах Оли будет самым натуральным героем, мужчиной, который кинулся ее спасать невзирая на опасность…

— …Сережа, ты сделаешь это? — вторгся в его мысли голос Полвина.

— Да, Николай Андреевич, не волнуйтесь… Конечно, я поеду… Да, прямо сейчас.

Он обернулся:

— Кирилл Александрович, вас.

Лисецкий взял трубку:

— Да, Коля, не волнуйся. Да, дам. Все, до встречи…

Положив трубку, Лисецкий взял со столика ключи и протянул Сергею:

— Давай, Сережа, пулей. Ты смелый парень… — с уважением произнес он, глядя на разорванный и местами заляпанный ссохшейся грязью мундир. — Я сейчас отправлю дочек подальше к тетке и еду за тобой. Справишься?

Сергей кивнул, хотя в душе совсем не был в этом уверен. Однако его взгляд, когда он встретился глазами с Лисецким, уже не бегал, как несколько минут назад. Если его не уличат в предательстве, то спустя некоторое время он, наверное, и сам поверит в собственную ложь.

Возможно, все обернется к лучшему, и я выкручусь…

Есть такой тип людей, которые со временем умеют забывать неприятные моменты своей биографии, вставляя на их место более приглядные эпизоды… Со временем они действительно начинают верить в собственную выдуманную ложь…

Но так происходит только в том случае, если это позволяет судьба — дама капризная, а иногда — справедливая.

Он уже был на пороге, когда его догнал хозяин.

— Сережа, постой!

Он обернулся, внутренне холодея.

— Вот, возьми! — Лисецкий развернул промасленную тряпицу, и Сергей с ужасом увидел отливающий синевой, вороненый ствол автоматического пистолета.

— Зачем, дядя Кирилл?!. — отшатнулся он.

— На всякий случай. Перемирие — это в столице. А у нас леса вокруг, мало ли какая пакость… Держи. Если не понадобится, отдашь Николаю.

Сергей кивнул. Сглотнув, он взял оружие, почувствовав его тяжесть.

— Прежде сними с предохранителя, когда стрелять! — вслед ему крикнул Кирилл Александрович.

Сергей уже садился в запаркованную недалеко от крыльца машину и потому не видел, как старик, которого он час назад продал захватчикам, перекрестил его вслед…

Глава 16

Усадьба Полвиных. Три часа пополуночи.

Дом Полвиных стоял черной, мрачной глыбой. Вокруг отчетливо пахло гарью.

Машину, на которой ехал Сергей, несколько раз подбросило на ухабах.

Он скинул скорость, притормозил, растерянно глядя на огромные трехпалые следы, искорежившие асфальтовое покрытие дороги.

Они проходили здесь…

Сергей вороватым, быстрым движением погасил фары машины.

Тьма мгновенно облепила его со всех сторон, казалось даже, запах гари стал резче, отчетливее. На пасмурном небе не было звезд, дом впереди прорисовывался теперь смутной, страшной тенью, а тишина оглушала…

Рука Сергея медленно пошарила в темноте, двигаясь по пассажирскому сиденью, пока вспотевшая ладонь не наткнулась на холодную рифленую рукоять автоматического пистолета.

Двигатель машины работал с едва слышимым шелестом. Лисецкий всегда хорошо относился к своей технике. Слишком хорошо…

Вес оружия не прибавил Сергею спокойствия — наоборот, только усилил ощущение натянутых до предела нервов.

Удерживая одной рукой руль, он осторожно вдавил газ, тронув машину с места. Слава богу, коробка-автомат… — подумал он, выруливая в полной тьме по смутному контуру проведенной вдоль обочины белой линии дорожной разметки.

Машина вкатилась во двор усадьбы почти бесшумно, и тут он увидел то, что до этого скрывал от него второй этаж дома.

Во дворе подле крыльца высились три шагающих робота. Их гигантские силуэты напоминали собравшихся в кружок исполинских черных лягушек.

По спине Воронина прошиб пот.

Только бы не заметили… — метнулась в голове сиротливая, отчаянная мысль.

Внезапно в тишине громко заскрипели жалкие остатки входной двери дома.

— …Ничем не смог ей помочь… — раздался незнакомый мужской голос. Я думал, что Делакруа просто бросила управление роботом, когда

поняла, что застрелила сержанта, но на самом деле он тоже успел нажать спуск… — На крыльце щелкнула зажигалка, выхватив трепетным огоньком чужое, незнакомое лицо. — Страшно подумать… — произнес незнакомец, глубоко затянувшись. Всего одно попадание, одна дырочка, даже системы управления не нарушены, а человек мертв… Земные конструкторы навесили на машины слишком мощное импульсное оружие, а с броней промахнулись…

— Выходит, они застрелили друг друга? — услышал Сергей и с ужасом узнал голос Ольги Полви-ной. Его словно кипятком обдало внутри.

— Выходит, так… Оба целились в «Беркут», а он присел. Странная машина… — Огонек сигареты очертил в темноте полукруг, указав на одного из застывших роботов.

В этот миг нервы Сергея не выдержали. Нога, застывшая на педали газа, чуть дрогнула, и его инкогнито было внезапно раскрыто шелестящим звуком увеличившего обороты двигателя машины.

На крыльце моментально вспыхнул, развернувшись в его сторону, ослепительный фонарь.

— Сережа?! — раздался изумленный возглас Ольги.

* * *

Трепетное пламя свечи возникло в черном провале выбитого окна. Задрожав, облизнуло воздух, на миг высветив бледное лицо Ольги Полвиной, затем сместилось, двигая желтое, неровное пятно света в глубине комнаты, и остановилось, притихло, озаряя колеблющимся светом круглый обеденный стол, за которым, искоса, исподлобья поглядывая в сторону окна, сидел молодой мужчина в порванной и испачканной грязью офицерской форме.

Сергей Воронин (это был он) потрогал набрякший под глазом синяк, болезненно поморщился и вдруг резко, но негромко спросил, обращаясь к Ольге, которая как раз ставила в центр стола зажженную свечу:

— Почему он здесь, с тобой?

Сергей имел в виду Рощина, который стоял около темного проема окна, разминая в пальцах неприкуренную сигарету.

Ольга укоризненно посмотрела на Воронина:

— Сережа, он спас мне жизнь, — спокойно ответила она, едва сдержавшись, чтобы не добавить: а где был ты и откуда вывернулся так вовремя?

— Оля, он захватчик, чужак, один из тех, кто вторгся на Кассию! яростным шепотом произнес Сергей.

Ольга посмотрела на искаженное откровенной злобой лицо Сергея, совершенно не узнавая этих черт. Ей столько пришлось пережить за последние несколько часов, что праведное негодование Воронина как-то не находило отклика в душе. Перед глазами еще плавали яркие, звенящие, оглушающие фрагменты короткого и яростного боя, ужас гибели еще стыл в груди, и Ольга не нашлась, что ответить. Все ее существо продолжало дрожать…

— Захватчик, говоришь? — Рощин, который неподвижно стоял у дальнего окна огромной гостиной и, казалось, не должен был слышать их тихого разговора, вдруг обернулся. Щелчок зажигалки на мгновенье высветил из сумрака его осунувшееся лицо. Огонек сигареты очертил полукруг и вдруг поплыл во тьме, приближаясь к Сергею.

Воронин вскочил, опрокинув стул. В колеблющемся свете свечи холодно блеснул ствол автоматического пистолета.

— Не подходи, ублюдок!

Огонек сигареты продолжал плыть, надвигаясь из сумеречной глубины гостиной.

Сергей дрожал всем телом. Он опять боялся, страх двигал им, заставляя попятиться, оступиться… Взмахнув свободной рукой, он удержал равновесие и машинально, судорожно сдавил курок.

Выстрел раскроил тьму короткой оглушительной вспышкой.

Пуля ударила в стену, выбив дыру в штукатурке, и противно взвизгнула в рикошет.

Ольга не успела даже вскрикнуть — все произошло слишком быстро. Одновременно с выстрелом она увидела распластавшуюся в прыжке тень, изумленное, перекошенное лицо Сергея, услышала его хрип, когда голова Рощина ударила того в живот, и Воронин, согнувшись, повалился на пол, судорожно и безуспешно пытаясь вдохнуть…

Андрей подобрал отлетевший в сторону пистолет, посмотрел на него, покачал головой, поставил на предохранитель и сунул в карман.

— Я был захватчиком, — спокойно произнес он, садясь на второй стул. — Я уже говорил Ольге и повторяю тебе: у меня нет родины. — В голосе Андрея просквозила горечь. — И я совсем не убежден, что поступил правильно, встав на сторону таких, как ты…

— Ты нарушил мирное соглашение… — с хриплым стоном произнес Сергей, поднимаясь на четвереньки. — Мне плевать, кто ты и откуда… — с трудом разогнувшись, произнес он. — Ты приговорил Кассию своим идиотским поступком!

В этот миг Ольге показалось, что на нее вдруг опрокинули ведро

ледяной воды.

— Что? Что ты сказал? — резко вскрикнула она, обернувшись к Сергею.

Глаза Воронина испуганно забегали. Он понял, что сморозил опрометчивую глупость.

— Какой мир? — резко повторила Ольга свой вопрос, краем глаза заметив, как горько, иронично искривились губы Рощина.

Запираться было бесполезно.

— Твой отец позвонил в усадьбу Лисецких, час назад… — упавшим голосом признался он, даже не глядя в сторону Ольги. — Он сказал, что правительство Кассии приняло решение капитулировать перед появившимся на орбите космическим кораблем Земного альянса.

Губы Ольги мелко задрожали.

— Значит, Андрей поступил опрометчиво, спасая меня? Отец не сказал, смерть его дочери тоже входила в условия капитуляции? И Степ? А кто еще, а? Того парня, Игоря Рокотова, они тоже решили выдать?

Вопросы вырывались из пересохшего горла, как скомканные, шуршащие листки, срывающиеся с почерневших веток полоненного осенью дерева.

Сергей отступил на шаг, понуря голову.

— Оля, ты неправильно меня поняла… Она резко повернулась к Сергею.

— Да все я поняла! Я сидела в этом проклятом нейросенсорном кресле! Я видела Дабог! Вы сдались, потому что вам показали кусочек видео, испугались!.. А они… — К ее горлу вдруг подкатил ком. — Там дети умирают под землей, они держат этот проклятый флот, как на привязи, чтобы мы жили!.. И вы будете жить… — вдруг добавила она дрожащим голосом. — Будете… будете… — с отчаянием в голосе прошептала она.

— Оля!.. — Сергей подался было к ней, но, напоровшись на ее взгляд, вдруг осекся, передумал.

— Не надо ссориться.

Эта фраза, произнесенная так обыденно, ровно, заставила и Ольгу и Сергея посмотреть на Рощина.

— Не надо ссориться, — повторил он.

— Какое ты имеешь право тут указывать? — Сергей, тяжело дыша, посмотрел на Рощина. — Сильный, да? Схватил пистолет и думаешь все — начальник?

— Дурак, — ответил Рощин. — Речь идет о твоей планете… Впрочем, мне все равно. — Он достал пистолет и положил его на стол. — Только он

стреляет, запомни. — С этими словами Андрей развернулся к дверям.

— Нет! Подожди! — Ольга преградила ему путь. — Подожди, не уходи! — Она умоляюще посмотрела на Рощина, потом на Сергея. — Мы все ведь в одной лодке, верно?

— Ну, допустим… — Рощину было неприятно принимать участие в данной, смахивающей на семейный разлад сцене. Он чувствовал себя совершенно чужим в темном, разоренном доме, на этой планете, наконец. Да, он поддался порыву, встав на защиту этой девушки, и в принципе не жалел о сделанном, — Сейч был гнидой, как ни крути, да и не по душе Рощину было вершить судьбы людей, давя их ступоходами своего «Хоплита», но как объяснить это им, своим ровесникам, которые не видели ничего, кроме участливой заботы папы и мамы?.. Они и так, видно, запутались и в своих взаимоотношениях, и в той ситуации, которая обрушилась на их планету.

Ольга, очевидно, сумела понять его состояние.

Она села за стол, и колеблющееся пламя свечи осветило ее лицо, подчеркнув землистую бледность кожи.

— Андрей, почему вы решили, что можете и должны захватить нас? — тихо спросила она.

— Я не знаю… — Рощин оперся плечом о косяк, достал сигарету, прикурил… — Земля перенаселена… — произнес он, выпуская дым. Понимаешь, вот ты такая, как есть… Твой друг несколько иной, я тоже… Но каждый из нас хочет одного — жить. Также и на Земле, — миллиарды разных людей, которые устали вариться в собственном соку… Нами рулят, понимаете? Меня заставили… Иного обдурили, затуманили мозги пропагандой, третьему все равно, где зарабатывать деньги, четвертый просто отморозок, пятый, глядишь, попал сюда силой обстоятельств, может, дома жена, ребенок, на пособие не прокормить, а иначе, чем в армии, не заработать…

— Нужно быть последней сволочью, чтобы оправдывать…

Рощин тяжело посмотрел на Сергея.

— Ты знаешь, что такое плотность населения, парень? Сто человек на квадратный метр, например? — сощурившись, спросил он. — Или заключение по факту незаконного рождения? — добавил Рощин.

— Это как? — тихо переспросила Ольга.

— Очень просто… — с досадой, болью в голосе ответил Андрей. Поискав глазами, куда бы пристроить погасший окурок, он щелчком отправил его за выбитое взрывной волной окно. — Как я, например… — погасив вспышку раздражения, произнес он. — Моя мать, по

демографическому закону, не имела права иметь детей, но забеременела и родила меня… Потом… потом ее поймали, — на Земле сейчас не осталось мест, где можно спрятаться и отсиживаться всю жизнь… Так и получилось, я не имел права родиться, жить по закону я стал лишним членом общества… Что стало с матерью, не знаю… тяжело вздохнул Андрей. — А меня отправили на спутники Юпитера, в тюрьму…

— В тюрьму?..

— Представь… Мне было года четыре или пять… не больше.

— Но это…

— Чудовищно? — Андрей присел на корточки, тряхнул головой. -Да, чудовищно… И уничтожать планеты, оккупировать народы тоже чудовищно. И вот он я — один из беспринципных захватчиков… как, нравлюсь? И не ждите, что я пойду убивать таких же, как я… Это вам есть за что бороться. Кассия — ваша планета, а не моя. Я не смогу спускать гашетку. Чтобы убить, мне нужно знать — за что?..

— А тот… в роботе, за усадьбой?

— Он был сволочью… — хмуро ответил Рощин. — По любым меркам.

Три человека в пустой комнате…

Три человека, двое из которых тщетно пытались постичь суть страшного действа под названием «война»…

Третий просто боялся и ненавидел. Ненавидел и боялся. И, как ни странно, он был ближе всех к пониманию.

Ольге тоже было страшно, но ее страх имел иные оттенки…

Она понимала: вчерашний день не вернется уже никогда. И если они останутся сидеть в этой темной, перевернутой кверху дном комнате, то «завтра» тоже не наступит…

Рощин же чувствовал усталость. Ему было жаль Ольгу, даже Сергея, который не пытался скрыть своей ненависти. Он понимал лишь одно: такие, как он — белые вороны, — не живут на войне. Либо он станет как все, либо…

Ольга о чем-то напряженно думала. Ее глаза влажно блестели в свете оплывшей свечи.

— Мы молодые… — вдруг произнесла она. — Нам жить завтра… — Мысли, такие понятные внутри, с трудом облекались в форму слов… — Если мы не будем действовать, то нами опять станут рулить, как сказал Андрей.

Ее подбородок внезапно дрогнул.

— Я увидела Дабог… Это страшно… Страшно настолько, что не

передать… Но ты, Андрей… — Она взглянула на Рощина. — Ты не враг мне… Не враг Кассии… Ты имеешь право жить так, как захочешь, чтобы там ни говорили законы твоей Земли. Все имеют право жить… — добавила она. Значит, нужно сделать так, чтобы эта война прекратилась…

— Это невозможно, — усмехнулся Андрей. Ольга упрямо поджала губы.

Она не могла объяснить своего знания. Война, пропущенная сквозь призму женской души, выглядела немного иначе, принимала иной, чуть более мягкий оттенок, в котором нет цвета окончательной безысходности. Войну можно прекратить, если того захотят очень многие. Но для этого нужно…

— Нужно найти другие колонии раньше, чем их захватят поодиночке, как Кассию… — тихо произнесла она. — Нужно уберечь их от оккупации, объединить, рассказать о Земле, убедить в том, что нынешнее поколение не виновато в том, что родилось на перенаселенной прародине, которую покинули наши предки… Если люди на Земле узнают, что колонии готовы их принять, все кончится, потухнет, как пожар…

— Ты рассуждаешь прямо как генерал, размечталась… Кто станет тебя слушать? Кто ты вообще такая, чтобы…

Ольга посмотрела на осекшегося Сергея и вдруг жестко, некрасиво улыбнулась:

— Я человек, Сережа. Мне жить дальше в таком мире, какой создам я. Андрей, скажи, тебе подходит такая идея? За нее можно бороться? За это стоит пролить кровь?

Рощин угрюмо посмотрел на нее, хотел качнуть головой, но не стал.

Высокие, пустые слова?

— Как? — спросил он. — Как это сделать? Сейчас на Кассию уже высадились войска, мы в мышеловке, и конец, как ни трепыхайся, будет один…

— Есть способ вырваться отсюда, — с дрожью в голосе ответила Ольга.

Рощин недоверчиво посмотрел на нее.

— Какой?

— Не говори! Не смей! — Сергей дернулся, будто его ошпарили кипятком.

— Остынь, Сережа. — Ольга посмотрела на Рощина и произнесла, будто шагнула в омут с высокого обрыва: — Андрей, после посадки колониального транспорта «Кассиопея» его основной модуль, снабженный гипердрайвом, был законсервирован и спрятан… Мой отец знает, где место

его ангарной стоянки…

Рощин медленно поднял взгляд и несколько секунд неотрывно смотрел в глаза Ольги Полвиной.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Да… Я… Я много… слишком много поняла за эти дни…

Сергей Воронин резко встал:

— Это бред! Ты не имеешь права распоряжаться собственностью всей колонии!

— Нет, Сережа, имею… Как имели право капитулировать за меня, как решили между собой, что не нужно во имя безопасности помогать Дабогу или хотя бы попытаться эвакуировать оттуда людей, хотя ведь его координаты наверняка записаны в навигационных блоках упавшего корабля!.. Их знали… но испугались… Кассию сдали… И я должна была, по твоим словам, умереть во имя этой капитуляции?

— Это случайность… Ты не так меня поняла…

— Да все я поняла, Сергей, не надо…

— Это безумие! Ты не сможешь… Никто не сможет!..

Рощин, молча слушавший этот диалог, встал с корточек, одернул свою форму и вдруг сказал в своей спокойной манере, повернувшись к Сергею:

— Оля права, нравится тебе это или нет. Она сказала то, о чем многие, возможно, боятся даже думать. Нужно сопротивляться, но не Земле, не народу, который толкают в космос на бессмысленную бойню, а тому правительству, которое столкнуло лавину войны. Если колонии, отстаивая независимость, откроют двери для иммиграции с Земли, то война закончится. — Он повернулся к Ольге и добавил: — За это стоит хотя бы попытаться драться… Если кто-то не сделает этого первым, то война не закончится… Она сметет всех, как лавина, и правых и виноватых…

Ольга смотрела в ночь, за окно и чувствовала лишь одно — ей было страшно.

— Мы должны дождаться отца. Они с матерью едут сюда…

— Я бы хотел видеть еще одного человека, — немного подумав, заявил Рощин, будто речь шла о чем-то решенном, обыденном…

— Кого?

— Хозяина «Беркута». Его зовут Игорь Рокотов, ведь так?

— Да… Но откуда…

— Я знаю, потому что за его голову назначена награда. Если мы хотим что-то сделать, то он не должен попасть в руки адмирала Надырова. Он и «Беркут».

— Да… я… понимаю.

Занятые разговором, ни Ольга, ни Андрей не обратили внимания, как Воронин прошел к окну и прижался к простенку.

На улице, за лесом, где пролегала дорога, мелькнул и пропал свет фар.

— Это отец. Он и мама… Они помогут нам, поверь… Они учились управлять колониальным транспортом. И еще сосед… Дядя Кирилл… Лисецкий…

Свет фар опять промелькнул меж стволов деревьев, теперь уже ближе.

— Нужно встретить их. Пойдем. — Ольга повернулась. — Сергей, ты идешь?

Глаза Воронина зло блеснули в темноте. Его сердце сжигала ненависть, ревность и страх.

— Нет… — буркнул он. — Идите. Я побуду здесь. Рощин пристально посмотрел в его сторону, но ничего не сказал. Шагнув к столу, он взял оставленный там пистолет и опять посмотрел на Сергея.

— Извини, я пока что подержу эту штуку у себя. Воронин не ответил.

На улице взвизгнули тормоза подкатившей на большой скорости машины. Ольга выскочила на крыльцо и бросилась мимо огромных ступоходов «Беркута» навстречу подъехавшим родителям.

Рощин, несколько поколебавшись, последовал за ней.

Сергей стоял, тяжело дыша. Через окно он видел, как открылась дверь машины и оттуда вылез Николай Андреевич Полвин.

Крадучись Воронин прошел через гостиную, вышел в коридор, свернул к спальне для гостей, вылез через окно и, часто оглядываясь, побежал к ближайшему перелеску.

Выбор был сделан.

* * *

Кто, по-вашему мнению, делает историю? Чем отличаются те люди, о которых после напишут в учебниках, от нас самих?

Иногда бытует превратное мнение о них, преподанное скверной, популистской литературой. О них думают и пишут как о людях, которые чуть ли не с детства готовились к некоему поступку, росли над собой, осознавали и видели глобальную жизненную цель…

На самом деле все это чушь…

Историю в критические, поворотные моменты делают самые заурядные, рядовые члены общества, — приходят беда, испытание и расшвыривают их, будто смерч, вторгшийся на уютную лужайку для пикника, пробуждая, оголяя, выставляя напоказ самые разные черты характеров, заставляя работать на износ тела и души, а уж потом в тиши

кабинета историк будущих времен скажет о них нужные слова и будет уверен, что он действительно знает, что двигало теми, о ком он напишет свой труд…

…Николай Андреевич Полвин выскочил из машины, потрясенно глядя на изуродованный дом, неузнаваемый, вытоптанный двор, раздавленный в лепешку «Волмар» дочери…

— Оленька! — раздался в гробовой тишине отчаянный, полный безысходного горя крик матери.

Николаю казалось, что этот крик жены ставит точку в его жизни. Полвин за одно мгновенье пережил все — горе, отчаянье, безысходность…

Этого не могло… не должно было случиться…

Мир, заключенный президентом Кассии с вторгшимися на планету захватчиками, лежал вокруг руинами его дома… Дочь… Оленька…

У Николая что-то заныло в груди, там, где в эти страшные мгновенья отказывалось биться сердце.

Голова вдруг отяжелела, закружилась, черный двор начал двигаться в низвергающем разум водовороте цветных искр, и где-то на краю гаснущего сознания вдруг раздался далекий, но знакомый голос:

— Папа! Папочка!..

Ольга и какой-то совершенно незнакомый мужчина выскочили из дома, подбежали, не дав оседающему телу Полвина упасть на изломанный трехпалыми следами асфальт двора.

* * *

…Первым, кого увидел Николай, придя в сознание, был Лисецкий. Кирилл сидел подле него на стуле и смотрел куда-то в глубь комнаты, откуда раздавались тихие, приглушенные, но разборчивые голоса:

— Вадим Петрович, так действовать нельзя! — убежденно произнес чей-то незнакомый голос. — С вами или без вас, но Рокотов и я должны покинуть Кассию. Я понимаю ваши стремления и не осуждаю их. Ваши семьи действительно стали заложниками ситуации, но подумайте об этом человеке! Я не сталкивался с ним в бою, но его так боятся и ненавидят на Земле, что командование не остановится ни перед чем. Они найдут его, как бы вы хитро ни спрятали Рокотова.

— А вы? — негромко спросил Вадим. — Что побудило вас, молодой человек, встать на нашу защиту?

— Повторяю, я не защищал Кассию… — устало ответил тот же голос. — Мне надоело объяснять мотивы обыкновенного поступка. На моих глазах хотели убить человека. Мне это претит, вот и все. Считайте

меня придурком, если хотите. Но никаких высоких, а тем более политических мотивов у меня нет. Если вы настаиваете и продолжаете подозревать меня в чем-то, то, позвольте, я просто уйду, ладно? Надеюсь, я заслужил такое снисхождение? — со злой иронией осведомился он.

— Вадим Петрович, прекратите, наконец! — вмешалась в разговор Ольга Полвина. — Вы начинаете вести себя в точности, как Воронин!

— Кстати… — подал голос Лисецкий. — Где наш юный герой? Почему он не с нами?

— Не знаю… — резко ответила Ольга. — Он появился, бросился на Андрея, а потом, когда подъехала машина, почему-то сбежал.

— Странно… Не похоже на Сережу. Он же…

— Я думаю, что он боялся встречи с кем-то из соседей, — внезапно произнес тот, кого Ольга назвала Андреем. Полвину не было видно его лица за широкими плечами Кирилла.

— Почему? — подозрительно спросил Лозин.

— Когда его схватил у вашего так называемого АХУМа мой командир, лейтенант Сейч, этот парень здорово перетрусил. Я не слышал всего разговора, — признался Андрей, — но когда Сейч пригрозил пристрелить его, он называл какие-то фамилии, по-моему, там прозвучало «Лисецкий», «Линецкий» или что-то в этом роде…

— А что нужно было вашему командиру? — побледнев, спросил Кирилл Александрович.

— Пульт. Дистанционное управление, которым открывались ворота бункера.

— И Сергей назвал?!

— Я слышал, как он кричал, что у него ничего нет, но в нескольких километрах вроде бы расположена усадьба некоего Лисецкого и у хозяина есть пульт, — ответил Андрей. — А почему это так вас задело? — помедлив, спросил он, обратившись, видно, к Кириллу Александровичу.

— Выходит, молодой человек, вы спасли не только Олю… — наконец после минутного потрясения выдавил Лисецкий. — Дело в том, что Сережа говорил про меня…

— Я не знал. Извините.

Лисецкий только покачал головой. Его лицо было бледным, а щеки пылали.

Мария, которую тоже ошеломило известие о предательстве Воронина, тем не менее нашла в себе силы и попыталась вернуть разговор в прежнее русло:

— Мы говорили про Игоря Рокотова, — дрожащим голосом

напомнила она. Его осудят? Посадят в тюрьму за то, что он защищал собственную планету в войне, которую ему навязали?

— Нет… — ответил ей незнакомый Николаю Андрей. — Его не осудят. И не убьют… С ним и с его роботом поступят намного хуже: что Рокотова, что «Беркут» просто разберут на винтики. Понимаете? Наши модели шагающих машин, как ни пыжились земные конструкторы, раз в десять уступают «Беркуту». Командованию Альянса нужно не просто уничтожить Игоря и его машину. Им нужен прототип для создания собственных аналогов шагающей техники, которые бы не уступали ни в чем перевооруженным аграриям Дабога. Они будут сканировать разум Рокотова в попытках понять, каким образом он так эффективно управляет «Беркутом», до тех пор, пока из его головы не будет высосан последний байт информации. Спрятав Игоря, вы в лучшем случае продлите ему жизнь на несколько месяцев, не больше. Я уже не говорю о том, что замаскировать «Беркут» на Кассии практически невозможно… Меньше чем через месяц сюда начнет поступать пополнение с Земли, вашу планету сделают опорным пунктом для последующих вторжений в иные миры, и тут яблоку будет негде упасть от солдат Альянса. Они перетряхнут ваши АХУМы, вышвырнут из них всю начинку, превратят в ангары для космических истребителей и шагающих роботов. Не забывайте и о том, что два моих бывших товарища увели свои машины с места схватки, и боюсь, адмирал Надыров уже знает о том, что легендарный «Беркут» и его пилот находятся на Кассии.

— Значит, вы хотите бежать? — Это был голос Лозина, который приехал вместе с Полвиными.

— Нет… — глухо и раздраженно ответил Андрей. — Пока вас не было, мы с Ольгой говорили о том, что эту войну возможно остановить… — Он усмехнулся собственным мыслям и пояснил: — Во мне нет ничего особенного, необычного. Таких, как я, большинство среди насильно выброшенных в космос людей. Я не питаю ненависти к вам и не сражаюсь за идею. Меня просто поставили перед небогатым выбором — либо с нами, либо в расход. Человеческий материал на перенаселенной Земле слишком дешев, а большинство нормальных людей хотят одного — жить. Вы, по-моему, тоже не так давно стояли перед подобной дилеммой и выбрали, как я понял, именно то, что считали благом для себя, верно?

Николай Андреевич лежал, прикрыв глаза, и слушал этот молодой, уверенный голос, а в его груди там, откуда отступила боль сердечного приступа, рос холод…

Сидевший подле него Кирилл вдруг встал.

— Господа, мы говорим не о том, что действительно следует обсуждать. Его шаги мягко прошуршали по обугленному ковру. — Вы, молодой человек, так терпеливо объясняете нам очевидные вещи, что мне становится стыдно… — Он повернулся к Лозину и вдруг произнес:

— Вадим… Ты, я, Николай… мы офицеры или обрюзгшие бюргеры? Почему Оля сумела почувствовать боль, только взглянув на тот упавший неделей раньше корабль, а мы, разговаривавшие с Рокотовым, — нет?.. Почему она едва не погибла, а Андрей, — заметь, пришелец, — защитил ее, рискнув жизнью? Почему Сергей, которого воспитывали мы… и лично я считал героем, попросту предал нас?!. Почему мы верим сладким обещаниям и боимся поверить собственным глазам? Вот он, мир, предложенный адмиралом Надыровым, — смотри!.. Лисецкий резко нагнулся, подхватив с обугленного ковра гостиной горсть дурно пахнущей золы.

— Мне противно… Противно и стыдно… Нас защищают те, кто пришел извне, а мы оказались настолько слепы и трусливы, что капитулировали, заметив лишь тень чужого корабля… Как овцы, идущие на убой.

— Ты предлагаешь бросить вызов? — хмуро уточнил Вадим Петрович. — Что мы сможем сделать, Кирилл, очнись!.. Убить одного, ну пусть двоих захватчиков и тем самым обречь наши семьи, обречь всю Кассию?!

— Они и так уже обречены, Вадим… — подал свой голос Полвин, тяжело вставая с мокрого дивана.

Все моментально замолчали, обернувшись к нему. Маша, которая разговаривала с Ольгой чуть поодаль от мужчин, дернулась было к нему, но Николай остановил ее порыв жестом руки.

— Я сам… Все в порядке.

Полвин действительно нашел в себе силы проделать путь до стола и сесть на стул, который уступил ему Рощин.

Взглянув на молодого человека, Полвин сказал:

— Спасибо… Я слышал все…

Ему казалось сейчас очень важным, значимым, главным высказать то, что накопилось в душе, а уж потом как получится…

— Оля…

— Папа…

— Погоди… — Николай повернулся, и было видно, что боль все же не до конца отпустила его… — Оля, мы с мамой…

— Папа, прекрати. Я все поняла. Я знаю, что вы не бросали и не

предавали меня.

— Нет… Мы предали… Предали Кассию, когда узнали от Рокотова о том, что случилось с его планетой, и испугались, не решились помочь. — Полвин говорил тихо, но в его словах чувствовался нечеловеческий надрыв. — Нам казалось, что беда далеко и никаким краем не сможет задеть нас… Мы ошиблись… Горько, жестоко ошиблись… Благополучие свое не построишь на чужой боли… и стыдно, что осознаю это сейчас… Стыдно… — Полвин несколько секунд помолчал, будто собираясь с силами, а потом с горечью добавил:

— Наши предки были русскими офицерами, которые помнили, что такое родина и честь… Видно, господа, мы потеряли это… Тогда пусть не мы пусть скажут молодые…

Он поднял взгляд, посмотрел на дочь, потом на Рощина…

— Этот адмирал Надыров показал цену своих обещаний. Когда нас превратят в рабов, будет поздно что-то делать… — заключил он.

Андрей, который смотрел на него, почувствовал, как по спине пробежал легкий озноб. Два слова задели его. Русский офицер… Это являлось чем-то незнакомым, но закрепленным на уровне генной памяти поколений.

— Ваша дочь, Николай Андреевич, сумела понять меня… — негромко произнес он после короткой паузы, когда понял, что Полвин ждет именно его мнения. — У нас нет сил, чтобы защищать Кассию, — это нужно было делать раньше. Однако есть шанс попытаться изменить ситуацию вообще… — Рощин запнулся, подбирая слова. Было видно, что он не привык к публичным выступлениям перед какой-либо аудиторией. — Понимаете… — собравшись с мыслями, продолжил он. — Люди на Земле живут очень плохо, но они не виноваты в том, что, как я, например, родились в перенаселенном, урбанизированном мире. Им дурят мозги, обещают райские планеты, а потом, когда наступает разочарование, понимаешь, что попал на обыкновенную, грязную войну, цели которой выгодны лишь тем, кто наверху, у кормила власти… когда осознаешь это, то уже становится поздно — ты вовлечен в бойню, и нет пути назад… Вы понимаете меня?

Андрей поднял взгляд. Полвин и Лисецкий одновременно кивнули. По их глазам Рощин видел, что они действительно понимают его… По крайней мере ему хотелось верить в такое понимание…

— Это одна сторона проблемы, — произнес он, взяв со стола пачку сигарет. — Но миллионы людей, призванных сейчас во флот, скоро закончат свои внутренние искания, их повяжут кровью, как Сейч пытался

сделать это сегодня со мной. И что самое удручающее — они не увидят на своем пути никакого достойного сопротивления, которое заставило бы их задуматься — за что они проливают кровь, чьи интересы пытаются защитить?.. Им будет практически неведома заставляющая переосмысливать войну горечь поражений, потому что колонии разрозненны, эгоистичны в силу особенностей своего развития, и не нужно взирать на Дабог как на правило этой войны — правилом, к сожалению, станет Кассия… Миры будут падать под сапог Альянса один за другим, как переспелые яблоки. Ну, а те, кто попытается организовать разрозненное сопротивление, будут стерты, превращены в пепел…

— И где же выход? — хмуро осведомился Полвин.

— Мы должны попытаться если не объединить, то хотя бы проинформировать колонии о существующей угрозе.

— Согласен… Но что это даст?

— Миллиарды людей на Земле влачат жалкое существование, — повторил Рощин. — Им нужно дать шанс, донести до них желание колоний принять новых граждан и без войны… Все имеют право жить, Николай Андреевич. Колонии должны бороться, но не за то, чтобы оставить все как есть и почивать на лаврах, наплевав на горе миллиардов иных людей.

— Это я понимаю. Но, оповестив иные колонии, мы разве не спровоцируем новый, еще более жестокий виток уже развязанной войны?

— Да… — скупо согласился Андрей. — Это будет война. Страшная… Жестокая… Борьба за выживание… — немного подумав, добавил он. — Но иначе корабли Альянса просто сотрут колонии поодиночке, сколько бы их ни было, а на уцелевших в этой бойне планетах насадят свою, весьма сомнительную культуру земных муравейников, возможно, возродят рабство, что неизбежно приведет к новой войне… Потому что после ковровых бомбардировок пригодных жизненных пространств останется слишком мало для полноценного расселения… Этот порочный круг может быть бесконечен и приведет к гибели всех нас. Если Земля не получит отпор, то правительство Джона Хаммера создаст на костях колоний серую, унылую империю урбанизированных центров, где будет задушена всякая свобода. Людям нужно дать шанс выбирать самим, во имя чего им жить и за кого отдавать эту самую жизнь. Если внеземные миры объединятся и дадут отпор агрессии, то правительство Хаммера падет, потому что ситуация на Земле давно близка к взрыву и их спасает только бескровная, победоносная война… Земля сегодняшняя — это колосс на глиняных ногах, и если он рухнет, то тогда уже на совести колоний будет вопрос об открытии свободной эмиграции. Другого пути я не вижу…

Николай во время этой речи смотрел на Андрея и не уставал поражаться: кто перед ним — признанный полководец, стратег или же действительно изгой, дезертир по убеждениям?

Заметив его взгляд, Рощин кивнул в сторону Ольги:

— Это она подсказала мне… — признался он. — Я только взглянул на ситуацию с точки зрения рядового человека с Земли…

— Не слишком ли глубоко мы копаем? — высказал свое сомнение Лозин.

— Нет, Вадим Петрович… Нет! — Полвин встал, прихлопнув ладонью по столешнице. — Мы сами творим свою судьбу, не более… Так оно и должно быть… Кто-то сидит, забившись в нору, а мы… Если и проиграем, то умрем с честью… — произнес он. — Я не буду сидеть и ждать, пока меня сгонят с земли и пошлют работать на подземный завод во благо порабощения чужих миров. Нет…

— Но семьи, Кассия…

— Кассии ничто не угрожает, Вадим! — резко оборвал его Лисецкий, поддержав тем самым Полвина. — Капитуляция — это уже свершившийся факт. Мы оккупированы. А семьи… Семьи мы заберем с собой, чтобы не на ком было отыграться… Пусть оставшиеся валят все на нас, пусть наши имения сожгут, разорят… Я чувствую — это произойдет так или иначе… Ты как хочешь, Вадим, а я поддержу Николая!..

Лозин покачал головой, вскинул взгляд на Марию и, заметив, как та едва заметно кивнула мужу, понял: она тоже пойдет до конца. На лице Ольги было написано смятение, но Лозин не сомневался — младшая Полвина не отступится ни от своих внутренних убеждений, ни от отца…

— Я с вами… — решился он наконец.

— Тогда дело за малым… — Глаза Николая Андреевича вдруг блеснули непонятной, почти безумной радостью. — Осталось выработать план, учитывающий спасение Игоря Рокотова, и осуществить его, пока оккупанты не блокировали столицу…

Часть четвертая Обратный отсчет

Глава 17

В двухстах километрах севернее Александрийска. Раннее утро.

«Беркут» шел по равнине. За срезами опущенного бронестекла кабины текли вдаль туманные перелески, ровно зеленели поля, изредка, выхватывая солнечный луч, проблескивала в зарослях плакучих ив петляющая Вереженка…

Ольга уже успела свыкнуться с легким покалыванием в запястьях рук, затылке и пояснице.

Она находила странным этот синтез.

Изуродованная фигура Степа была похожа на гротескный барельеф, будто невидимая человеческому глазу сущность машинного разума «Беркута» проросла в этом месте сквозь пластик облицовки стен.

Голова андроида со вскрытой черепной коробкой напоминала голову мифической Горгоны из-за змеящихся во все стороны компьютерных шлейфов.

«Беркут» больше не качало, он шел уверенной энергичной походкой, глубоко вдавливая трехпалые ступоходы в податливую почву Кассии…

«Хоплит» Рощина старался не отставать, хотя временами скрывался из вида, оставляя от себя лишь алую точку на срезе радара. Третья машина «Фалангер» капрала Делакруа, которым теперь управлял автопилот, двигалась вслед за «Беркутом», словно привязанная незримым буксировочным фалом.

До Александрийска, который они огибали по широкой дуге, оставалось около ста восьмидесяти километров. Где-то там, за туманной дымкой благодатных заливных лугов, в небесах Кассии полыхал злой, нестерпимый для глаз огонь, который изрыгали опускающиеся с орбиты челноки. Там пахло перегретым металлом, слышались хриплые, отрывистые фразы команд, царила суета, а тут терпкий запах цветущих лугов врывался в кабину «Беркута» даже через систему вентиляции. Он дразнил в равной степени и обоняние и воображение Ольги.

Она не понимала, что на самом деле происходит с ней.

Как она оказалась в этой кабине чудовищной машины, один вид которой накануне внушал ей и трепет и отвращение? Почему ее тянуло в усеянное нейросенсорными шипами кресло, будто она подпала под виртуальную зависимость?

Нет… Дело было не в виртуальной зависимости.

Она хлебнула другого наркотика… Она побывала на Дабоге, она воочию видела красную пыльную луну, обращающуюся вокруг обезображенной ядерным огнем планеты.

Эта незримая связь, возникшая в минуту отчаянья, оказалась прочнее стального троса. Ее уже невозможно, казалось, порвать, да и Ольга бы не согласилась. «Беркут», впитавший сознание Степана, был теперь ее машиной.

Она закрывала глаза, доверяясь тяжкому ритму его поступи, и чувствовала, принимала в себя чужую, но ставшую уже родной душу.

Ольга не могла ответить на вопрос, чья это душа. Игоря Рокотова? Незнакомого внешне, но слишком хорошо познанного изнутри тридцатисемилетнего старика? Или это была душа Степа — верного старого дройда, механического слуги семьи, за металлопластиковой оболочкой которого никто не разглядел зачатков индивидуального интеллекта? Или то уже превратилось в закономерность? «Беркут», который пил сознание Игоря, сам исподволь обретая душу в чудовищные мгновенья полного слияния двух систем — биологической и кибернетической, — был ли он чудом, или же так станет с каждой из машин рано или поздно?

Ольга не знала точного ответа. Она лишь ощущала, как параллельно ее чувствам, мыслям, сомнениям рядом протекает еще что-то, такое же живое, но неуловимое.

— Андрей, ты меня слышишь? — В голосе Ольги внезапно прорвалась хрипотца, сделавшая его почти неузнаваемым.

— Да. Я тут, на месте.

— О чем ты думаешь? — спросила она, не открывая глаз.

— Любуюсь… — внезапно признался он. — Никогда не видел такой красоты…

— Там, где ты жил, ее не было?

— Нет… Там был космос, камень, немного сухого льда…

— Скажи, а ты чувствуешь свой «Хоплит»?.. — осторожно спросила она, с чисто женской непосредственностью перескочив с одной темы на другую.

В этот раз Рощин ответил не сразу.

— Чувствую? Не знаю… Не больше, чем иную машину, — признался он после короткой паузы.

— А я чувствую «Беркут»… Мне кажется, он живой… Мыслит со мной в унисон.

— У тебя богатое воображение…

— Нет, не то, Андрей. Я связана с ним, понимаешь? Мы — что-то большее, чем машина и человек. Мне кажется, что вместе мы составляем какую-то иную сущность… понимаешь?

— Смутно, — признался Рощин. — Это из-за нейросенсоров, верно? предположил он.

— Да… Это страшно… и ошеломляюще. Я иду по Кассии — и вижу Дабог. Это иллюзия, ведь так?

Андрей что-то ответил, но она едва восприняла его слова.

Она действительно видела Дабог. Словно кибернетический мозг «Беркута», дополненный теперь сознанием намертво сросшегося с ним искалеченного Степа, пытался рассказать о себе новому существу, добровольно соединившему свою нервную систему с его процессором…

Смело, самонадеянно для машины?

Нет… В сознании Ольги уже начала стираться эта грань.

Степ, как она убедилась, на секунду коснувшись разума дройда, имел тот же самый страх, инстинкт самосохранения, что и люди, только выражен он был немного в ином эквиваленте. То есть ему тоже, как и любому человеку, требовалось сделать шаг навстречу опасности и смерти. Он сделал его в попытке спасти свою хозяйку, а вот Сергей не смог…

В чем была между ними разница? Иной фыркнет, пожмет плечами, скажет: сравнила тоже — жестянка и человек…

Я мыслю — следовательно, существую?

Сколько раз на протяжении всей истории человеческого рода этот вопрос задавали самим себе, обсуждали в жаркой философской полемике, решали или объявляли неразрешимым, а на самом деле все оказалось очень просто: разум, жизнь — эти понятия определялись не телом. Не формой рук, ног, строением черепа и исходными материалами оболочек… Нет. Основу жизни действительно составляло нечто хорошо знакомое, но по-прежнему неуловимое.

Душа. Самосознание. Способность генерировать собственную волю, сделать этот пресловутый шаг, уводящий за черту самосохранения, ради кого-то…

Ольге казалось, что мир вокруг раздвинулся и она тонет в нем, не ведая дна той пучины, куда погружался ее разум…

* * *

Игорь проснулся этим утром от двух странных обстоятельств — во-первых, ему сквозь сон показалось, что он слышит приглушенный расстоянием грохот, а во-вторых, открыв глаза, он с удивлением обнаружил,

что чувствует себя вполне сносно.

Последнее обстоятельство нашло свое объяснение достаточно быстро автомат круглосуточной терапии, обычно подключенный к Рокотову несколькими капельницами и тонкими проводками от датчиков, которые фиксировали все его биоритмы, на этот раз оказался не у дел. Пока он спал, кто-то отключил прибор и даже свернул все провода, обмотав их вокруг черного глянцевитого корпуса с двумя окошками-экранами.

Значит, дело на поправку… — без особого восторга подумал Игорь, глядя в белый потолок госпитальной палаты, на котором ему уже были знакомы все трещинки и пятнышки.

Откровенно говоря, радоваться было нечему.

Падая в изуродованном штурмовике по самоубийственной траектории, Игорь окончательно распрощался с жизнью. Война выжгла его дотла, оставив лишь бесконечную, ноющую, неуемную боль в груди… Боль, которую он уже не в силах был терпеть… Ему казалось, что у него есть право на смерть, на избавление от бесконечного кошмара, но, видно, он поспешил ставить крест на своей судьбе… Игорю не нужно было напрягаться, чтобы понять, кто выволок его из самоубийственного пике. Рокотову и раньше казалось, что кибернетический мозг «Беркута» обладает своим сознанием, — теперь же он не сомневался в этом.

Игорь лежал, вслушиваясь в самого себя…

Ощущение жизни вернулось к нему, но что делать дальше? Он не знал тех людей, в чье общество занесла его злая воля гиперсферы, но даже если учесть, что к нему отнеслись вполне по-человечески, — что дальше? Штурмовик разбит это ему без обиняков сообщили те несколько человек, что беседовали с ним в момент просветления, когда Игорю, еще заключенному тогда под колпак реанимационной камеры, стало немногим лучше. У них же, как он понял, космическая техника не развита вообще… Значит, он будет вынужден остаться тут, в этой затерянной в космосе, полностью изолированной колонии, и до конца дней гореть в аду личных воспоминаний?..

Думать о невозможности возвращения было невыносимо.

Уж лучше бы они не выключали свой чертов аппарат… — подумал он, повернувшись на бок и прикрыв глаза в тщетной надежде уснуть. Думать, переваривать в голове сложившуюся ситуацию было тошно… Игорю как никогда хотелось сейчас забыться, но не все оказалось в его власти…

За окном, вдалеке, опять раздался протяжный, вибрирующий грохот…

Это было похоже на звук снижающихся орбитальных челноков.

Рокотов даже вздрогнул под укрывавшей его простыней — слишком мало хороших ассоциаций было у него связано с подобным звуком.

Через несколько минут, вконец измаявшись, он не выдержал и сел, спустив из-под скомканной простыни похудевшие ноги.

Никакой одежды в палате он не заметил, и потому пришлось закутаться в простыню. Первый шаг, после нескольких недель неподвижности, дался ему с трудом, но потом пошло легче. Кое-как доковыляв до окна, Игорь толкнул раму, и та легко поддалась его слабому усилию, послушно повернувшись на петлях.

Прохладный, сладкий воздух утра оглушил обилием незнакомых, дразнящих обоняние запахов. Игорь вдруг болезненно подумал о том, что успел забыть, как пахнет настоящий воздух. То, чем приходилось ему дышать на протяжении последних восьми месяцев, было тщательно отфильтровано, и оттого воздух в стылых бункерах всегда имел специфический медикаментозный запах химического эрзаца…

Вдалеке опять послышался гул. Утро еще только занималось, небо серело рассветными сумерками, и на этом фоне Игорь отчетливо различил прочертивший горизонт пологий росчерк падучей звезды…

Пальцы Рокотова побелели, судорожно вцепившись в пластиковый подоконник.

Не может быть… — говорили его глаза, а сердце уже стукнуло, глухо, нервно, привычно…

Мгновенный выброс адреналина на миг помутил разум.

Одно из двух… либо меня обманывали, либо…

У горизонта вновь вспыхнул и погас ослепительный росчерк. За ним еще… И еще один…

Десант!..

Двух мнений тут быть не могло. Рокотов знал, ЧТО на самом деле означают эти безобидные росчерки падучих звезд. Его никто не обманывал. Просто война добралась и сюда, до этой сонной райской планетки…

Тысячи мыслей пронеслись в эти минуты у него в голове. В душе Игоря отчаяние смешивалось с безумной надеждой… и снова он ощутил себя точно так, как сотни раз бывало на Дабоге, когда после боя ложился, падал лицом в закопченный снег и думал: все, предел, больше не смогу, не встану… Но вставал.

Он еще смотрел в окно, когда на обширную, пустую в этот час площадку перед госпиталем влетела одинокая машина и остановилась, взвизгнув тормозами у самых ступеней парадного крыльца. Из нее вылез пожилой, лет пятидесяти, мужчина и тут же задрал голову, обшаривая

взглядом окна госпиталя. Увидев Рокотова, он вздрогнул, а затем энергично замахал обеими руками, так что было непонятно — зовет он Игоря спуститься к себе или же, наоборот, просит оставаться на месте, в палате.

Рокотов не узнал Вадима Петровича Лозина, который уже был у него вместе с президентом Кассии, но, так или иначе, Игорь понял — визит по его Душу.

Отойдя от окна, он огляделся, несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь унять распоясавшееся сердцебиение, потом размотал заботливо скрученный вокруг прибора жгут проводов, подергал его, пробуя на прочность, вытащил из гнезда и встал за дверью в ожидании гостя.

Если они пронюхали, что я здесь, то не прислали бы старика… подумалось ему, но Игорь не выпустил из рук приготовленную импровизированную удавку.

Дабог научил его не верить никому, кроме себя и своей машины…

* * *

Адмирал Надыров в этот час расхаживал по мягкому толстому ворсу огромного ковра, которым был застелен пол в кабинете президента Кассии.

Напротив него у входа стояли, переминаясь с ноги на ногу, два водителя боевых серв-машин.

— Как это могло случиться? Как?! — Адмирал резко остановился, окатив подчиненных тяжелым, не предвещающим ничего доброго взглядом. Его азиатские скулы двигались под желтоватой кожей сухого лица, катая желваки.

— Сэр, это был «Беркут»… — попытался оправдаться Подаровский. Лейтенант Сейч завалил его, опрокинул на землю, но тот встал, хотя наши сканеры показывали, что вся его автоматика отключилась. Когда он вышел на нас, в его рубке не было пилота…

— Да, но кто-то поднял его с земли, напугав вас до полусмерти! рявкнул адмирал, с трудом сдерживая душивший его гнев. Больше всего на свете Надыров ненавидел трусов.

— Там была какая-то женщина из местных, — хмуро ответил Зингер. — Она и робот-андроид. Им удалось вползти в люк, прежде чем «Беркут» начал подниматься.

— И это еще раз доказывает, насколько нам нужна эта машина! Если ею может управлять женщина-абориген, значит, он СОВЕРШЕНЕН, ПОНЯТНО?!. — едва сдерживая гнев, процедил сквозь зубы Надыров. — Мы охотимся за ним по всему Дабогу, теряем корабли и людей, а вы упускаете его из-под самого своего носа!..

— Сэр, у нас был четкий приказ… — осмелился произнести Подаровский. Лейтенант Сейч погиб, было потеряно две трети подразделения, и в этих условиях мы были обязаны отступить… Вы ведь сами подписывали инструкции для механизированных групп!..

— Все верно… Две трети машин оказались уничтожены в результате предательства, трусости и некомпетентности! — резко уточнил адмирал.

Подчиненные стояли бледные как смерть. Глядя на них, Надыров испытывал отвращение, не понимая того, что он в очередной раз повторяет роковую ошибку своего негласного соперника, адмирала Нагумо, — он относился к ним как к солдатикам, гневно досадуя на то, что те не умерли, а ведь он рассчитывал именно на это!..

Надырову еще предстояло осознать, что у этих людей не было идеи, за которую, по личному убеждению, стоило умирать. Они работали, и где высокооплачиваемый труд вплотную граничил с понятием смерть, справедливо тушевались, позволяя инстинкту самосохранения возобладать над некоторыми параграфами подписанных контрактов…

Надыров с высоты своего положения не совсем понимал, да и не считал нужным вникать в такие тонкости. Однако во всем остальном он смотрел на вещи трезво и сейчас успокаивал себя тем, что «Беркуту», равно как и его легендарному пилоту, никуда не деться, не ускользнуть с этой планеты, которая не имела собственного космического флота, — только пару орбитальных спутников, которые уже сгорели в атмосфере Кассии, сбитые штурмовыми модулями Альянса…

Минутой раньше ему доложили, что орбитальная разведка обнаружила место падения транспортного корабля, на котором Рокотов сумел ускользнуть из системы Дабога. Сейчас туда уже двигался механизированный батальон.

Информация по роботу пока отсутствовала.

«Беркут» и еще две машины, плененные или же преданные своими пилотами, исчезли в неизвестном направлении. Сеть сканеров еще не была развернута над Кассией в полном объеме, и потому ее населенный материк представлял сейчас собой сплошное белое пятно, лишь кое-где перекрытое приборами «Тени Земли»…

— Город оцепить… — приказал адмирал, обернувшись к офицеру связи. — И передайте Касымову мой приказ: пусть возьмет этого так называемого президента и выколотит из него информацию о всех АХУМах, а заодно о том, где они прячут Рокотова. Думаю, что он знает и первое и второе.

В принципе Надыров мог быть доволен, — несмотря на мелкие,

раздражающие неурядицы, захват планеты проходил гладко… Очень гладко.

Это будет показательная акция… — подумал он. — Пусть Нагумо полюбуется, как на самом деле надо работать…

Обернувшись, он поманил к себе второго офицера:

— Свяжись с «Тенью Земли». Мне нужно три звена атмосферных истребителей для патрулирования над материком.

* * *

На взгляд непосвященного этот затерявшийся в диких скалах бункер выглядел как самый заурядный древний АХУМ.

Только несколько человек на планете знали, что на самом деле содержит в себе огромная естественная полость, образовавшаяся в складках горных пород за несколько миллионов лет до появления на Кассии первых людей.

В пещере, которую основательно укрепили и снабдили новым, теперь уже рукотворным сводом, на протяжении трехсот с лишним лет покоился основной модуль колониального транспорта «Кассиопея», стартовавшего из Солнечной системы четырнадцатого сентября 2269 года.

По сути, это был автономный космический корабль, снабженный собственным гипердрайвом. На нем после разгрузки колониальной сферы должен был вернуться на Землю штатный экипаж «Кассиопеи», который в ту пору формировался из сотрудников еще не почившей в бозе ООН.

Не нужно иметь богатой фантазии, чтобы понять: их обманывали так же, как и колонистов. Затерявшись в неизведанных глубинах гиперсферы, ни один экипаж из сотен покинувших тогда Землю так и не нашел дороги назад.

Большинство из них даже не пытались предпринимать подобные самоубийственные попытки. Осознав, что пути назад нет, а координаты Земли не поддаются приемлемому вычислению, экипажи, как правило, предпочитали остаться на найденных планетах и разделить участь колонистов, чем вновь стартовать неведомо куда без особых шансов на успех.

Именно так произошло и с людьми, которые привели в эту систему колониальный транспорт «Кассиопея». Они законсервировали корабль и влились в состав колонии в надежде, что, может быть, со временем им удастся решить проблему навигации в непонятной человеческому разуму аномалии космоса и тогда они смогут вновь использовать корабль по его прямому предназначению.

Прах этих отважных людей уже давно приняла земля Кассии, но знания, бережно хранимые в АХУМах, традиционно передавались из поколения в поколение. Несколько человек, обычно из тех семей, чьи предки являлись офицерами штатного экипажа «Кассиопеи», обязательно знали местоположение корабля и умели управлять им, хотя бы в теории.

На сегодняшний день такими людьми являлись Полвин, Лисецкий и еще трое потомственных офицеров, которые проживали в разных частях освоенного материка Кассии.

…Николай Андреевич был тут последний раз лет десять назад.

Машина Полвиных пропылила по каменистому дну ущелья и остановилась перед мшистой вертикальной стеной, которая казалась совершенно неотличима от остальных скал.

«Слава богу, Кирилл оказался с нами…» — подумал Николай Андреевич, шагая по узкой, вьющейся меж осыпей камней тропке.

Чтобы открыть хранилище и попасть к законсервированному модулю «Кассиопеи», требовалось как минимум двое посвященных, иначе бортовой компьютер корабля просто не откроет вход в убежище, — так его запрограммировали еще в те времена, когда экипаж разделился на несколько групп, присоединившихся к разным национальным анклавам Кассии. Столетия колонизации стерли расовые различия, но по-прежнему старые программы требовали полномочия доступа от двоих членов номинального экипажа…

Подойдя к знакомому выступу, Николай Андреевич достал из кармана носовой платок и тщательно стер пыль с декорированного под фон скал пластикового кожуха. Затем, осторожно сняв его и аккуратно отложив в сторону, Полвин поманил Лисецкого, который нервно курил поодаль.

Кирилл выкинул окурок и подошел.

Под снятым кожухом на оправленной в камень контрольной панели имелось два углубления в форме растопыренной человеческой пятерни. Над ними моргал миниатюрный красный индикатор и темнел крохотный контрольный дисплей.

— Ну давай, Кирилл, с богом…

Полвин положил ладонь своей правой руки в одно из углублений. В недрах контрольной панели что-то щелкнуло, зашелестело.

Лисецкий зачем-то отер ладонь о свитер и повторил его жест.

Дисплей, размером со спичечный коробок, внезапно осветился, и по нему поползла бегущая строка:

«Процесс: Сканирование… Определение полномочий доступа… Инициализация…

ЖДИТЕ…»

Затем безо всяких предупреждений дисплей погас, а огонек на панели с красного сменился на изумрудный.

Где-то высоко раздался треск, поскрипывание, скрежет…

С ближайшего выступа скал сорвались несколько камней и, подпрыгивая, покатились вниз по склону ущелья, увлекая за собой шлейфы песка и пыли…

Ворота, которые спустя несколько секунд начали открываться в отвесной стене, никак не могли пропустить в себя огромный космический корабль, — для этого предназначались плотно сомкнутые створы, образующие свод хранилища. Сейчас заработал только первичный привод, медленно отодвинувший плиту размером пять на десять метров. Это был так называемый «грузовой портал», вспомогательный вход, за которым через завесу белесой потревоженной пыли в глуби исполинского хранилища было видно, как таинственно поблескивал, отражая попавший в пещеру уличный свет, глянцевитый, изгибающийся кверху борт основного модуля колониального транспорта «Кассиопея».

— Пошли, — хмыкнул Полвин. — Нам с тобой еще дел по горло. Скажи женщинам, пусть быстро разгружают вещи и прикроют чем-нибудь машину — нечего ей тут маячить на самом-то виду…

* * *

Их расчет был прост и строился на весьма бесхитростном плане.

За темное время суток, до наступления рассвета, три шагающие машины преодолели открытое пространство возделанных полей и углубились под надежную защиту лесных массивов. Рощин, посовещавшись с Полвиным, проложил свой курс так, что они выходили к месту сбора за несколько минут до назначенного старта.

Николай Андреевич предупредил, что топливо для планетарных двигателей «Кассиопеи» хранится в специальных подземных емкостях. Им с Кириллом Александровичем требовалось время для его закачки в баки и тестирования всех систем старого корабля.

Учитывая это, планировалось провести машины по длинной дуге, не привлекая внимания к истинной цели марша и по возможности не покидая защиты лесных массивов. В том же графике должен был действовать Лозин, который вызвался доставить к месту старта Игоря Рокотова, забрав того из госпиталя на окраине Александрийска.

* * *

Время приближалось к полудню, когда механизированный батальон Альянса завершил свой марш-бросок от столицы Кассии к одинокой ферме, затерявшейся в трехстах километрах от Александрийска среди бескрайних полей и дремучих лесов.

На изуродованной опушке перед домом по-прежнему возвышался выгоревший дотла и искореженный взрывом боекомплекта остов «Фалангера», которым управлял Петч.

Чуть поодаль, под сенью крайних сосен, уткнувшись в землю выступом рубки, лежала машина лейтенанта.

Командир батальона, полковник Шерман окинул взглядом это удручающее место, свидетельствующее о первом ощутимом поражении недавно сформированных серв-соединений, и сделал знак пехотинцам, сидящим в открытом вездеходе.

Жест был вполне однозначным, и те попрыгали с бортов, растянувшись цепью. Несколько человек по приказу командира двинулись к пустому дому, который скалился пустыми, иззубренными рамами выбитых окон, а остальные пошли к лесу, на краю которого лежал изуродованный «Фалангер» Сейча.

— Ну, что там? — нетерпеливо осведомился по рации Шерман, когда передовая двойка достигла машины и один из пехотинцев заглянул через уродливую дыру внутрь.

— Ничего, сэр… — ответил солдат. — Мясо… — брезгливо пояснил он, с содроганием разглядывая кровавые ошметья человека, перепутанные взрывом с осколками приборов.

— Ясно… Двигаемся дальше. Три километра к северу должен находиться корабль. Смотреть в оба!

* * *

Машина, которой управлял Вадим Петрович Лозин, съехала с асфальтированного шоссе, свернув на проселок.

День выдался солнечный, жаркий, хотя ночью и утром было пасмурно.

Где-то далеко, у самого горизонта, послышался странный звук. Сидящий на заднем сиденье Рокотов встрепенулся. Несколько секунд он напряженно вслушивался, пытаясь отчленить новый звук от бормотания работающего на низких оборотах двигателя машины, потом тронул Вадима за плечо и тихо сказал:

— Сворачивай с дороги, срочно!

Лозин посмотрел в зеркало заднего вида. Его брови удивленно

приподнялись.

— Зачем?

— Сворачивай! Вон под те деревья, быстрее!..

Рокотов не просил, он приказывал, и Вадим Петрович машинально подчинился. Машина неуклюже соскочила с пыльного проселка, подскакивая на ухабах, проехала краем поля и вползла под сень высаженной между полями неширокой лесополосы Лозин заглушил мотор и обернулся:

— Что это значит, Игорь Владимирович? — резко спросил он. — Мы не можем останавливаться, если хотим…

— Можно просто — Игорь… — оборвал его Рокотов, напряженно глядя, как медленно, слишком медленно оседает на проселке потревоженная колесами пыль…

Звено атмосферных истребителей шло со стороны солнца.

Неудивительно, что Лозин не заметил их приближения до того самого момента, пока стремительные, остроносые тени не пронеслись прямо над ними, сверкнув плоскостями коротких крыльев в лучах жаркого полуденного солнца. Машины шли на небольшой высоте, словно безмолвные призраки, — их скорость превышала звуковой барьер, и надсадный, оглушительный рев безнадежно запаздывал — он накатился несколькими секундами позже…

Очередное замечание застряло в горле у Вадима Петровича…

Адский грохот звуковой волны пригнул ветви деревьев, встряхнув их листву. Медленно оседающую над проселком пыль вбило назад в землю, молодая рожь на полях пошла волнами, будто превратилась в воду, по которой ударил порыв шквального ветра…

Это оглушающее действо длилось не более десяти секунд, но Лозину казалось, что грохот бесконечен, он рушится отовсюду…

Рокотов придерживался иного мнения. Пока Вадим Петрович сидел, широко раскрыв рот и выпучив глаза от болезненного звона в барабанных перепонках, Игорь внезапно выскочил из машины, распахнул водительскую дверь и рывком вытащил Вадима наружу.

— Я сяду за руль! На пассажирское место, живо! Лозин был слишком ошарашен, чтобы спорить.

Обежав машину, он плюхнулся рядом с водителем. Игорь уже сдавал назад, юзом выскакивая из-под спасительной сени деревьев.

— Что случилось? — выпучив глаза, проорал Лозин, хотя кричать уже не было необходимости, — оглушительный рев иссяк, ушел к горизонту вслед за остроносыми машинами.

— Нас засекли! Пристегнись!..

Пока Вадим Петрович судорожно тянул ремень безопасности, Игорь уже вывел машину назад на проселок. Резкое ускорение выметнуло пригоршни гравия из-под ведущих колес, и старенький, но крепкий «Волмар» Лозина рванулся вперед, набирая скорость.

— Что ты делаешь, Игорь! Нас же заметят!

— Нас уже обнаружили… — Куда подевалась апатичность Игоря? Минуту назад он сидел на заднем сиденье машины и, казалось, дремал, и вдруг все изменилось, так резко, ненормально… — Их термальные датчики зафиксировали машину под фоном деревьев… Мотор слишком горячий… — с досадой констатировал Игорь, продолжая втапливать в пол педаль акселератора, хотя у Лозина уже неприятно заложило уши от непривычного ускорения. Взглянув на спидометр, он предпочел отвернуться… Сто семьдесят миль в час… Это по такой-то дороге!.. Да и что он придумал, — истребители уже давно ушли к горизонту, до них теперь, наверное, километров двести, не меньше…

То, что случилось в следующий миг, выглядело как злая, страшная насмешка над его мыслями…

Внезапно в том месте, где они только что прятались в тени деревьев, земля встала на дыбы, поднявшись сплошной стеной черно-оранжевых султанов.

Игорь метнул взгляд в зеркало заднего вида и страшно, зло усмехнулся. Этого человека будто подменили…

— Отсекающий удар… — процедил он сквозь зубы, заметив, что взрывы описали широкое кольцо, очертив сплошной круг воронок… — Им приказано брать нас живыми… Вот хрен вам, ребята…

В его словах не было злобы. В них звучало страшное спокойствие, показавшееся Лозину ненатуральным, мистическим… Неужели этот самый человек лежал несколько дней назад в реанимационной камере госпиталя? Откуда в нем такое нечеловеческое равнодушие к смерти?

Вместо того чтобы задавать идиотские вопросы, Вадим Петрович протянул руку, вытащил из «бардачка» сложенную вчетверо и изрядно потертую на сгибах карту населенного материка, которую постоянно возил с собой, и развернул ее на коленях, стараясь, внутренне уговаривая себя не обращать внимания на ту бешеную, самоубийственную скорость, на которой двигался его «Волмар» по пыльному проселку с гравийным покрытием.

— Мы должны быть вот в этой точке ровно в шестнадцать ноль-ноль, то есть через три с половиной часа. Раньше там появляться нельзя,

«Кассиопея» еще не закончит предстартовые процедуры, — пояснил он, стараясь говорить так, чтобы не дрожал голос.

— Понятно… — Игорь чуть скосил глаза от дороги, и у Лозина похолодело в груди, — лучше бы тот не отвлекался на такой скорости…

— Что там за местность? Горы?

Неужели ему хватило одного брошенного вскользь взгляда, чтобы прочитать старую потертую карту? — в смятении подумал Вадим, а вслух ответил:

— Да, в ста пятидесяти километрах отсюда начинается возвышенность. Цепь холмов, несколько плоскогорий, у подножия три старых, заброшенных поселка, неудавшиеся горнодобывающие производства. Вымершие поселения. АХУМ находится в тупике ущелья, между двух выходов скальных пород. Дорога там старая, заброшенная, местами асфальт уже начал проваливаться…

— Придется рвать туда напрямую… — секунду поразмыслив, решил Игорь. Здесь, на равнине, они нас сделают в два счета. Отсекающий залп поперек дороги, и все — кувыркнемся как миленькие… В горах я их заставлю повозиться, там особо не разлетаешься, дотянуть бы только…

— Нам нельзя ехать напрямую! Они поймут, что мы направляемся к АХУМу, и заподозрят, что в нем есть что-то ценное для нас! Если мы потеряем «Кассиопею», все будет кончено, пойми!

Его слова никак не подействовали ни на скорость, ни на курс, каким вел машину Игорь. Тот явно не собирался тормозить или сворачивать.

— Там ведь бункер, верно? — спустя какое-то время, спросил он.

— Да…

— Тогда они не успеют. Дай мне добраться до «Беркута» — не разлетаются суки… — мрачно пообещал Игорь. — Пока будут чухаться, соображать что к чему, пока примут решение бомбить, — успеем…

От горизонта опять накатился вой. Истребители возвращались. Но шли они теперь уже не на такой скорости, как раньше.

— Держись!

Игорь круто увел машину с дороги. Выскочив на поле, «Волмар» застонал, заскрипел… Казалось, что переднюю подвеску сейчас вырвет к черту вместе с колесами, но Рокотов каким-то чудом справился с управлением, заставив машину петлять по полю.

Теперь остроносые машины уже не казались смутным бликом солнечного света на полуденном небе. Они приближались достаточно медленно, чтобы Лозин, внимание которого не было занято управлением, смог разглядеть их, почувствовать массу, похолодеть от того ощущения

мощи, которое исходило от огромных, несущихся на небольшой высоте атмосферных истребителей…

Это приближалась сама смерть, и казалось, что от нее нет… просто не может быть спасения…

Даже замечание Игоря насчет того, что их наверняка попытаются взять живыми, не умеряло стылого холода, который охватил грудь, внутренности Лозина, когда первый предупреждающий разрыв метнул фонтан земли прямо по курсу бешено мчащегося «Волмара»…

Старенькую машину тряхнуло так, что у Вадима Петровича лязгнули зубы.

Игорь резко вывернул руль. Машину занесло, на миг она встала на два колеса, невероятным образом огибая дымящуюся воронку, потом горизонт, ставший было на дыбы, вернулся на место с тяжким, стонущим звуком пробитых амортизаторов…

…Истребители пронеслись над самой головой и начали валиться на крыло, разворачиваясь для нового захода.

Игорь резко повернул «Волмар» назад, к дорожному полотну.

Вся эта феерия страшных событий просто не укладывалась в сознании Лозина. Он совершенно ошалел, уже не пытаясь как-то перечить или указывать Рокотову…

Мы сумасшедшие… нас убьют…

«Волмар» подпрыгнул, вылетел на гравийное покрытие и резко начал набирать ускорение. Впереди, у туманной дымки горизонта, уже прорисовывалось что-то темное, смутное… Это были горы.

В подвеске машины что-то жалобно, ритмично дребезжало.

Вой опять накатывался из поднебесья, и опять, вот уже в третий раз, Вадиму показалось, что от этого звука им уже не уйти…

Он опять ошибся.

* * *

Корабль лежал на склоне развороченного холма, и тракторы, которые стояли поодаль, казались по сравнению с ним букашками.

Полковник Шерман несколько минут разглядывал исполинский суборбитальный транспорт, поворачивая его объемное изображение, заключенное в масштабную координатную сетку, то одной, то другой стороной. Внешне все вроде бы выглядело спокойно. Термальные датчики показывали лишь фоновое тепло нагретой полуденным солнцем брони.

— Первая двойка, вперед!.. — наконец приказал он в коммуникатор.

Два пехотинца вскочили с земли и рывком преодолели несколько

десятков метров, отделяющих их позицию от зева откинутой аппарели.

…В грузовом отсеке корабля было пусто, темно и тихо. В свете включенных фонарей промелькнули порванные, змеящиеся по полу кабели; две решетчатые фермы обслуживания, предназначенные для заправки «Беркута», оказались небрежно откинуты, так, словно робот, сходя с места, просто оттолкнул их… Парковочное место с характерными крепежными приспособлениями пустовало.

— Все чисто, сэр… — доложил старший двойки. — Машины нет.

— Двигайтесь дальше.

За переборкой, в которой располагался овальный люк, оказался короткий тамбур. Вторая дверь была блокирована. Один из пехотинцев, направив луч фонаря на контрольную панель, заметил, что пластина сканера и отпирающий механизм изуродованы несколькими нанесенными наспех ударами. Рядом, на полу, валялась обыкновенная кувалда из штатного набора инструментов.

— Замок поврежден, сэр, — произнес он, извлекая из специального подсумка кусок пластида.

Ловким движением вылепив из взрывчатки подобие шнура, он прилепил его к двери, оконтурив поврежденный замок. Затем воткнул в мягкую массу крошечный детонатор и отступил за внешний люк тамбура.

Взрыв прозвучал как мягкий львиный рык… В глубине тамбура блеснул огонь, и в грузовой отсек выпихнуло густой клуб ядовито-желтого дыма.

Удар ноги вышиб остатки замковой пластины, и люк беспомощно дернулся, под собственным весом скользнув в переборку. На половине хода его заклинило в направляющих, но образовавшейся щели оказалось достаточно, чтобы боец проник внутрь.

Тесное помещение рубки с противоперегрузочным креслом пилота, установленным на вращающемся ложементе, было изуродовано все тем же грубым и беспощадным инструментом. Экраны, окошки индикаторов, цифровые табло приборов — все разбито, перемешано в хаос острых осколков, и только в одном месте, на вскрытой панели огибающего кресло пульта, угадывались следы более тонкого демонтажа. Круглое углубление с обрывками компьютерных шлейфов внутри явно указывало на то, что отсюда извлекли какой-то прибор.

— Сэр, тут все разбито. Навигационного кристалла нет… — доложил боец, разглядывая царящий в рубке хаос. — Похоже, кто-то забрал еще и основной блок бортового компьютера.

— Хорошо. Ничего не трогай. Проверь все детектором на наличие

сюрпризов и уходи.

Солдат, осматривавший рубку, машинально кивнул. Его напарник оставался по ту сторону тамбура.

Вытащив небольшой прибор с индикационным окошком на панели, он установил его прямо на скошенную плоскость разбитого пульта. Невидимый луч детектора приступил к процессу объемного сканирования, пытаясь обнаружить в хаосе разбитых приборов работающие цепи или установленные взрывные устройства.

Солдат в ожидании результатов стоял, переминаясь с ноги на ногу.

Наконец прибор сдавленно пискнул. Никакой работающей электроники. Все чисто, корабль мертв…

Солдат облегченно вздохнул.

Его взгляд в последний раз обежал мертвую рубку чужого корабля. Он слышал, что это за корабль, и теперь, когда прибор доложил о полной безопасности помещения, его взяло вполне оправданное любопытство, — ведь он сейчас находился в той самой рубке, где совсем недавно сидел этот сумасшедший Рокотов…

На пульте управления среди разбитых вдребезги приборов он заметил оброненный в спешке или просто забытый брелок от обыкновенных ключей. Яркая, ничего не значащая безделушка с непонятной символикой. Хорошая память об этом месте… Он протянул руку, взял его, с запоздалым ужасом ощутив легкое сопротивление, с которым безделушка отделилась от приборной панели.

Потянувшуюся за брелоком тонкую проволочку он уже не успел разглядеть перед глазами полыхнул оранжевый огонь, и сознание провалилось в черную бездну.

Навсегда…

…Механизированный батальон полковника Шермана понес первые, тяжкие потери, еще ни разу не вступив в бой.

Взорвавшегося на борту «Валькирии» боезапаса хватило, чтобы уничтожить все находящееся в радиусе полукилометра от эпицентра, а некоторые обломки штурмовика находили потом далеко за выгоревшим поместьем Полвиных…

Глава 18

Александрийск. Ставка адмирала Надырова.

Адмирал Надыров смотрел в бледное перекошенное лицо президента Кассии.

— Я повторяю свой вопрос, — вышагивая по мягкому ворсу ковра, выговорил он. — Что вам известно об Игоре Рокотове? Куда он мог исчезнуть? В какую сторону направляется? Кто из местного населения может оказать ему помощь?

Ханс поднял покрасневшие глаза и тихо ответил:

— Я не знаю…

— Врешь!.. — скуластое лицо Надырова приблизилось. — Ты знаешь! Против нас действует организованная группа! Кто они?

— На Кассии нет организованных воинских формирований… — Разбитые губы президента, на которых запеклись сгустки крови, с трудом выпускали слова. Но я рад… рад, что нашлись люди, которые оказались решительнее, чем я… Вы… Вы — лживое чудовище, адмирал…

— Вот как? — Взгляд Надырова стал насмешливым. — Тут все такие вшивые интеллигенты, на вашей Кассии? — ухмыльнулся адмирал. — Меня еще никто не материл так культурно и изысканно… — Он вдруг развернулся и с досадой врезал сцепленными кистями рук по лицу Ханса.

Кровь закапала на мягкий ворс ковра.

Надыров отвернулся, потеряв на время всякий интерес к бессознательному телу.

Отойдя к окну, он тяжело оперся на подоконник, глядя на залитую солнечным светом панораму Александрийска.

Одна мысль не давала покоя адмиралу: почему с упавшего штурмовика Рокотова кто-то извлек навигационный кристалл? Какой в этом смысл? Неужели этот безумец надеется каким-то образом вернуться на Дабог?

Надыров даже фыркнул в ответ собственным мыслям. На данный момент в оккупированной системе Кассии присутствовал всего один космический корабль линейный крейсер «Тень Земли».

…Его мысли прервал осторожный стук в дверь.

Надыров обернулся. Вошел адъютант.

— Сэр, получено сообщение из центра связи! — Он протянул Надырову электронный планшет.

Адмирал взял в руки плоский, как лист картона, прибор и приложил указательный палец руки к окошку сканера. На поверхности планшета промелькнул шифр доступа и появился текст двух сообщений.

Пробежав по ним глазами, Надыров почувствовал радостное возбуждение…

«Беркут» был обнаружен Он и еще две машины, определенные как исчезнувшие с места ночного боя «Фалангер» и «Хоплит», двигались сейчас под сенью леса, в двухстах километрах южнее Александрийска.

Второе сообщение пришло от патрулирующих воздушное пространство Кассии аэромобильных групп. Они докладывали о подозрительной машине, которая также пыталась замаскироваться, а сейчас, уклонившись от предупредительно-отсекающего огня, на огромной скорости пытается прорваться в том же направлении, куда двигались шагающие роботы.

— Карту! — потребовал Надыров.

Адъютант поднес ему переносной компьютерный планшет.

Проследив за линиями рельефа, поверх которых уже был выделен пунктирный курс роботов и машины, Надыров понял: если они не изменят направления движения, то их пути должны пересекаться в одной точке — у ущелья, в котором, по оперативным данным, располагался один из так называемых АХУМов подземных хранилищ, выстроенных первыми колонистами для своей техники.

— Передай пилотам истребителей, — пусть прекратят атаки на машину, приказал он, возвращаясь к рабочему столу президента Кассии, на поверхности которого техники уже успели развернуть личную тактическую систему командующего. Взяв световой карандаш, он нашел взглядом ближайший к горам значок механизированной серв-группы, зацепил его острием и перетащил в новое место, к ущелью, одновременно прочертив маршрут движения. — Вот так… удовлетворенно произнес он. — Посмотрим, что они там закопали в своем АХУМе. Настроение у Надырова резко улучшилось.

* * *

Когда после третьего захода звено атмосферных истребителей внезапно прекратило атаки, Вадим Петрович подумал, что он все же оглох от этого адского грохота, — тишина, казалось, навалилась вязкая, осязаемая, и даже напряженный шум мотора мчащегося на предельной скорости «Волмара» звучал в его ушах тише шепота…

Лозин вдруг заметил, что у него мелко, противно трясутся руки.

Нервно покрутив головой, он увидел лишь чистое лазурное небо, на котором полыхал ослепительно-желтый круг кассианского солнца да укутанные сиреневой дымкой контуры гор у далекого горизонта…

— Игорь, останови… — взмолился он.

Рокотов покосился на него, но скорость не скинул. Вид взмокшего старика, сгорбившегося на пассажирском сиденье, вызывал у него не жалость, а глухое чувство досады…

Игорь, так нельзя, неужели ты уже забыл, как сам впервые встретился со смертью?.. Не теряй человечности, парень…

— Сейчас, Вадим Петрович… Еще пару километров, — произнес он, глядя на приближающиеся руины какого-то древнего поселения.

Машина резко подпрыгнула на просевшем от времени асфальте, скинула скорость и уже по инерции вкатилась во двор ближайшего здания с плоской, провалившейся внутрь строения крышей.

Игорь довернул руль, заставив «Волмар» вползти в тень от нависающего над входом в здание козырька.

Тихо скрипнули тормоза.

Лозин слепо нашарил ручку двери, открыл ее и боком выполз из машины. Игорь, прищурившись, наблюдал, как он разогнулся и вдруг пошел на нетвердых ногах куда-то в глубь полуразрушенного временем здания.

Что-то больно кольнуло в груди Игоря при виде этой сгорбленной, движущейся как сомнамбула фигуры.

Ни слова не говоря, он вылез из машины и в несколько шагов догнал Лозина.

— Вадим Петрович… Погоди! Лозин остановился.

Игорь взял его за плечи и развернул к себе, слегка встряхнув. На Дабоге он привык к другим людям и уже успел позабыть, как на его глазах точно так же сходили с ума его соотечественники.

— Ну, ты что… Вадим Петрович?

Тот мучительно поднял покрасневшие от напряжения и пыли слезящиеся глаза.

— Не могу я, Игорь… Не выдержал… Думал, смогу, а вот видишь… Казалось, Лозин сейчас рухнет навзничь…

Игорь отпустил его плечи, отошел на шаг в сторону… Что он мог сказать ему? Что сам когда-то так же мучительно заглянул в глаза собственному страху?

Казалось, Вадим каким-то чудом прочитал его мысли.

— Я думал, что не умею так бояться… — вдруг произнес он. — Это…

Это не страх, это что-то животное, нечеловеческое… — Он растерянно посмотрел на Рокотова. — Зачем все это? — вдруг спросил он. — Зачем нас хотят убить?! Почему?!

— Я не могу ответить на твой вопрос… — Игорь присел на корточки, похлопал по карманам одежды, достал сигареты. — Страх — это… это личное, как любовь, понимаешь? Каждый переживает его по-своему. Сначала он растет, а потом исчезает, притупляется… — Игорь усмехнулся, прикуривая. — Так по крайней мере было со мной. Я тоже думал, что существуют события, после которых уже не сможешь, не найдешь сил жить, а нет… отлежишься, отпустит… Смотришь на небо, дышишь и начинаешь понимать — если не ты, то кто? Кто придет на твое место? Кому нести непрожитый остаток твоей судьбы?..

— Я понимаю… — щеки Лозина немного порозовели. — Но я спрашивал не об этом, Игорь… — Почему кто-то решил, что может прийти сюда, вытоптать мою землю, убить меня… разве мы опять животные? Разве у нас не одни корни, история? Нас ведь рожают одинаковые матери…

— Но воспитывает разное общество… — мрачно дополнил его мысль Игорь.

Договорить им не дали. В небесах опять прокатился вой.

— Давай, Вадим Петрович, поговорим позже, ладно? — сказал Игорь, выглядывая через пролом в стене. — Почему они от нас отстали? — Казалось, он обращается не к Лозину, а к самому себе. — Сомневаюсь, что потеряли… Что-то задумали, суки…

— Может, ждут подхода этих… шагающих? — высказал предположение Лозин, опасливо косясь сквозь пролом стены на залитую ярким полуденным солнцем улицу.

— Кого? — не понял Рокотов. — Каких «шагающих»? — насторожился он.

Вадим Петрович удивленно посмотрел на него.

— Ну машины такие, роботы… Ты ведь сам…

С лица Игоря внезапно сбежала вся краска.

Резко повернувшись, он схватил Лозина за грудки, встряхнул и произнес срывающимся, хриплым голосом:

— Ты что несешь?.. Ты что… видел их? Ты видел мой «Беркут»… они похожи на него, говори?!.

Лозин отшатнулся. Он не понимал, что вдруг произошло с Игорем. Отчего он вдруг взъярился, побелел, откуда дрожь в его руках?

— Ну видел, конечно…

— Они похожи? — отчаянно допытывался Игорь, будто от ответа,

который даст Вадим, зависела его жизнь.

Лозин непроизвольно попятился. Ему вдруг стало страшно. Уж не сумасшедший ли этот парень, который спокоен под атакой истребителей и вдруг белеет и психует при упоминании о точно таких машинах, как его собственный робот?!.

— Ты что, Игорь?!. — растерянно спросил он, заметив, как Рокотов, бледный, словно сама смерть, смотрит на него пустыми, выцветшими вдруг глазами в ожидании какого-то ответа. — Похожи… не похожи… — совсем растерявшись, пробормотал Вадим Петрович, — какая разница? В чем дело? Я не могу тебе ответить, я видел три машины — одна повыше, помассивней, а две другие поменьше… но я даже не знаю, какая из них твой «Беркут», клянусь!..

На лице Рокотова по-прежнему не было ни кровинки.

— Пошли! — резко произнес он, а у самого дрожали руки. Лозин видел это, но не мог понять причины.

Когда мотор «Волмара» завелся с тихим урчанием, он, пристегивая ремень, опять украдкой глянул на Игоря.

Тот сидел, вцепившись в руль, с окаменевшим лицом, а его взгляд, казалось, был направлен в никуда…

Машина резко тронулась с места.

Лозин не мог себе вообразить, что сейчас творилось в душе Игоря Рокотова…

Машины, похожие на его «Беркут»…

Это было именно то, чего боялся и подсознательно ждал Игорь с того самого рокового дня, когда впервые нажал на спуск горнопроходных лазеров на далеком, превратившемся в шлак Дабоге…

Его предчувствия сбывались…

* * *

— Маша… Там что-то движется! Ой, мамочки!.. — Катерина Лозина, жена Вадима Петровича, взвизгнула, словно девчонка.

Звено из трех истребителей пронеслось над ущельем, наполняя адским грохотом теснину между склонами. Шестилетний Андрейка, внук Лозиных, выронил из рук палку, которой ковырял слежалый песок и пожухлую траву у распахнутого входа в АХУМ. Несколько секунд он испуганно озирался по сторонам, не понимая, откуда пришел этот грохот, а потом вдруг скривился и заревел от испуга.

Катерина бросилась к внуку.

— Катя, забирай Андрюшку и давай внутрь. — Мария оглянулась,

сердито посмотрев на причитающую подругу. — Давай, живо, сейчас, наверное, вернутся! — сердито прикрикнула она, сама бледная, как лист бумаги.

— Машенька…

— Иди, Катя, не спорь! Я буду ждать… Лозина не стала препираться. Схватив в охапку плачущего внука, она исчезла в черном провале входа.

Оставшись одна, Мария бессильно присела на нагретый полуденным солнцем камень, глядя в ту сторону, куда уходила, петляя меж камней, старая дорога, больше похожая на засыпанную песком и заросшую желтоватой, пожухлой травой тропу.

Сердце матери билось болезненно, глухо. Где-то там сейчас была ее Оля… В голове не укладывалось — неужели пришла пора? Как же ее девочка, что топотала розовыми пятками по теплому уютному двору, вдруг выросла и сейчас сидит внутри этой жуткой, непонятной шагающей машины? На секунду в душе Марии шевельнулась обида, злая растерянность, направленная в мыслях на мужа, — как мог Николай позволить ей идти туда? Почему Оля, а не кто-то другой?

На глаза матери навернулись слезы.

Она до рези вглядывалась в горизонт, ожидая появления этих проклятых механических фигур.

Время текло медленно… так медленно, что каждая минута уничтожающего душу ожидания превращалась в час…

Истребители, промелькнув над головой, больше не возвращались. Солнце уже перевалило за полдень, и от склона ущелья на тропу легли постепенно удлиняющиеся тени.

Наконец, совершенно измучившись, Мария внезапно увидела их.

Сначала это был яркий блик света, солнечный зайчик, что вспыхнул и погас в нескольких километрах от входа в ущелье, среди руин старого, заброшенного поселения.

Она вскинула руки, прижала их к груди…

— Господи, Оленька, только бы это была ты… — едва слышно шептали ее губы.

Словно насмехаясь над тревогой матери, блик больше не появлялся, сколько ни вглядывалась она в серые, унылые контуры полуразрушенных временем зданий.

Потом он внезапно появился вновь, но уже совершенно не там, и, присмотревшись, Мария поняла, что это совсем другая машина. Солнце отражалось от лобового стекла мчащегося на бешеной скорости «Волмара».

Попав в теснину старых городских улиц, машина несколько сбавила скорость. Мария машинально посмотрела на часы. Три часа пополудни…

Рано… Рано еще и для Вадима, и для Оли…

Тогда откуда взялся «Волмар» и чей блик видела она несколько минут назад совсем в другой стороне, у окраины руин?..

Сердце Марии надсадно ухнуло.

Что-то получилось не так, как планировалось. Да и смешно… глупо было надеяться, что все сложится удачно… Это был порыв отчаянья, душа, измотанная тревогой, уже отказывалась верить в благополучный исход…

Не в силах стоять на месте и ждать, Мария медленно пошла вперед, туда, где старая, местами обвалившаяся дорога резко уходила вниз, вливаясь в улицы разрушенного поселка.

Подойдя к краю своеобразного склона, который вместе с дорогой утекал вниз каменистыми осыпями, она глянула на панораму разрушенной временем окраины поселка и едва не закричала, каким-то чудом успев зажать рот ладонями.

За руинами ближайших зданий, по обе стороны дороги, притаились страшные машины пришельцев. Было непонятно, невероятно, как они попали сюда, почему нашли их, но факт, неоспоримый факт оставался налицо — они возвышались среди огрызков стен, как страшные камуфлированные металлические жабы. Согнув свои ступоходы, шесть машин, разбившись на тройки, присели, прячась среди руин. Мария отчетливо видела их. Собранные в турели стволы автоматических пушек, торчащие по бокам каждой машины на подвесках, отдаленно напоминающих плечевой сустав, сейчас медленно поворачивались, нацеливаясь в одну сторону — туда, где потерявшая свою стремительность машина Вадима Лозина переваливалась через ухабы вздыбленного асфальта.

Мария поняла: еще минута, может быть, две, и Вадим въедет прямо в засаду, под беспощадный, уничтожающий огонь шестерых шагающих монстров.

Вот «Волмар» заскочил за поворот, на некоторое время исчез за зданием, появился вновь и…

Не выдержав, Мария закричала и побежала вниз, отчаянно махая руками. В эту секунду она, как и дочь, ринувшаяся спасать Степана, не думала ни о чем, кроме того, что близкому ей человеку грозит смерть.

Со стороны руин внезапно что-то рыкнуло, загудело, и в небо ушел целый рой ракет.

Мария, оглушенная неожиданным залпом, остановилась, вглядываясь

во взметнувшиеся клубы пыли.

Оттуда опять зарычало, завыло, и еще одна партия ракет вонзилась в лазурные небеса. Нет… Они стреляли не по машине Вадима…

Только она успела подумать об этом, похолодеть от страшной догадки о том, в кого могут быть направлены эти залпы, как из клубов пыли показались камуфлированные спины трех шагающих чудовищ, которые вдруг разом пришли в движение, разгибая свои ступоходы, выпрямляясь, поднимаясь над руинами, будто жуткие призраки.

…В этот миг машина Вадима показалась из-за ближайшего здания.

Она неслась прямо под ступоходы страшных машин…

Мария видела, как с хоботков их орудий слетали вспышки бледного огня, как дыбился перед самым капотом машины старый, проросший травой асфальт, как «Волмар», наскочив на ослепительную вспышку разрыва, вдруг задрал свой нос и начал медленно переворачиваться в воздухе, — одна его дверца открылась, беспомощно хлопая, а потом… потом все сорвалось в прежнем бешеном ритме секунд, — грохот взрывов хлестнул по ушам упругой, болезненной волной, Марию сбило с ног, швырнуло на пыльную, заросшую чахлой травой обочину, она в аффекте вскочила, не понимая, куда бежать, — все стороны света перепутались местами, и мир кружил перед затуманившимися от брызнувших слез глазами в страшном непонятном калейдоскопе…

«Волмар» Вадима перелетел через свежую воронку, перевернулся в воздухе, высекая искры, коснулся, крышей асфальта, проехал несколько метров и застыл вверх колесами…

Из кабины никто не появлялся.

Мария, наблюдавшая эту сцену в полубредовом лихорадочном состоянии, вдруг поняла, что стоит на коленях, прижав к груди руки, и плачет, не в силах унять бьющую тело дрожь…

— Вадим… Господи… Зачем… Что же я скажу Кате, Вадим?.. беззвучно шептали ее губы.

Две шагающие машины выломились из руин зданий, осыпая остатки старых стен каскадами битого кирпича, и остановились по обе стороны от перевернутого «Волмара».

* * *

Понятие «смерть» давно стало для Игоря Рокотова чем-то обыденным, практически неосязаемым.

За полгода он увидел слишком много смертей, чтобы продолжать воспринимать чужую боль с той же остротой, как когда-то вначале.

Это была та пресловутая грань, за которой, как сказал Андрей Рощин, заканчиваются всякие моральные искания. Игорь не знал Андрея и не слышал этих слов, сказанных накануне вечером в тиши разоренной усадьбы Полвиных, но, видит бог, он мог подтвердить, что все происходит именно так.

Сейчас с ним происходило что-то совершенно жуткое, неадекватное, испугавшее даже его самого.

Игорю казалось, как уже не раз бывало в его жизни, что он сорвался и падает, не видя, не ощущая дна той бездны, куда в очередной раз рушилась его душа.

Машины, похожие на его «Беркут»… Выходит, что он создал их. Осатанев от горя и ненависти в тот незабвенный, проклятый день первой атаки на Дабог, он показал всему миру, на что способна шагающая машина. Он смел высадившиеся войска Альянса, вышвырнул их с Дабога, попутно превратив в руины несколько кварталов города, и этот урок, видно, не прошел даром… Они оказались хорошими учениками… Слишком хорошими, раз смогли создать свой аналог шагающего робота, схватить принцип, руководствуясь лишь видеозаписями да данными теплового сканирования…

Разве не предчувствовал он такой конец? Разве не думал о подобном исходе, во время бессонных ночей ворочаясь с боку на бок в тишине подземелий Дабога?..

Вот она, цена, которую придется заплатить уже не ему и даже не его планете…

Занятый своими мрачными мыслями, Игорь едва заметил, что машина выскочила на окраину очередного полуразрушенного поселка, каких оказалось множество в этих пыльных, опаленных немилосердным зноем предгорьях.

— Игорь, мы почти у цели… — Это Вадим Петрович тронул его за рукав.

Рокотов словно вынырнул на свет из черного омута своих мыслей.

Притормозив, он посмотрел по сторонам.

— Где? — хрипло спросил он.

— Вот там… — Лозин протянул руку, указывая направление, где полуразрушенная дорога карабкалась на каменистый склон и исчезала меж пологих скатов сглаженного тысячелетней эрозией ущелья.

Игорь хмуро посмотрел вокруг, задержался взглядом на улице, которая вливалась в теснину полуразрушенных зданий, покачал головой и сказал, скупо, однозначно:

— Засада тут, Вадим Петрович… Сейчас покувыркаемся…

— Почему? — не поверив, опешил Лозин.

— Нутром чувствую… — ответил Игорь, уродуя в пальцах неприкуренную сигарету. — Зря, что ли, истребители отвалили? Они нас пасут, хотят знать, куда едем…

— Но, Игорь, тогда выходит, что они…

— Да, Вадим Петрович, теперь они знают. А ты думал как? Обведешь вокруг пальца целую армию? Это только в фильмах так бывает, да и то не во всех… Рокотов наконец щелкнул зажигалкой, прикурил…

— Тогда зачем мы ехали сюда, Игорь?! Выходит, мы сами навели их?! Я же говорил, говорил, нельзя до срока!..

— Перестань… — Игорь что-то обдумывал, глядя на панораму руин. — Они не придурки, повторяю тебе. Нас уже ждут. Не было никакой разницы, стали бы петлять, кружить, сделали бы хуже.

— Никакой разницы? — взъярился Вадим. Он в данный момент думал о Катерине, Андрюшке… — Что делать-то теперь?.. — вдруг растеряв всю свою резкость переспросил он.

— Драться… — тихо, но уверенно ответил Игорь.

— Драться?!. — Вадим Петрович растерянно посмотрел на возвышающиеся впереди руины старого поселка, расположенный за ними каменистый склон, над которым в свою очередь нависали, выступая из земли, серые, покрытые слоистыми трещинами, выветренные утесы, и покачал головой, словно ему не верилось, что на этом последнем оставшемся до заветной цели километре их будет поджидать какая-то опасность…

— Игорь, может быть, я чего не понимаю… но тут никого нет! Да и зачем?.. Просто поехали вперед, осталось-то всего…

Рокотов, слушая его, начал злиться. Этот человек оказался настолько далек от войны и так закоснел в своих жизненных убеждениях, что его мог убедить только свой личный, болезненный, а может, даже смертельный опыт. Игорь не осуждал его — сам был таким меньше года назад… Тоже не верил, сомневался, надеялся…

Он не хотел, да и не чувствовал за собой права отступать от интуитивных, неписаных законов, которые выжгла в нем война… Игорь даже не предчувствовал — он знал, что в этих руинах кроется засада. Но убеждать Лозина, вступать с ним в спор не имело смысла.

— Знаешь что, Вадим Петрович? — хмуро произнес он, облокотившись сцепленными в замок руками о руль «Волмара». — Ты подожди здесь в машине, а я прогуляюсь, ладно? Не больше пяти

минут… — хмуро добавил он, отвечая на встревоженный, полный смятения взгляд. — Посиди тихо, а если заслышишь пальбу… — Игорь на секунду замялся, внезапно осознав, что отвык от такого общения, от подобных слов… — Просто попытайся выжить, — добавил он, отстегивая ремень безопасности.

Вадим Петрович только угрюмо кивнул. Он не мог остановить Игоря, даже если бы захотел.

* * *

К полудню три шагающие машины преодолели трехсоткилометровую отметку. По плану в этой точке маршрута они должны были повернуть в сторону ущелья.

Ольга и Андрей почти не разговаривали. Во-первых, нужно было соблюдать радиотишину, а во-вторых, у каждого нашлось, о чем подумать во время долгого, напряженного марша.

Спустя сорок минут после поворота, когда они все еще двигались под пологом хвойного леса, над их головами несколько раз прокатился оглушительный рев — это в безоблачном кассианском небе рыскали звенья атмосферных истребителей.

Следящие системы «Беркута» проводили их пристальным радарным взглядом.

Сознание Ольги вдруг обострилось, потянулось вперед и вверх, словно «Беркут», который, несомненно, обладал собственной волей, внезапно решил что-то показать ей, приподнять ауру таинственности в их взаимоотношениях, дать ей наглядный урок новых возможностей…

На хронометре было три часа пополудни.

Ольга совершенно неожиданно почувствовала, как ее разум против воли опять тонет, проваливается в некую информационную бездну. Она не успела ни вскрикнуть, не испугаться — просто утонула… Ушла на дно виртуального водоворота, как камень, сорвавшийся в омут с крутого, обрывистого берега.

Можете представить себе взгляд машины, для тепловых сканеров которой не существует стен, стволов деревьев, плотного полога крон? Как описать сознание, сосредоточившееся на острие радарного луча, которому обозримо все пространство в пределах видимого горизонта? Что будет, если проецировать это не на контрольный монитор в виде безликих, мерцающих точек, а в мозг человека, расшифровывая образы в адекватный нашему восприятию видеоряд?

Тело Ольги невольно дернулось в кресле — она инстинктивно

отшатнулась, когда увидела шесть медленно пробирающихся меж руин «Фалангеров»… Ее взгляд метнулся, смазав километры в смутную линию летящих контуров, и остановился…

Предметы вновь обрели резкость. Она увидела машину — это был «Волмар» Вадима Петровича, за рулем которого сидел совершенно незнакомый человек.

Рокотов… — подсказало чье-то сознание.

Картинка опять стала зыбкой, начала размазываться. Теперь, несмотря на ощущение тошнотворного полета над местностью, Ольга вполне отдавала себе отчет, что продолжает сидеть в нейросенсор-ном кресле «Беркута», который в данный момент перефокусировал свои сканеры…

…Она увидела склоны ущелья, распахнутый вход в АХУМ, в глубинах которого что-то таинственно поблескивало, Андрейку Лозина, который с детской беспечностью ковырял песок у открытых ворот, и мать, что стояла, облокотись о мшистый валун, и напряженно, до рези в глазах вглядывалась в туманящуюся фиолетовой дымкой даль кассианских равнин.

Последним штрихом к данной мозаике образов оказалась панорама усеянного колючими, холодными точками звезд неба, в котором присутствовала черная, скупо обозначенная навигационными огнями тень боевого крейсера.

Видение укрупнялось, наплывало, пока не стали различимы открытые створы стартовых электромагнитных катапульт, в шахтах которых притаились острые носы изготовившихся к выбросу истребителей…

Они ждали… Ждали сигнала.

…Сознание Ольги прояснилось.

Так человек, всплывающий из свинцово-черной глубины омута, постепенно начинает воспринимать светлеющую вокруг воду и страстными, судорожными движениями из последних сил толкает себя к вожделенной поверхности за глотком воздуха…

Она вздрогнула, открыла глаза.

Монотонная поступь «Беркута» слегка раскачивала рубку. «Хоплит» Андрея Рощина двигался по левому борту. Третья машина, привязанная к ее автопилоту каналами телеметрии, чуть поотстала, скрываясь за деревьями.

— Андрей… — Ольга машинально облизала пересохшие губы.

— Да? Что случилось? — тут же отозвался Рощин.

Виртуальные образы, виденные ею несколько секунд назад, вдруг сложились в сознании Ольги в четкую, неоспоримую картинку общего

понимания событий.

Она пришла к тем же выводам, что и «Беркут» со Степом…

— Впереди засада… Андрей, мы все это время были под наблюдением. О нас знают, нас ведут, как баранов на убой. АХУМ раскрыт, и его не атакуют лишь потому, что хотят дождаться, пока все птички слетятся в клетку…

— Постой… С чего это вдруг? Откуда ты взяла…

— Андрей, мне показал «Беркут»… Я сижу в нейросенсорном кресле, забыл? Мой мозг напрямую связан с его сканерами. Там шесть «Фалангеров». А на орбите уже готовы звенья тяжелых штурмовых машин. «Волмар» Вадима Петровича почему-то опередил график, и сейчас они с Игорем Рокотовым всего в получасе езды от АХУМа… — Голос Ольги дрогнул. Она представила мать, которая кинется навстречу Вадиму Петровичу под уничтожающий огонь притаившихся в руинах зданий вражеских машин…

— Андрей… Мы должны опередить их!.. — вскрикнула она, не совсем отдавая себе отчета в том, как ее эмоции воспринимает Рощин, который, естественно, не видел тех образов, что рождало ее сознание.

— Оля, не психуй… — попытался он успокоить ее, но все оказалось намного серьезнее, чем мог предположить Андрей.

Ольга уже вкусила свой страх перед неизбежностью. Она чувствовала — еще немного, и уже никто не сможет предотвратить грядущих событий. Господи, как мы могли… как наивно все планировали… Они ведь не глупцы — это армия, которая прилетела сюда воевать… Сидят, ждут нас, потирают руки, знают все предрешено…

— Андрей, ты должен мне поверить! — в отчаянии вскрикнула она. — Я не лгу! С моей психикой все в порядке, клянусь! Если мы сейчас пойдем напрямик, то успеем, успеем!

Что успеем? — захотелось спросить Рощину. — Успеем умереть?

Глава 19

Руины старого горнодобывающего поселка. Три часа тридцать минут пополудни.

Игорь увидел их с крыши первого же здания, куда вскарабкался по выветренной, осыпавшейся стене, кирпич которой крошился под руками, постоянно грозя обвалиться.

Рокотов лег на теплую, заросшую травой и чахлыми кустами плоскую крышу древней постройки.

Враги находились всего в тридцати-сорока метрах от него… Странная дрожь охватила Игоря при виде этих машин.

На покатых бронированных спинах «Фалангеров» четко прорисовывались люки, около которых топорщились вилки антенн.

Это были серьезные машины. Взгляд Рокотова с безошибочной точностью угадывал расположенные под кожухами брони узлы и агрегаты шагающих роботов. Независимые подвески автоматических пушек, снабженные системами точной наводки, выглядели впечатляюще даже для него. В то же время отсутствие лазеров и иного энергетического оружия давало, по беглой оценке, серьезное преимущество его «Беркуту», который не был ограничен боезапасом.

Уплощенные спины роботов, камуфлированные серо-зелеными разводами, казались едва различимы на фоне руин. Снедаемый страшным, болезненным любопытством, Игорь ужом прополз по крыше, соскользнул с нее на гребень другой, разрушенной временем стены, затаив дыхание ползком двинулся по нему, вздрагивая и холодея каждый раз, как только из-под руки или ноги выворачивался камушек или кусочек бетонной крошки…

Наконец он переполз на провалившуюся крышу соседнего здания. Лежа на животе, он нашарил руками край пролома, подтянулся и выглянул вниз.

Спина пятнадцатиметровой машины оказалась как раз под ним. Робот затаился, согнув ступоходы, и его высота в данный момент не превышала десяти метров. Неширокий скат лобовой брони, из которой выпирали два горба ракетных установок, оканчивался толстым бронестеклом рубки, которую сверху защищал внушительный козырек из керамлитового сплава. На покатой камуфлированной спине робота, сразу за выступами ракетных установок, четко виднелись два люка. Непонятно для чего они были

предназначены — обслуживались через них пусковые стволы или они служили для экипажа? У «Беркута», например, люк пилота располагался в днище, между ступоходов.

Сомнения Игоря разрешились совершенно неожиданно.

Робот под ним внезапно заворочался; резко взвизгнул его торсовый привод, и машина немного повернула свой уплощенный корпус, словно решила посмотреть в другую сторону. При этом ступоходы и сама платформа опорно-двигательного механизма, к которой они крепились посредством огромных шарниров, остались неподвижны.

Игорь смотрел как завороженный, не смея шевельнуться. Внезапно раздался еще один заунывный звук, сопровождаемый характерным шипением. Рокотов не поверил своим глазам — из корпуса машины вдруг начали выдвигаться четыре ступенчатых гидравлических упора, похожие на те, что выпускает экскаватор при рытье глубоких котлованов, только гораздо длиннее и массивней…

Вот они коснулись земли, наискось вдавились в нее, застыли… Торс робота, а вместе с ним и ракетные комплексы залпового огня приподнялись на нужный угол, и внизу, под огрызком старого бетонного перекрытия, на краю которого лежал Игорь, вдруг раздался оглушительный, рыкающий вой, клубами взметнулись земля и пыль, словно шрапнель, по стенам руин ударил сметенный порывом ураганного выхлопа щебень…

Залп был ошеломляющим. Двадцать ракет класса «земля-земля» ушли в небо, чтобы прочертить длинную дугу и упасть на цель в нескольких километрах отсюда…

Пыль внизу медленно оседала. Сквозь ее клубы смутно проступила спина машины. Два люка, которыми интересовался Игорь, внезапно открылись, расколовшись на клиновидные сегменты, и из чрева робота с визгом поднялись сложные устройства перезарядки, в захватах которых покоились оперенные стабилизаторами ракеты.

Задние крышки пусковых установок открылись, откинувшись вверх, нудно взвизгнули подающие приводы, и ракеты вошли в горячие после пуска стволы.

Пустые решетки лотков опустились назад, внутрь робота, крышки пусковых установок начали медленно опускаться…

Сейчас… — резанула сознание Игоря отчаянная мысль.

Он привстал, сгруппировался и прыгнул прямо на горячую после залпа спину шагающей машины.

Его прыжок даже не покачнул огромного робота, опирающегося помимо согнутых в сочленении ног на четыре дополнительных упора.

Игорь приземлился на четвереньки. Метнув взгляд по сторонам, он резко выпростал руку, в которой был зажат кусок прихваченного с крыши бетонного обломка с торчащими из него огрызками ржавой арматуры, и сунул этот импровизированный стопор под опускающуюся крышку правой пусковой установки.

Как он и ожидал, раздался скрежет, сопровождаемый надрывным воем привода, попытавшегося сдуру додавить крышку на место, а потом все стихло обе заслонки так и остались в наполовину запертом положении.

Рокотов вытащил нож и присел, спрятавшись за выступ ракетной установки.

Справа и слева в руинах что-то полыхнуло; клубами взметнулась пыль, с воем рванули ракеты.

В кого же они сандалят, сукины дети?

Данный вопрос так и остался без ответа: вдалеке, у дороги, внезапно заработали автоматические пушки, а тут, среди руин, раздался звон откинувшегося люка и чья-то брань.

Игорь вдохнул…

За козырек, что прикрывал собой бронестекло рубки, уцепилась чья-то рука в отключенной сенсорной перчатке, от которой во все стороны топорщились короткие проводки с компьютерными разъемами на концах.

— Тварь… — прохрипел пилот, натужно вскарабкавшись на козырек. — Да не знаю!.. — огрызнулся он в укрепленный у подбородка коммуникатор. Наверное, что-то попало под заслонку… — Он выпрямился, заглянул за выступ ракетной установки, где как раз и предполагалась неполадка…

Холодное лезвие ножа коснулось его горла.

Водитель робота издал нечленораздельный звук, смертельно побледнел, попытался дернуться, но Игорь уже крепко держал его второй рукой за шиворот униформы.

— Не рыпайся… — прошипел он. Тот еще раз вздрогнул всем телом.

— Вытащи, только очень медленно… — Игорь глазами указал на кобуру, из которой торчала рукоять автоматического пистолета. — Хорошо… Брось… Отлично… — Он прижал ногой оружие, которое брякнуло о броню. — Теперь это… — Взгляд Рокотова красноречиво указал на бетонный обломок под кожухом. — Брось его вниз… Молодец… Там лестница?

Пилот машины кивнул. Его взгляд был испуганным.

Игорь вдруг резко толкнул его, одновременно отпустив ворот.

Взмахнув руками, человек кувыркнулся в воздухе и полетел вниз,

протяжно вскрикнув.

Рокотов подхватил пистолет и метнулся к козырьку.

Вокруг к этому моменту уже творился настоящий содом, но Игорю было некогда ориентироваться в обстановке — все равно бы ничего не понял, а важным сейчас казалось только одно: робот.

От края козырька почти до самой земли действительно свисала полужесткая лестница. Заметив идущий поперек ступенек тросик, Игорь понял, что за ненадобностью она автоматически убирается под козырек.

Спустившись мимо узкого, затянутого бронестеклом триплекса кабины, он увидел распахнутый в днище люк и скобу. Видно, пилотам этих машин пришлось изрядно тренироваться в акробатике. Однако распластавшемуся внизу человеку это искусство не помогло — упав с десятиметровой высоты, он не шевелился.

Через минуту Игорь уже влез внутрь рубки. Люк за ним поднялся, отсекая все посторонние звуки.

Пустое кресло пилота тянуло, манило к себе, как наркотик…

* * *

Оставшись один, Вадим Петрович минуту сидел неподвижно, лишь его пальцы нервно барабанили по облицовке приборной панели.

Что он в самом деле воображает себе, этот Игорь?

Логика размышлений Лозина была проста зачем их не трогали раньше? Почему не остановили, пропустили так далеко?

Нет тут никакой засады… — раздраженно думал он. — У Игоря самая обыкновенная паранойя… мания преследования, привезенная еще с Дабога…

Посидев еще немного, он начал уже всерьез беспокоиться и злиться. Потом, устав ждать, перебрался за руль работающей на холостых оборотах машины, помедлил еще минуту или две, а затем тронул «Волмар» с места.

Сейчас я ему докажу, что тут никого нет…

Вадим Петрович нарочито медленно проехал вдоль руин какого-то несообразно длинного, приземистого здания, которое напоминало собой огромный пустующий цех, и уже вырулил было на прямой отрезок ведущей за пределы поселка дороги, как вдруг сбоку от него, в руинах зданий, засверкали ослепительные, режущие глаз вспышки и небеса внезапно раскололись протяжным воем уходящих ввысь ракет.

Лозина словно ударило током. Он машинально нажал на газ, заставив «Волмара» с пробуксовкой рвануть вперед… навстречу огромной, устрашающей машине, которая, ломая стену, выходила прямо на дорогу,

ведя огонь из двух автоматических пушек.

* * *

Несколькими минутами раньше, еще до первого ракетного залпа, в эфире состоялся один краткий диалог:

— Сэр, они идут. «Беркут» и сопровождающие его машины резко изменили направление. Они повернули прямо на нас… Нам начинать?

— Да… — пришел немедленный ответ. — «Фалангер» и «Хоплит» не щадить, бить на поражение. Но упаси тебя аллах серьезно повредить машину с Дабога, мрачно предупредил Надыров. — Бить только по ступоходам, понял? — Так точно, сэр!..

* * *

Ольга напряженно считала километры.

Ее душа уже вся изнылась от дурных предчувствий. В данный момент ей казалось, что нет ничего хуже этой тягучей неопределенности…

«Хоплит» Рощина и третья, беспилотная машина, шли вровень, удерживая линию. Как только они решили повернуть, Андрей взял на себя управление «Фалангером». Ольга не стала спорить — она имела лишь смутное представление о том, как следует действовать в бою, и понимала, что это обстоятельство больше всего тревожит Рощина, но он молчал, и она была благодарна ему за это.

На самом деле причина такого молчания заключалась в ином — Андрей знал: Надырову обязательно нужен «Беркут», а значит, его не станут сильно калечить, в лучшем случае сделают так, как поступил Сейч, — будут бить в нижние части, по опорно-двигательной системе, пока не повалят на землю…

В предстоящем бою Рощин мог рассчитывать только на себя…

Он не мог надеяться на Ольгу — пилот боевой машины из нее, мягко говоря, никакой. Лучшее, что она сможет сделать, управляя смертоносным «Беркутом», — это путаться в прицелах, создавать движение, отвлекать… и выжить.

А на что надеешься ты? — мысленно спросил сам себя Рощин, напряженно поглядывая на показания сканеров «Хоплита». — На чудо? Это против шести-то «Фалангеров»?!.

Он бы иронично рассмеялся, если бы в этот момент на душе не было так тошно. Чего он в конце концов добился своим геройством? На что рассчитывал? На победу? Воодушевленный девчонкой и несколькими пожилыми офицерами?

Нет, он определенно не отдавал себе отчета в собственных поступках.

Хотя разве мог я сделать что-то иначе? — мысленно спрашивал себя Рощин, и хотя знал ответ, но все равно ругал себя, — может, хотел разозлиться перед последним боем?

* * *

Земля, скалы, руины — все дрогнуло, когда первые ракеты разорвались в трех километрах севернее городка.

В первый миг, услышав нарастающий вой, Ольга едва не зажмурилась от захлестнувшего ее страха, — казалось, ракеты летят прямо в нее, вой выматывал душу, заставлял сердце то сжиматься, то учащенно биться, пока первый султан чудовищного по своей мощи взрыва не взметнул землю в полукилометре от «Беркута».

На экранах наблюдения она отчетливо видела машину Рощина и следовавший на некоторой дистанции беспилотный «Фалангер».

Этих мгновений она не забудет никогда.

Земля разверзлась. Взрывы заплясали по ней в бешеном, жутко-красивом, зловещем танце. Ладони Ольги, сжимавшие джойстики управления, мгновенно покрылись липким ледяным потом.

Она не понимала, что оцепенела, подавшись к экрану, а «Беркут» идет сам по себе… Взгляд Ольги словно приморозило к внешним мониторам, — она хотела бы зажмуриться, да не могла, подпав под страшный, болезненный шок свидания с пляшущей вокруг смертью…

«Хоплит» Рощина огромными скачками несся вперед, пытаясь вырваться из зоны обстрела, — летел сквозь пламя и дым, петляя между султанами выбрасываемой в небо земли.

Вторая машина, связанная автопилотом, неуклюже пыталась воспроизвести бег легкого «Хоплита», но пятьдесят тонн массы «Фалангера» делали эту попытку нереальной.

В какой-то миг Ольга увидела стремительный, падающий с небес росчерк, и на броне «Фалангера» расцвела ослепительная, режущая глаз вспышка.

Это было прямое попадание. Огромная машина пошатнулась, словно смертельно раненный человек, в грудь которого попала роковая пуля… вверх взметнулись куски брони; беспомощно вращаясь в воздухе, в сторону отлетело оторванное вместе с подвеской автоматическое орудие, и робот, из электронно-механического чрева которого внезапно повалил жирный, густой дым, начал медленно валиться на бок…

Андрей… Где он?!.

Ольга пришла в себя, очнувшись наконец от жуткого, ненормального оцепенения.

С небес накатывалась новая волна изматывающего душу воя.

Дистанция до целей — два километра, — подсказал невесть откуда взявшийся внутренний голос, прозвучавший в сознании Полвиной со знакомыми интонациями Степа. — Оленька, его сейчас убьют…

Семь алых точек, одна из которых имела немного иной оттенок, чем другие сигналы, стремительно двигались навстречу друг другу по мягко-зеленой плоскости монитора.

Шесть на одного…

Ольга могла поклясться, что не успела толкнуть вперед управляющие джойстики, — она лишь подумала об этом, — а «Беркут» уже шел?.. Нет, он летел вперед, покрывая по нескольку десятков метров огромными, раскачивающими рубку шагами.

Разрывы легли далеко позади, вдруг превратившись из страшного действа всего лишь в фон, — отдаленную озвучку новой, назревающей прямо на глазах, намного более страшной, чем ракетная атака, схватки.

На контрольной панели «Беркута» один за другим мягко осветились восемь индикаторов зарядки основной системы лазерного огня. Сейчас на загривке машины вместо памятных пятисотмегаваттных горнопроходных пушек стояло четыре турели по двести мегаватт каждая.

Одна из шести атакующих машин по какой-то причине топталась в сером, унылом фоне городских руин, остальные же уверенно шли вперед, пытаясь отсечь «Хоплит» Рощина от машины Ольги.

В небесах Кассии, куда тянулись длинные, полупрозрачные полосы дыма, истекающего от перепаханной ракетными ударами земли, внезапно возник напряженный гул.

Три черные точки, появившись у самого горизонта, стремительно выросли, пронеслись над головой, на миг превратившись в звено остроносых истребителей, и по многострадальной земле замолотили снаряды, выпущенные из их орудий.

Оля, мы поможем тебе… Давай…

Звено истребителей скинуло скорость. Машины синхронно легли на крыло, описывая дугу для нового захода.

Руки Ольги были заняты джойстиками управления, но она внезапно поняла, — незачем выпускать из взмокших ладоней их пористые рукоятки с выпуклостями гашеток, — она ведь могла думать, доверившись «Беркуту» и слившемуся с ним Степу…

Именно сознание андроида, дополнившее кибернетическую систему

шагающей машины, служило переводчиком, — Степ с огромной скоростью переводил ее лихорадочные мысли в язык машинных кодов, понятных для исполнительных систем «Беркута».

Это был момент истины — чудовищный по своей значимости миг полного слияния двух мыслящих форм.

Чудовищный как для Ольги Полвиной, так и для ее врагов.

В арифметику войны входила новая переменная, которую не мог учесть никто, даже те, кто имел опыт столкновений с «Беркутом» на далеком, сожженном дотла Дабоге.

Шесть пятидесятитонных машин класса «Фалангер», — кто мог устоять против их слаженной, четкой атаки, прикрытой к тому же огнем заходящих в пике истребителей?

На контрольных панелях «Беркута» вспыхнуло сразу несколько индикационных надписей:

«Система залпового зенитного огня — статус: АКТИВИРОВАНО».

«Задействован автоматический делитель целей».

«Предварительная наводка — статус: „ОК“».

«ЗАЛП».

Три истребителя рушились с небес прямо на рубку «Беркута», когда в небо брызнуло восемь направленных в разные стороны ослепительных очередей когерентного света.

Головную машину развалило пополам — от иглоподобного носа до хвостовых стабилизаторов.

Двое ведомых не успели увернуться от обломков машины командира, — в небе вдруг вспухло оранжево-черное облако, в землю хлестнула несущая осколки брони ударная волна двух взрывов, а «Беркут», все еще находившийся вне пределов прицельного огня «Фалангеров», вдруг развернулся и пошел прямо на них, вклиниваясь в щель между машиной Рощина, ведущего бой сразу с двумя врагами, и остальными силами Альянса.

В этот миг шестой робот, до этого по непонятной причине топтавшийся в руинах, внезапно появился в поле зрения, — проломив стену здания, он вышел в теснину улицы, неуклюже остановился, будто у него были серьезные проблемы с равновесием, и вдруг, совершенно беспричинно разрядил обе автоматические пушки в спину ближайшего «Фалангера», атаковавшего в этот момент машину Андрея Рощина.

Из пересохшего горла Ольги вырвался восторженный вскрик, больше походивший на яростный клекот, но она не слышала его, захлебнувшись в страшном, запредельном экстазе первого боя, — обломки истребителей еще

барабанили по земле, пораженный в спину «Фалангер» падал, а она уже разворачивала «Беркут», интуитивно сообразив, что новому негаданному союзнику нужна немедленная помощь, — тот двигался странными рывками, а залп, произведенный из обеих пушек, едва не опрокинул его на спину.

Три «Фалангера», двигавшиеся на перехват «Беркута», внезапно изменили направление и повернули в сторону выломившейся из руин машины, тут же пригвоздив шатающегося робота несколькими точными, беспощадными залпами…

* * *

Попав в рубку управления «Фалангером», Игорь на секунду растерялся.

Вокруг него возвышались совершенно незнакомые ступенчатые консоли, поверх которых тянулась метровая полоса кругового обзорного экрана.

Выходит, что внутри шагающая машина Альянса не имела ничего общего с его «Беркутом»?..

Нет, такого просто не могло быть… В конце концов, человеческая мысль так или иначе должна двигаться приблизительно в одном направлении, и, значит, тут можно разобраться…

Игорь не ошибся. Назначение многих приборов удалось угадать, некоторые он просто узнал, а значение остальных постепенно стало проясняться путем осторожных манипуляций по методу продуманного «научного тыка»…

Через пару минут ему удалось убрать гидравлические опоры и сделать несколько пробных шагов. Со стороны могло показаться, что огромный робот перебрал лишку и неуклюже пританцовывает среди руин древнего здания.

Проблемы с равновесием возникли сразу же, как только пальцы Игоря цепко охватили джойстики управления машиной.

В первый момент робот показался ему попросту неуправляемым. Это было обидно. На миг Игорь ощутил приступ бессилия. Стоило ему тронуть управление, и пятьдесят тонн массы начинало шатать, кренить — тут не было привычного нейросенсорного кресла, которое всегда давало ему ощущение слияния с машиной, чувство координации, когда масса робота управлялась вестибулярным аппаратом человека, помноженным на чуткое быстродействие систем ориентации самого робота.

Так было с его «Беркутом»… Эта же машина давала Игорю ощущение

неуправляемой груды металла.

Однако был ли у него выбор или хотя бы право на промедление?

По понятиям Рокотова — нет. В руинах города уже завязался нешуточный бой — там вступили в смертельную схватку с машинами Альянса люди, которые не были готовы к подобному противостоянию, — они ввязались в это ради него, ради того, чтобы он, Игорь, вырвался с Кассии сам и увел отсюда свой «Беркут»..

Значит, выбора у него действительно не оставалось…

Огромный «Фалангер» шевельнулся и сделал первый шаг, проломив своим могучим торсом кирпичную стену здания.

У Игоря не было даже сенсорных перчаток — они остались на руках упавшего вниз пилота. Педали под ногами да джойстики в ладонях. Пятидесятитонный робот, словно пьяный портовый грузчик, по диагонали пересек улицу, на мгновенье застыл, затем рывками повернул свой торс в сторону сражающихся машин, и обе его пушки рявкнули, за несколько секунд разрядив весь боекомплект.

Сквозь толстое бронестекло триплекса Игорь видел, что попал, — снаряды покрыли густыми оспинами разрывов заднюю, плохо защищенную часть ближайшего робота, и тот пошатнулся, прошел по инерции еще несколько шагов, а затем его правый ступоход подломился, и огромный «Фалангер» упал, ощутимо поколебав землю.

Это была чистая победа, но торжество Рокотова длилось не больше нескольких секунд…

Он не уловил, откуда была выпущена по нему первая очередь, но снаряды, попавшие в боковую часть выступа рубки, возымели действие сокрушительного удара в челюсть… Броня выдержала, не подвела, но пятьдесят тонн шагающей машины пошатнуло, торс робота с визгом и скрежетом сорвало с фиксаторов и повернуло против часовой стрелки…

Опытный водитель из числа земных пилотов справился бы с таким повреждением, но Игорь оказался бессилен… Пока он дергал рычаги, пытаясь восстановить управление поврежденными моторами торсового разворота, в его «Фалангер» одна за другой вгрызлись еще несколько очередей, оглушив Рокотова и покрыв контрольные панели пульта россыпями злобных ярко-красных огней…

В недрах робота что-то неистово выло, в рубку из-под кресла тонкими струйками начал просачиваться дым, а Игорь… он даже не знал, где расположена эта чертова кнопка катапультирования…

Он понял, что слишком переоценил свои способности и, по сути, вышел на убой, но рассуждать уже оказалось поздно — еще один залп

хлестнул по броне его машины, бронестекло узкого смотрового триплекса внезапно покрылось змеистым рисунком трещин, а потом вдруг вспухло дождем осколков… Огромный робот пошатнулся и начал падать, опрокидываясь на спину.

Удар о землю вышиб из помутившейся головы Рокотова остатки сознания, и все покрыла черная, непроницаемая мгла…

* * *

…Он очнулся от кислого, железистого привкуса крови.

Сквозь щель триплекса, по краю которого торчали огрызки выбитого снарядами бронестекла, виднелся кусочек лазурного неба Кассии… Вот на него медленно наползла тень, словно в вышине появилось нечто огромное…

Игорь со стоном пошевелился, сплюнул с разбитых губ сгусток крови. Уши казались заткнутыми толстым слоем ваты — он практически ничего не слышал, но отчетливо ощущал, как старая мостовая под ним колеблется, передавая в кресло и спину чью-то тяжкую поступь…

Скосив глаза, Рокотов увидел, как в проеме выбитого триплекса панораму небес заслонила тень огромного ступохода.

Сейчас кончат… — тоскливо подумалось ему. — А если нет…

Разбитые пальцы Игоря пошарили в районе пояса, нашли рукоять ножа, цепко охватили ее…

Он не дастся им живым…

Тень, нависшая над опрокинутым «Фалангером» Рокотова, зашевелилась, смещаясь вбок, и вдруг… он увидел, как ослепительно блеснула длинная очередь когерентного света!..

Это был его «Беркут»!..

* * *

Игорь не знал, что своим неожиданным вмешательством, по сути, спас Андрея Рощина.

…Когда ударил первый ракетный залп, Рощин, пребывавший в скверном состоянии духа, понял, что только скорость и стремительность могут хоть как-то уменьшить преимущество противника. Он действительно не рассчитывал в тот момент ни на Ольгу Полвину, ни на ее «Беркут» — Андрей вполне справедливо полагал, что он будет драться один…

До предела увеличив скорость машины, он рывком вывел свой «Хоплит» из зоны шквального огня. Плетущийся позади «Фалангер» его не заботил, и, когда трепетный огонек автопилота моргнул, а затем погас,

Андрей воспринял это как факт — канал телеметрии оборвался, а значит, ведомой машины уже нет…

Откровенно говоря, Рощину в тот момент стало страшно. Да и кому охота умирать?

Он ожидал шестерых противников, но навстречу ему развернулись лишь два. Трое других пошли на отставший «Беркут», а один вообще топтался в руинах зданий, совершая непонятные манипуляции…

Да и черт с ним… — подумал Андрей, переключая внимание на двух своих противников. Теми, кто пытался атаковать Ольгу, можно заняться позже — им еще бежать и бежать…

«Хоплит» огромными прыжками несся навстречу двум «Фалангерам».

Естественно, Андрей не помышлял закончить жизнь самоубийством. У него был свой, заранее продуманный расчет. У маленького, тридцатитонного робота было лишь два преимущества — скорость и умение прыгать. Беда заключалась в том, что топлива в прыжковых ускорителях осталось на один взлет, — пополнять запасы после схватки с лейтенантом Сейчем оказалось негде.

В окошке дальномера бешено менялись значения цифр.

Семьсот метров… Пятьсот… Триста…

Гашетка ускорителей мягко подалась под ладонью Рощина.

Из-под ступоходов «Хоплита» вырвалось пламя двух реактивных струй робота приподняло над землей, и он подскочил, взмыв вверх метров на сорок…

Пушки «Фалангеров» разрядились практически одновременно с этим прыжком. Остов здания, который как раз проплывал под машиной Рощина, разнесло до самого фундамента, а он уже падал, снижаясь по пологой дуге, на крышу соседнего строения, похожего на цех.

Прежде чем согнутые ступоходы падающего «Хоплита» коснулись ее, Андрей еще раз врубил ускорители, сжигая остатки топлива из баков. Вспышка реактивных струй немного погасила скорость падения, но все равно касание получилось жестким, сокрушительным… Старая крыша не выдержала и провалилась…

Это действительно оказался цех…

Трехпалые ступоходы «Хоплита» раздавили в лепешку какие-то ржавые станки, робот покачнулся, удерживая равновесие и застыл…

Резко взвизгнули приводы торсового разворота, грохот пушек наполнил собой гулкое, пустое помещение; стена цеха в одном месте вспухла фонтаном битого кирпича, и в образовавшемся проломе появился окутанный разрывами «Фалангер», который крался вдоль стены, пытаясь

найти вход…

Есть!.. — У Рощина засосало под ложечкой от этой стремительной победы.

Он не видел второй машины, которая появилась со спины «Хоплита». Хищный силуэт внезапно вырос за огромным окном цеха, и его пушки злобно рявкнули, превратив правый бок «Хоплита» в сплошное изувеченное месиво брони…

У Андрея от удара и внезапной режущей боли в боку и спине помутилось в глазах. Тем не менее он в горячке попытался развернуть машину, но тщетно, приводы, моторы — все безнадежно молчало, даже сигналы пульта погасли видно, оборвало питание.

«Хоплит» каким-то чудом еще держался в вертикальном положении, но Рощин понял — бой оказался короче, чем он надеялся. Сейчас рявкнет второй залп, и уже никто не сможет отделить его останков от перемешанных между собой электронных внутренностей машины…

Залп действительно рявкнул…

Однако Андрей, болезненно сжавшийся в кресле, через секунду осознал, что все еще жив.

Задыхаясь от боли, он нашел в себе силы повернуть голову и увидел окутанный дымом, горящий «Фалангер», которого кто-то пригвоздил со спины.

Сознание Рощина помутилось.

Ему было больно… Невыносимо больно…

Последнее, на что достало сил, — это дотянуться и ударить окровавленной ладонью по клавише катапультирования…

* * *

Взрыв и падение разрезанного на две части истребителя подействовали на Ольгу совершенно неадекватно. На секунду пришла рожденная болезненным азартом боя радость, но она не успела вкусить ее — сбоку грохотали пушки, вокруг рушились, оседая клубами пыли, целые здания, чьи-то нечленораздельные вопли рвали эфир, — бой вокруг кипел жестокий, отчаянный, — в руинах ничем не примечательного городка свершалось первое крупное противостояние боевых шагающих машин.

Бросив взгляд на мониторы, Ольга внезапно увидела «Фалангер», который выходил из здания, обрушив его стену. На мгновенье сердце екнуло — еще один противник… и как близко… но робот шатающейся, неуверенной походкой пересек улицу, остановился и залпом разрядил обе пушки в спину другой вражеской машины.

Ольга кинула взгляд в ту сторону, увидела длинный, приземистый цех с проломленной крышей и… «Хоплит» Андрея Рощина, который возвышался над ней, опираясь простреленной рубкой на безобразный край пролома.

Дымящиеся дыры покрывали его броню как кровоточащие язвы…

Андрей… Андрюша… Этого не может быть… Нет… Господи, прошу НЕТ!

Ольге казалось, что Рощин ей безразличен, но в эту секунду, когда сердце вдруг подскочило к горлу, она ощутила такое безысходное горе, что…

Пока она расширенными от ужаса глазами смотрела на экран, бронепластины, прикрывавшие рубку «Хоплита», вдруг дрогнули и натужно раскрылись, словно бутон исполинского металлического цветка.

Звук от дымного выхлопа катапульты потонул в реве боя, но она видела, видела, как улетела в лазурные небеса крохотная точка пилотского кресла…

Или ей просто отчаянно хотелось верить в это?!

Гадать и разбираться в чувствах не осталось времени… Ольга вдруг поняла — по ее щекам сбегают жгучие слезы, а «Беркут»… он уже развернулся и шел на выручку тому шатающемуся «Фалангеру», который несколько секунд назад спас Андрея…

И опять… она опоздала, засмотрелась не в ту сторону, робот-спаситель уже валился, подкошенный произведенными в упор залпами трех невредимых машин Альянса…

Ты потеряешь всех и погибнешь сама, если будешь ронять слезы как последняя дура!..

Чья это была мысль?

Ее?.. «Беркута»?.. Или, может быть, Степа?..

Ольга удивилась сама себе, когда поняла: ей все равно. В разум вдруг проникло что-то страшное, холодное, пустое…

Я не смогу жить, если они погибнут…

Поворачивая сенсорные рычаги наводки, она успела удивиться в последний раз — тому, что ладони не были больше влажными от пота…

* * *

Вадим Петрович Лозин пришел в себя на краю дымящейся воронки.

В первый момент Вадиму показалось, что он умер, — вокруг стояла оглушительная тишина, перед глазами, заслоняя картину чистого, безоблачного неба, плавали непонятные черные сгустки…

Пошевелив головой, Лозин увидел огромный четырехгранный, чуть скругленный по краям столб, косо застывший в воздухе… От осознания явной ненормальности, бредовости подобного видения в голове Вадима Петровича немного прояснилось, и взгляд Лозина скользнул дальше, выше…

Столб оказался согнутым в коленном сочленении ступоходом чужого робота.

Лозин понял, что лежит на боку, чуть присыпанный землей, а три огромных, вдавленных в почву механических пальца этой исполинской ноги находятся всего в метре от его головы…

Мучительно подняв взгляд, Вадим разглядел покрытое серо-коричневыми разводами, заляпанное грязью днище робота, люк в нем и даже два спаренных орудийных ствола, которые ритмично дергались, плюясь ослепительными вспышками…

Нет… Я не умер… Я оглох…

По ту сторону воронки лежали закопченные обломки его «Волмара». Только чудо спасло Лозина: его просто выкинуло из машины взрывной волной…

…Возвышавшийся над ним робот вдруг покачнулся и сделал шаг вперед. Вадим Петрович ощутил, как пришла в движение груда давившей на его грудь земли, и он, потеряв опору, безвольно, как тряпичная кукла, скатился в трехпалый след, оставленный ступоходом шагающей машины…

Господи…

Вадим Петрович мучительно привстал на четвереньки, чувствуя, что внутренности выворачивает тошнотворным спазмом, кое-как дополз до края страшного следа, потом разогнулся и, шатаясь, побрел прочь…

Он по-прежнему ничего не соображал и не слышал.

* * *

Бой длился пять с половиной минут…

Сейчас четыре уцелевшие за это время машины сближались, следуя по центральной улице практически стертого с лица земли городка.

Их разделяло не больше пятисот метров, когда лазерные установки «Беркута» открыли шквальный, неэкономный огонь.

Восемь очередей ослепительного света брызнули вдоль стен чудом уцелевших домов, и старый асфальт закипел, мгновенно превращаясь даже не в дым — в пар…

Передовой «Фалангер» покачнулся и вдруг начал разваливаться на несколько неравных кусков прямо на глазах своих ведомых.

Это была мощь, от которой терялся разум.

Кирпичи в стенах взрывались, словно шрапнельные снаряды; улицу мгновенно наполнил такой жар, что в теснине между зданиями вспыхнуло все, что только могло гореть.

Ольга обливалась потом, ее горло пересохло, язык стал похож на кусок наждачной бумаги. Она заставила «Беркут» перешагнуть через упавший «Фалангер», который недавно спас Андрея, и заслонить его…

Ответный залп резанул из дымовой завесы.

Снаряды хлестнули по ступоходам «Беркута». Ольга закричала, ее нервная система ощущала каждый впивающийся в механическую ногу снаряд, и куски отлетающей в стороны брони воспринимались ею как окровавленные ошметья собственной плоти…

Это была цена, которую она платила за слияние с «Беркутом»…

Боль — вот что оказалось сильнее страха, выше моральных барьеров, чудовищнее всех взятых вместе сомнений и комплексов; боль заставила ее кричать, боль послала вперед искалеченный ступоход машины, нашла новую точку опоры… она вырвала из пересохшего горла Ольги Полвиной мучительный, сдавленный стон, когда истерзанное снарядами сочленение механической ноги отказалось держать вес многотонного тела…

Боль… Адская, нечеловеческая боль, которая заполняла разум, топила его в жарком, кровавом дурмане…

«Беркут», приволакивая поврежденный привод, сделал еще один шаг, пошатнулся, чиркнул правым боком о стену здания, рывком повернул торс, и его перезарядившиеся лазеры плюнули в дым веером ослепительных световых стрел… И еще… И еще раз…

Ольга кричала от сжигавшей ее боли, судорожно, безрассудно сжимая гашетки, пока энергетические накопители огромной машины не опустели напрочь…

* * *

Когда рассеялся дым, улица была пуста.

В ста метрах от «Беркута» возвышались бесформенные груды спекшегося в шлак металла.

Это оказалось все, что осталось от трех атаковавших ее «Фалангеров»…

Впрочем, Ольге уже было все равно.

Она не верила, что может после этого ходить, жить, дышать…

Машинально вырвав запястья из нейросенсорных захватов, она встала, посмотрела на свои ноги, увидела розовую кожу на том месте, где

ее сознание ожидало встретить развороченную плоть, и, едва соображая, что делает, полезла вниз, прочь из рубки, где ей довелось пережить самые жуткие мгновенья в своей жизни.

Горячий асфальт дымился.

Ольга в шоке посмотрела вокруг.

«Фалангер», которого она пыталась защитить, лежал метрах в двадцати позади «Беркута». Полукруглый триплекс его рубки был выбит, и оттуда, извиваясь, пытался выползти человек. Его окровавленные пальцы судорожно хватали воздух…

Глава 20

Ущелье перед входом в ангар основного модуля «Кассиопеи». Без четверти четыре по времени Кассии.

— Деда! Деда, что с тобой!.. Маленький Андрейка, распихивая взрослых, кинулся навстречу Лозину, который, пошатываясь, сгорбившись под своей ношей, появился в устье ведущего к АХУМу ущелья.

Никто не успел его остановить — Катерина, Мария, две дочери Лисецкого, Наташа и Светлана, побледнев, бросились следом, но внук первым добежал до Лозина; обняв колени Вадима Петровича, он вдруг перестал плакать, прижался щекой к заскорузлым от грязи и крови брюкам и спросил, вздрагивая всем телом:

— Деда, тебе больно? Тебя побили?

Едва ли Вадим Петрович воспринимал его слова. Он стоял, покачиваясь из стороны в сторону, из последних сил удерживая на сгорбленной спине тяжелый кусок катапультированного кресла, к которому было намертво пристегнуто страховочными ремнями бессознательное тело Андрея Рощина.

Это был самый длинный путь в жизни Вадима Петровича Лозина.

Прав был Игорь… Страх — это что-то личное, интимное, так же как и любовь. Он рождается и умирает внутри человека. Но познав его, выносив в себе, а затем убив, человек становится совершенно другим.

Он смотрел на окружившие его лица женщин, на их глаза, полные сострадания, слез, на бестолковые руки, что тянулись поддержать его, прикоснуться, погладить, и вдруг сказал, не слыша собственного голоса:

— Ну, что засуетились? Живой я… Андрея несите в корабль, живо!..

Его послушали беспрекословно. Даже Катюша, взглянув на мужа, поняла Вадим действительно живой, даже не ранен, но что-то случилось с ним внутри.

Освободившись от груза, Лозин бессильно опустился на камни.

— Несите! Я сейчас… Сейчас приду!

Заметив внука, который стоял подле, расширенными глазами глядя на кровь, которая сочилась из ушей деда, Лозин вдруг понял, что не может привычно улыбнуться, глядя на Андрейку, потому что внутри, в душе, он уже знал — этому поколению будет дана совершенно иная жизнь…

— Ну-ка, сбегай посмотри, не идет там кто? — неестественно громко попросил он.

Андрейка испуганно посмотрел на деда, потом кивнул и бегом кинулся к повороту дороги, откуда был виден пологий спуск к старому поселку…

Забежав за поворот, он остановился как вкопанный.

Эта картина останется в памяти мальчика навсегда.

По каменистому склону, ко входу в ущелье, прихрамывая, подволакивая одну ногу, шел огромный, похожий на сложившую крылья птицу робот.

Это был «Беркут».

Вслед за ним, поддерживая друг друга, медленно тащились две человеческие фигуры.

— Деда! — Андрейка бегом кинулся назад. — Там робот! РОБОТ! — Глаза внука блестели, не то от страха, не то от возбуждения. — И еще тетя Оля!.. Деда, она с каким-то дяденькой, слышишь?!

В этот самый миг на повороте дороги послышался заунывный звук сервоприводов и показалась рубка «Беркута».

Огромный робот проковылял мимо сидящего на обочине Лозина. Андрейка прижался к деду, уже не обращая внимания на запекшуюся кровь и провожая машину восторженным взглядом.

Ольга Полвина и Игорь Рокотов появились минуту спустя. Они шли, обнявшись, поддерживая друг друга, — оба были измотаны до предела.

Поравнявшись с Вадимом Петровичем, они рухнули в пыль обочины.

«Беркут» уже входил в прямоугольный провал грузового портала АХУМа. В данный момент им управлял Степ.

Ольга прижала к себе Андрейку и вдруг заплакала.

— Сколько у нас осталось времени?! — хрипло, громко спросил контуженный Лозин.

Игорь приподнялся и медленно покачал головой:

— Нет у нас времени, Вадим Петрович. Прорвались, считай, чудом… Если не взлетим сейчас, — накроют с орбиты, с них станется… Уходить надо… Немедленно.

* * *

В рубке «Кассиопеи» было сумрачно, тихо, только мельтешили по контрольным панелям геометрические узоры огней да пописквали сигналы пультов. Лисецкий и Полвин сидели в глубоких противоперегрузочных креслах, перемещаясь вместе с ними по специальным монорельсовым направляющим от одного рабочего места к другому.

Они не видели боя, не слышали его звуков, — тут шла своя борьба, и она тоже была нелегкой.

Космический корабль простоял на консервации несколько сот лет, и теперь Николай Андреевич мог только мысленно благодарить тех, кто приходил сюда на протяжении многих поколений для проведения тестовых и профилактических работ. Тех, кто верил — когда-нибудь основной модуль «Кассиопеи» покинет свою стоянку на дне гравитационного колодца планеты и вновь выйдет в космос.

Навигационный кристалл, извлеченный из разбитого корабля Игоря Рокотова, уже был вставлен на место и прочитан бортовым компьютером. В нем, кроме пространственных координат Дабога, имелись расчеты для прыжка еще к двум точкам реального космоса.

Полвин не имел возможности посоветоваться с Игорем, — он даже не знал, доберутся они с Вадимом до АХУМа или нет, и потому сам выбрал координаты прыжка.

Сейчас все было готово к старту.

Две образующие свод АХУМа бронеплиты дрогнули, роняя вниз песок и камни. Между ними обозначилась щель, и они начали расползаться в стороны.

— Вниманию всем на борту, — произнес Николай Андреевич в интерком. Начат стосекундный отсчет. Всем пристегнуться, занять противоперегрузочные кресла. Раненым ввести противошоковые инъекции. Есть еще сорок секунд до окончания предварительной готовности…

— Все? — спросил Кирилл, когда автоматика доложила о герметизации входного шлюза.

Полвин посмотрел на табло, отражающее количество и расположение экипажа по отсекам.

— Все… И «Беркут» тоже…

Дрожь пробежала по телу Лисецкого, стянула кожу на затылке… Какие скупые слова, а сколько в них заключено… боли, героизма, предательства, славы, самопожертвования…

— Тридцать секунд до момента зажигания в камерах. Предварительный тест готовности пройден успешно. — Голос бортовой аудиосистемы мягким эхом метался меж приборных консолей. — Стартовый колодец свободен, створы открыты. Начинаю обратный отсчет. Двадцать пять… Двадцать четыре… двадцать три…

* * *

Седьмой механизированный батальон Земного альянса появился на

окраине поселка.

Первыми шли два «Хоплита». Их водители осторожно вывели свои машины к началу главной улицы и остановились.

Взгляд одного из пилотов обежал страшную панораму горящих, дымящихся руин.

— Что наблюдаешь, восьмой? — раздался в коммуникаторе требовательный голос командира, чья машина двигалась с основным ядром подразделения, отстав от разведки на два-три километра.

— Здесь был бой, сэр!.. — доложил пилот, потрясенно разглядывая искореженные, обугленные остовы «Фалангеров», пробитые, обрушенные стены зданий, истекающий дымом фюзеляж атмосферного истребителя… — Дома горят… Активных сигналов в зоне действия сканеров не наблюдаю.

— Включи телеметрию на мой компьютер.

— Да, сэр… — Палец пилота коснулся нужного сенсора.

В этот самый миг в ущелье, начинающемся сразу за поселком, что-то ослепительно сверкнуло.

Пилот «Хоплита» заставил свою машину резко присесть, но напрасно — то был не выстрел и даже не взрыв…

Канал телеметрии беспристрастно и подробно передал эту картинку на мониторы командирского «Фалангера».

Из глубин ущелья, опираясь на ослепительный столб света, в лазурные небеса Кассии величественно, медленно поднимался огромный дискообразный космический корабль.

Это был основной модуль колониального транспорта «Кассиопея».

Как и рассчитывал Пол вин, боевой крейсер Альянса «Тень Земли» находился в данный момент в противоположной точке орбиты. Родная планета в последний раз служила им, закрывая старт «Кассиопеи» своим пухлым, укутанным шапкой атмосферы телом.

Еще минуту потрясенные пилоты двух «Хоплитов» могли наблюдать в небесах Кассии второе солнце, а затем оно истончилось, потеряло яростный блеск и пропало…

Эпилог

Новая эра противостояния Земли и колоний началась в тот день, когда на орбитах планеты Элио внезапно появился вынырнувший из пучин гиперсферы космический корабль.

Это был основной модуль колониального транспорта «Кассиопея».

Цивилизация Элио — одна из первых колоний, возникших после посадки сюда колониального транспорта «Кривич», — стояла в черном списке Джона Хаммера сразу после Дабога, и Игорь Рокотов не только знал об этом, — системный блок бортового компьютера его погибшего корабля содержал данные многих перехватов со станции Гиперсферной Частоты, развернутой силами Альянса в системе Дабога. Расшифровка этих перехватов убедительно доказывала, что часть колониальных сообществ, таких, как Дабог, Элио, Рори, Кьюиг, Стеллар, была попросту приговорена к геноциду — полному уничтожению генофонда и культуры.

Это был страшный год…

Год болезненного прозрения, консолидации миров, год отчаянных слепых рывков через гиперсферу в поисках новых и новых затерянных колоний.

Год поспешного возрождения тяжелой индустрии, строительства космических кораблей.

И все это оказалось возможно благодаря той горстке людей, что продолжала удерживать Дабог.

Только через два года будет прорвана его блокада и начнется эвакуация последних защитников сожженного дотла мира, на поверхности которого уже вовсю будет свирепствовать лютый холод ядерной зимы.

Первая и последующая за ней Вторая галактические войны перемешают народы, приведут к падению Земного альянса и в конечном итоге откроют путь миллиардам иммигрантов в общество новых колоний.

Позже об этом напишут учебники истории, и часть страниц в них будет отдана Игорю Рокотову, Ольге Полвиной, Кириллу Лисецкому. Отдельные главы будут посвящены адмиралу Рощину и Андрею Лозину, который возглавит историческую оборону форта Стеллар.

Но это уже другая история. А пока…

…Николай Андреевич Полвин смотрел в экран дальней космической связи, и ему хотелось закричать, заплакать от избытка переполнявших его чувств.

В глубинах монитора он видел человеческое лицо!

— Внимание, говорит орбитальный комплекс «Скенвери». Неопознанный корабль, вы вошли в орбитальное пространство планеты Элио Назовите себя, пожалуйста… — Голос оператора не был встревожен — в нем читалось безмерное удивление, не больше…

Значит, война еще не докатилась сюда.

— База «Скенвери», на связи основной модуль колониального транспорта «Кассиопея»… — дрожащим, срывающимся голосом произнес Полвин и вдруг добавил: — Господи, как мы рады вас видеть…

Январь-май 2000 г.

г. Псков

notes

Примечания

1

Скриншот — копия игрового экрана, обычно записывается в рекламных целях.

2

ПЗУ — постоянное запоминающее устройство.

3

Биссектриса — в спецтерминологии — направление стрельбы, линия ведения огня.